

ОЛЕГ ШАБЛОВСКИЙ

НОВЫЕ
КРЕСТОНОСЦЫ

Группа соотечественников-реконструкторов внезапно проваливаются в далёкое прошлое, в Средневековье. 1500 год от Рождества Христова, район нынешней Литвы, крестоносцы и рыцарские ордена, война между Московским государством с Великим княжеством Литовским... Что ждет наших современников? Рабство или свобода? Жизнь или смерть?

Олег Шабловский

Новые крестоносцы

ГЛАВА 1

В которой читатель знакомится с нашими героями

Резкий звонок мгновенно поднял Ляшкова на ноги. По укоренившейся за два года срочной службы привычке он вскакивал на ноги быстрее, чем успевал проснуться. От соседней стены раздавался могучий храп соседа по комнате, привычно игнорировавшего все посторонние шумы. Хлопнув ладонью по кнопке жалобно звякнувшего будильника Егор рывкнул: «Серый, подъем!» и схватив туалетные принадлежности, рванул в умывальник, следовало поторопиться, на весь 4 этаж их студенческой общаги это достижение цивилизации было одно.

Через десять минут, вдоволь наплескавшись в холодной воде, горячую, администрация общежития, видимо заботясь о физическом здоровье студентов, упорно отказывалась подключать, Егор вернулся в комнату. Без особого удивления он отметил, что положение тела на соседней койке совершенно не изменилось. Поскольку времени было мало, проблема была решена довольно радикальным, но привычным способом. Парень просто наклонил кровать, и в полном соответствии с законом земного притяжения, храпящий, упитанный организм товарища полетел на пол. Раздался сочный шлепок и не менее сочный трехэтажный мат. Оставив «преданного земле», беззлобно матерящегося Серегу копошиться в опутавших его простынях и одеялах, Ляшков пошел собираться. Через час на железнодорожном вокзале был назначен сбор всей группы, профессор вчера предупредил, что ждать никого не будет, «кто не успел, тот опоздал».

Эта экспедиция планировалась еще прошлым летом, когда они окончили 2 й курс. В июле месяце, преподаватель кафедры истории Борис Абрамович Ригель, сообщил своим студентам, что намерен собрать группу из шести — семи добровольцев. Целью поездки должно было стать обнаружение и изучение древнего языческого капища, упоминание о котором обнаружил его старинный друг профессор Вайтикунис. Вся проблема была в том, что капище это, находилось на территории независимой ныне Латвии, и много времени ушло на собирание нужных для выезда за границу документов.

В принципе, собирать особо было нечего, вещмешок со всем необходимым снаряжением, одеждой, аптечкой, и продуктами со вчерашнего дня лежал под кроватью. Ляшков натянул «комок», и кроссовки подпоясался офицерской портупеей с висящей на ней полулитровой алюминиевой флягой. Вытащил «сидора» из под койки упаковал в него «мыльно-рыльные» принадлежности, вторую флягу с медицинским спиртом «на всякий случай, для сугреву», складной нож. Немного подумав, прихватил с собой кистень, сооруженный из гирьки от ходиков и кожаного ремешка с петлей на конце. Дабы не было проблем с латышскими таможенниками, кистень был «разобран» на составные части. Ведь сами по себе гирька от часов, лежащая в вещмешке и кожаный ремешок, намотанный на запястье, никаких подозрений вызывать не должны. Парень закрепил в лямках зачехленные, топор и заточенную до бритвенной остроты малую саперную лопатку, и завершая сборы, сверху приторочил свернутое в скатку шерстяное одеяло.

— Леший, че не мог раньше меня поднять, очередина такая в умывальнике — в комнату вошел недовольный Серега Корнев.

— Ага, разбудишь тебя как же, собирайся быстрее, поедим и пошли, опоздаем — проворчал Егор, и пошел к стоявшему в углу древнему как мамонт и ревущему как стратегический бомбардировщик холодильнику.

Солнечное, июньское утро, встретило друзей веселым воробьиным чириканьем и ласковым теплым ветерком, город только просыпался, улицы были почти пусты, только группка бегунов пробежала им навстречу. До железнодорожного вокзала, они добрались без приключений, а самое главное вовремя. Остальные уже стояли кучкой на перроне, возле груды рюкзаков, палаток и «спальников», не хватало только руководителя группы.

— Сережа, Егор, ну, наконец то, мы уже думали, что вы вообще не придете, сколько можно ждать — к ребятам подскочила староста группы миловидная, пухленькая брюнетка Ленка Живчикова. Характер Ленки вполне соответствовал ее фамилии, она представляла собой сплошной сгусток энергии, перемещавшийся в пространстве со скоростью пули и говорящий со скоростью пулемета.

— Привет Лена, стой, не тарыхти, скажи лучше, Абрамыч не подходил еще — Егор остановил супер активную старосту.

— Подходил, побежал на вокзал за газетой и водой, вас только ждем — вместо «Живчика» ответил подошедший следом Леха Емелин. Вместе ребята подошли к остальным членам команды: лучшему Лехинуму другу — здоровяку Косте Щебенкину и одной из первых красавиц на курсе, миниатюрной смешливой шатенке Светке Арсеньевой. Рядом с ними стояла незнакомая зеленоглазая блондинка, примерно одного с Егором возраста, одетая в серый тренировочный костюм, только подчеркивавший достоинства стройной, спортивной фигуры.

— Знакомьтесь — представил Емелин — Таня, племянница, нашего Абрамыча, и по совместительству медик, она поедет с нами.

— Очень приятно — Сергей — Корнев галантно раскланялся и поцеловал протянутую руку.

— Егор — коротко представился, отчего то смутившийся, хотя, в общем, никогда особо не чуравшийся женского общества Ляшков.

— И мне, очень приятно, — весело улыбнулась девушка.

— Ну, вот все в сборе — к ребятам подошел слегка запыхавшийся профессор, и оглядел свою группу.

Костя Щебенкин — представлял собой сплошную гору мышц, поскольку всерьез увлекался пауэрлифтингом, и почти все свободное время проводил в качалке, что связывало его с непоседливым «Вжиком» — Емелиным было совершенно непонятно. По характеру Костя и Леха были полными противоположностями. Первый — молчаливый, неторопливый, основательный, здоровенный, под метр девяносто пять парняга. Второй — мелкий, едва ли метр шестьдесят восемь ростом, худощавый и огненно рыжий, говорун и любимец группы, никогда не расстававшийся с гитарой, которая и сейчас стояла в чехле аккуратно прислоненная к сложенным в кучу вещам.

Вообще то, и Сергей Корнев ростом был не меньше Щебенкина. Но его природная полнота, из за которой, кстати, он и получил в группе прозвище «Пузырь», на которое впрочем, не обижался, и лень, которая, по словам Серединой бабки «вперед него родилась», создавали впечатление неуклюжего добродушного увальня. Коим он собственно и являлся. Вывести Серегу из себя было почти невозможно, однако немногие «счастливчики» которым это все таки удалось, знали, что разъяренный Корнев способен преследовать обидчика с

упорством и яростью раненого медведя. Сергей был просто влюблен в историю, и очевидно на этой почве являлся одним из создателей и активных членов университетского клуба исторической реконструкции.

Егор Ляшков был на три — четыре года старше своих однокурсников, единственный из них кто пришел в университет после 2х лет срочной службы в армии. Среднего роста, поджарый, жилистый. Сколько себя помнил, он занимался спортом, в детстве спортивной гимнастикой, а последние 7 лет «рукопашкой». Рассудительный и невозмутимый в группе он пользовался непререкаемым авторитетом и частенько выступал в роли третейского судьи в спорах.

Дальше знакомство, пришлось прервать, был подан состав, и надо было, быстро грузится в вагон.

Путешествие прошло в приятной и непринужденной обстановке, как и предполагалось, никаких проблем при пересечении границы не было. Следующим утром на вокзале в небольшом городке с непроизносимым латышским названием их встретил профессор Вайтикунис и загрузил всех в свой микроавтобус.

Ехали недолго, на одном из хуторов ребят высадили и Ригель, вручив Егору карту, указал на ней место:

— вот здесь у реки найдете подходящее место и разобьете лагерь. А завтра мы вас найдем.

После этого оба профессора, куда то укатали, а ребята продолжили путь пешком.

К вечеру, порядком вымотавшись, путешественники добрались до небольшой речушки.

и найдя подходящую поляну на скорую руку установив палатки и перекусив, попадали спать. Ночью разразилась гроза, но ни раскаты грома, ни вспышки молнии, ни барабанившие по палаткам крупные капли дождя не помешали крепкому сну усталых студентов.

ГЛАВА 2

Утро

Утро выдалось ясным и веселым, о ночной грозе ничего не напоминало, Ляшков выбрался из палатки, потянулся до хруста в суставах, зевнул и огляделся, все еще спали. В лесу царила тишина, которую нарушало лишь птичье щебетание и тихое, ласковое журчание речушки.

— Хорошо то как, лепота — улыбнулся Егор и пошел умываться.

Вода в речке была приятно прохладной, и бодрящей, искупавшись, он уже собирался идти к палаткам, как услышал легкий всплеск.

— Если в реке, кто то плещется, значит, этот кто то — рыба, а раз это рыба, значит, ее можно пригласить на сковородку. Не зря же Пузырь удочку с собой тащил — поразмыслив, пришел к выводу парень.

Но сначала надо было накопать червей. Ляшков отыскал свою лопатку, и отошел в сторонку от палаток, собрался было приступить к земляным работам, и вдруг вспомнил:

— Вот блин, костер то погас, и дров совсем нет, надо сходить, принести, а то пока эти лентяи раскачаются.

Оставив инструмент, Егор направился собирать хворост.

Продираясь через кусты с охапкой дров, Егор услышал странный шум со стороны лагеря. Аккуратно сложив поклажу на землю, он осторожно отодвинул ветки и выглянул. Увиденное, заставило пригнуться. В трех шагах от укрытия Ляшкова, боком к нему стоял невысокий крепкий мужик с грязными, торчащими в разные стороны шевелюрой и бородой. Одет он был в засаленную странного покроя кожаную куртку. В руках у него был заряженный арбалет, на поясе солидных размеров нож в простых деревянных ножнах. Давно не мытая, свирепая, обрюзгшая рожа, выражала неподдельную радость, очевидно при виде богатой добычи. Сама добыча: шестеро связанных по рукам и ногам Егоровых спутников, радости оборванца, похоже, не разделяла. На изумленной Серегиной физиономии в которую собственно и был направлен арбалетный болт, красовался огромный «фонарь». Другой член команды — Костик валялся в стороне лицом вниз. Возле Лехи и испуганно жавшихся к нему девушек стоял еще один персонаж — среднего роста худой парень, почти пацан, лет 16 отроду. На нем был колет синего и желтого цветов с каким то рисунком на груди, и такой же берет с довольно ободранном пером, вооружен этот вояка был алебардой, острие которой было направлено точнехонько в грудь Емелину.

Возле палаток, деловито ощупывая ткань и что-то, довольно бурча себе под нос разгуливал наиболее любопытный экземпляр местной «фауны». Самый натуральный средневековый воин в кольчуге доходившей ему до колен, с прямым мечом на поясе, и обвешанный как новогодняя елка прочим аналогичным колюще — режущим «инструментом», начиная от длинного, широкого кинжала, и заканчивая засунутым за пояс моргенштерном.

— Что за маскарад хэллоуин у них тут, что-ли? Блин а что Костян то не шевелится, неужели эти уроды его насмерть — мелькнула мысль — В двух шагах между собой и первым противником парень увидел в траве свою саперную лопатку, план действий родился мгновенно. Шагнув из кустов на поляну Ляшков, коротко пронзительно свистнул, привлекая к себе внимание арбалетчика. Надо отдать должное, реакция у него была неплохая, резко

обернувшись, бородач спустил тетиву. Егор прыжком вперед, кувыркнулся через голову. Рукоятка лопатки удобно легла в правую руку. Арбалетный болт безобидно просвистел где то над головой, а остро заточенное лезвие шанцевого инструмента рассекло кадык незадачливого стрелка. Брызнула кровь, мужик с хрипом, зажимая рану, упал, но заикливаться на нем и комплексовать было некогда, навстречу уже бежали другие бандиты.

Ближе оказался молодой, он сходу попытался насадить Ляшкова на острие своей алебарды. Егор перекинул свое оружие в левую руку сделал шаг навстречу и в сторону, пропуская нападавшего мимо себя, одновременно контролируя кистью правой руки древко, и оказавшись за спиной алебардщика, от души врезал ему по затылку лопаткой плашмя. Не издав не звука, неприятель мешком осел на землю.

С воином в кольчуге управится было сложнее, поэтому бросив инструмент Егор развернулся и петляя побежал вокруг поляны, одновременно готовя врагу сюрприз. Пробежав несколько десятков метров, он сбавил темп, подпуская изрядно запыхавшегося яростно размахивающего мечом преследователя поближе. А затем, когда тот уже был в двух шагах, резко остановился, развернулся и метнул точно в незащищенный лоб набегавшего, не успевшего притормозить противника тяжелую гирику кистеня. Бой был окончен.

Скрутив руки и ноги оглушенного юнца, победитель на всякий случай запихал тому в рот, вместо кляпа его собственный берет, валявшийся рядом, а потом направился освобождать своих друзей, встретивших его радостными воплями, и рыданиями.

— Ну, теперь объясните мне, откуда взялись эти взбесившиеся реконструкторы, и что и собственно от вас было надо — поинтересовался Ляшков, когда веревки, опутавшие пленников, наконец были разрезаны, Щебенкин был приведен в чувство, все более или менее успокоились. Сделавший несколько хороших глотков из заветной «медицинской» фляги Егор сумел унять нервную дрожь во всем теле.

Из путанных и сбивчивых объяснений друзей, удалось выяснить, что нападавшие вышли из леса с северного конца поляны. Без всяких вопросов и объяснений шедший первым латник, ударом кулака в тяжелой, кованной, перчатке отправил в нокаут умывавшегося у ручья Костю. Выглянувшего из палатки на шум Корнева арбалетчик приветствовал пинком сапога в лицо, после чего всех, угрожая оружием, собрали в кучу и связали. Больше ничего сделать нападавшие не успели, поскольку в этот момент из кустов вылез «супермен» Ляшков и устроил форменное побоище.

— Надо полицию вызывать — Емелин достал мобильник.

— Ну да, они сразу Егора загребут по обвинению в убийстве, а мы все пойдем соучастниками, они итак то русских не любят, а тут еще два жмурика из местных — засомневался Корнев.

— Ерунда, нас здесь семь человек, мы докажем, что это была самооборона, давай Леша звони — категорично заявила Лена.

— О, не понял, не берет, говорит сети нет.

— Вчера же вечером все нормально было, я еще маме звонила — удивилась Светка.

Эксперимент со своими мобильниками, повторили по очереди Корнев, Живчикова и Арсеньева, с тем же результатом.

— Ладно — Егор поднялся с земли — будем сами разбираться, а ну пацаны, помогите этих убрать.

Совместными усилиями парни оттащили трупы в сторонку, что бы не маячили перед глазами. Егор вместе со страдальчески морщившимся Сергеем сняли с них оружие и доспехи

и тщательно обыскали. Емелину был вручен трофейный арбалет, и вместе с вооружившимся моргенштерном Щебенкиным, они отправлены были в секрет на северной части поляны, чтобы избежать повторного нападения. Кто знает, сколько там еще в лесу бродит подобных несознательных латышских граждан.

Теперь настала очередь допроса пленного, который к тому времени пришел в себя и морщась от боли в затылке, оглядываясь крутил головой, очевидно пытаясь понять где он и что с ним произошло. Первым к нему подошел Корнев, увидев склонившуюся над ним свирепую, украшенную синяком физиономию недавнего пленника, парень впал в полную панику. Он извивался всем телом, пытаясь освободиться, испуганно вращал выпученными глазами, и что то мычал, очевидно, в свое оправдание.

— Ну и что вы будете с ним делать? — поинтересовалась подошедшая следом Живчикова — кстати, если вытащить кляп, можно попробовать понять, что он говорит.

— Угу, спасибо, что подсказала, сами бы ни за что не догадались, иди костром займись — кивнул Егор, вытаскивая изрядно замусоленный берет, изо рта «языка», и на всякий случай, приставив к его горлу острое снятого с арбалетчика ножа, дабы отбить у пленного всякое желание заорать. Парень оказался понятливым, сразу заткнулся и лишь молча таращился, переводя взгляд с Ляшкова, на Корнева.

— Правда Лен идите лучше со Светкой поесть, что ли приготовьте, а то я с голоду умираю, здесь мы с Лешим, как ни — будь без вас, разберемся — поддержал товарища Сергей.

— Кому что, а Корневу лишь бы пожрать, готовится уже, не переживай — фыркнула непривыкшая оставаться в долгу староста, но, тем не менее, послушно направилась в нужном направлении.

Егор начал допрос:

— Ты кто?

Лицо пленника выразило полное непонимание, он пробормотал.

— Их нихт ферштее.

Егор опешил: «ну вот, приехали».

— Чего делать то будем.

Сергей успокоил:

— Это то, как раз не проблема, я немецким довольно неплохо владею, в школе его учил, и потом ты же знаешь, я же в детстве с родителями в Казахстане жил. У меня много друзей немцев было, практика разговорная хорошая была.

— Ну, давай, на немецком попробуем, я буду говорить, а ты переводи.

— Хорошо, говори.

Егор повернулся к пленнику, сделал зверскую физиономию и прорычал ему в лицо

— Не кричи, отвечай тихо и спокойно, а самое главное честно, иначе у меня рука соскользнет и я что ни — будь, тебе нечаянно отрежу, ты меня понял?

Корнев перевел.

Парень судорожно сглотнул, и не отводя круглых глаз от лица Ляшкова осторожно кивнул.

— Кто вы такие, и что вам от нас было надо?

— я Альберт фон Зиг оруженосец владельца этой земли, и замка Грюненбург, господина барона де Виверна, а они — парень кивнул головой туда, где лежали трупы — его воины.

— Интересная история, они тут че, в своей Прибалтике, решили встать на светлый путь феодализма? — удивился Корнев, и поинтересовался у пленника:

— какой сейчас год, по твоему?

— 1500 от Рождества Христова

При этих словах друзья переглянулись, и Сергей заметил:

— ты, наверное, пацана, слишком сильно по башке приложил.

Егор в ответ только непонимающе пожал плечами:

— Ну давай, ври дальше.

— Три дня назад барон вызвал меня и приказал, чтобы я и Ганс отправились с Куртом, мы должны были схватить человека, которого он нам покажет. Мы выполнили приказ господина, и уже ехали обратно, но уже стемнело и мы решили остановиться на ночлег в лесу, неподалеку отсюда. Утром Ганс Арбалетчик почувствовал запах дыма, мы знали, что здесь никто не живет и поэтому пошли на разведку, дальше вы знаете, я ни кого не убивал, пощадите меня.

— Что вы собирались с нами делать? — поинтересовался Корнев.

— Отвели бы к нашему господину, а он бы вас продал, вы молодые, здоровые, такие рабы дорого стоят.

— Интересно, с чего это вы решили, что нас можно продать? — возмутились ребята

— Все, что находится на земле барона — его собственность, и он волен поступать с ней как захочет.

Сергей заметил:

— судя по всему, твой господин — редкая скотина.

Де Зиг молча философски пожал плечами мол «что есть, то есть».

— Кроме вас еще кто здесь, в лесу?

— Крепостной барона, которого мы взяли себе в помощь и человек, которого мы везли к господину.

— У крепостного оружие есть?

Лицо пленника выразило неподдельное удивление: «Кто же рабу оружие даст?»

— Понятно — буркнул Егор, досадуя на себя за глупый вопрос, и повернулся, услышав шум за спиной.

В это время, словно подтверждая слова допрашиваемого, на поляну въехала целая кавалькада. Первым шел средних лет бородатый мужик в серой, грязной холщевой рубаше подпоясанной обрывком бечевки, и таких же драных и грязных холщевых штанах. Левой рукой он держал под уздцы понурую пегую лошаденку, запряженную в телегу. Правую руку «абориген» держал поднятой вверх, как американский президент на присяге. Сбоку, чуть позади него вышагивал гордый «Вжик» держа нового пленника под прицелом арбалета. В телеге на охапке сена сидел связанный седой, но довольно крепкий старик. Замыкали шествие две оседланные лошади, поводья которых были привязаны к телеге.

Как рассказал подошедшим парням довольный собой Емелин — только, только они с Костиком пришли на назначенное для «несения службы» место и стали оборудовать наблюдательный пост, как услышали конское ржание. В зарослях, метрах в двадцати впереди. Они неслышно прокрались к источнику шума, (Егор недоверчиво хмыкнул, представив себе неслышно крадущегося Щебенкина, но перебивать рассказчика не стал) и обнаружили в кустах лошадей, телегу и связанного старика в ней. Хозяин телеги обнаружился несколько позже. Увидев, как вооруженные люди уводят, его движимое

имущество, мужик сам выскочил из кустов, куда спрятался при «неслышном» приближении парней, и, упав на колени, стал упрашивать, не забирать его единственную кормилицу. Всем своим видом выражая готовность, изо всех сил и возможностей, служить «господам разбойникам».

В этом месте Сергей удивленно посмотрел на Леху:

— а, ты на каком языке с ним разговаривал?

— Как на каком, на русском конечно, он по нашему хорошо шпарит, только немного странно, но все понятно. А почему ты спрашиваешь?

— Да так.

Очевидно, старик и был тем самым человеком, которого желало видеть местное «начальство». Судя по всему при этом сам задержанный, такого желания не испытывал. Одет он был в крестьянскую одежду примерно также как и возница, разница только в том, что одежда была чище и опрятней. Однако, что то в облике этого человека заставило присмотреться к нему внимательней, что именно Егор сначала не мог понять, чуть позже до него дошло — глаза. Во взгляде баронского крепостного читались только безразличие и тупая покорность судьбе, смешанные со страхом. В умных глазах старика напротив блеснуло скрываемое за внешним безразличием, настороженное любопытство, с которым он исподлобья оглядывал поляну и разбитый на ней лагерь. Когда взгляд остановился на трупах Курта и арбалетчика — удивление и торжество.

Допрошенный на скорую руку крестьянин сообщил, что зовут его Фролом он раб местного фогта. Крестоносцы захватили его 3 года назад во время очередного набега в одной из деревушек под Вильно. А на днях к нему пришли слуги господина, и потребовали, чтобы он запрягал лошадь и ехал с ними.

В это время девчонки позвали парней завтракать, и беседу с остальными аборигенами решили отложить.

Скрутив на всякий случай руки и ноги «водителю кобылы» и усадив его на землю возле тележного колеса рядом с оруженосцем, ребята собрались у костра и с аппетитом стали поглощать кашу с тушенкой. За завтраком Егор и Сергей коротко рассказали остальным все, что удалось узнать у Альберта.

— Этих кормить будем — Емелин кивнул головой в сторону телеги.

— Потерпят, ничего страшного, и вообще, чего ради, мы должны их кормить — решила Живчикова — мы их сюда не звали.

— Может правда, того старого развязать — предложила Светка — кстати, а кто он? — спросила она, показывая на, сидевшего в телеге человека.

— Не знаю — ответил Егор — судя по виду, тоже какой то крестьянин, но уж больно странный.

— Нет — Светка покачала головой — он не крестьянин, посмотри на его руки, и на руки вот этого Фрола.

— А че руки — удивленно поднял глаза Корнев.

— Ну, я когда за водой к ручью ходила, мимо прошла и внимание обратила, у меня бабушка с дедушкой в деревне жили. Они постоянно в огороде копались, так я помню, что их руки вон как у того — Светка показала на возницу — не знаю, как сказать, корявые, что ли. А у того, что в телеге руки не такие.

— Молодец Светик, подметила, а я еще понять не мог, что то у него не так, не правильно — Егор согласно кивнул — надо пойти с ним переговорить.

— Приведи его сюда, вместе и поговорим — включилась в разговор Таня.

— Правильно — поддержали ее все остальные.

Сергей поднялся.

— Да кстати, кто еще на каком языке говорить может?

— Я немного на немецком — подал голос Емелин.

— Я французский знаю, не очень хорошо, но могу говорить — подняла руку Светка.

Ляшков и Щебенкин признались, что, через пень колоду могут изъясняться на английском, неплохо знали этот язык Татьяна и Живчикова.

— а почему ты спросил? — поинтересовалась Лена.

— Затем, что из этих — Корнев кивнул головой в сторону телеги — один говорит на немецком, один на русском, а на каком языке говорит третий, я даже не знаю.

Третий, тоже оказался немцем. Старик, дрожащим жалобным голосом поведал, что он простой каменщик, зовут его Фриц Вольф он ехали в Магдебург в поисках работы, когда на него напали слуги фогта. За что с ними так обошлись, он не знает. Фриц попросил развязать, его и не причинять никакого вреда, клятвенно заверяя, что никуда не убежит и не доставит беспокойства «добрым господам».

Выслушав перевод Корнева, Егор кивнул:

— мы тебя развяжем, только ты нам сначала правду расскажешь, а не эту сказочку, а то оставим вас связанными здесь, и выбирайтесь, как знаете. Из тебя такой же каменщик, как из меня епископ.

Фриц исподлобья, оценивающе посмотрел на Егора и уже совсем другим, твердым голосом спросил:

— это вы убили Курта и его приятеля?

Егор кивнул:

— они первые напали на нас, мы только защищались.

— Хорошо, я все расскажу.

Старик рассказал, что его действительно зовут Фридрих Вольф, никакой он не каменщик, а служил начетником у местного фогта, рыцаря фон Гутенбергена вместе с Куртом, который тогда был воином в их дружине. Неделью назад в их замке появился бретонский барон де Виверн с двумя оруженосцами и небольшим отрядом из двадцати ландскнехтов. Барон ехал в Ригу, что бы вступить в орден.

Фон Гутенберген радушно принял барона как будущего собрата по оружию. Но на следующую ночь, вместо благодарности де Виверн воспользовавшись помощью негодяя Курта вместе со своими наемниками напал на рыцаря и его людей. Небольшой гарнизон замка, застигнутый врасплох, отчаянно сопротивлялся, но силы были не равны. К утру Грюненбург поменял владельца. Барон объявил себя новым фогтом, а предатель Курт очевидно стал служить у него. Вольфу единственному из обитателей замка удалось ускользнуть, он некоторое время скрывался в окрестных чащобах, а потом решил пробираться в Ригу, чтобы рассказать обо всем тамошнему епископу и просить его помощи и защиты. Однако далеко уйти ему не дали. Позапрошлой ночью на постоялом дворе Вольфа схватили люди барона, таким образом, он и оказался здесь.

Егор развязал пленника, а Таня принесла ему миску с кашей, пока бывший начетник поглощал нехитрое угощение, между ребятами завязалась оживленная дискуссия.

Роль докладчика взял на себя Корнев, вначале он вкратце пересказал все, что удалось узнать, а потом, выдержав эффектную паузу, продолжил:

— Итак, из полученной информации делаем следующие выводы:

первое — либо мы попали на территорию психиатрической лечебницы, где все больные несут один и тот же бред. Либо, и в это тоже трудно поверить, но мы находимся не в нашем времени, а в 1500 году на территории Ливонского ордена. Каким образом мы сюда попали, и как отсюда выбираться, мы не знаем (молчи Ленка не перебивай, после предоставим тебе слово).

второе — нравы здесь царят, самые, что ни на есть средневековые. Мы находимся на земле одного из местных феодалов — барона де Виверна, редкостного скота, злыдня, и самодура;

третье — вторжения на чужую территорию нам показалось мало. Наш Леший прикончил двух воинов этого самого Виверна, а его оруженосца взял в плен, чем скорее всего обидел нашего гостеприимного хозяина. Через это, как говорил наш Борис Абрамыч, мы все будем иметь крупные неприятности, и как их избежать, мы тоже не знаем.

Он обвел притихших ребят взглядом:

— Ну а теперь, прошу собравшихся, высказывать свои идеи и предложения, разумные и толковые.

Таня заметила:

— мне кажется, это не психи, все гораздо хуже, мы действительно в другом времени, господи, что я несу, сама себе не верю.

— А я не верю во все это, бред какой то, «Живчик» энергично замотала головой, мне все кажется дурацким кошмарным сном, вот сейчас я проснусь и все будет нормально.

— Не будет — Егор задумчиво помешал прутиком угольки в костре — надо принимать ситуацию как реальную, и думать, что делать дальше.

— Эх, знать бы как нас сюда занесло — Емелин с досадой хлопнул ладонью по земле, тогда бы мы хотя бы теоретически знали, как отсюда выбраться.

— Пузырь, а ты че скажешь? — Леха толкнул Сергея в бок локтем.

Корнев задумчиво потрогал синяк, поморщился и вдруг неожиданно выдал:

— Не знаю, как вам, а мне все это нравится, вы только подумайте мы реально попали в самое настоящее средневековье. Мы можем стать рыцарями, наша судьба теперь будет зависеть только от нас, никто за нас решать ничего не будет, это же здорово. По крайней мере, лучше, чем объясняться с латышскими полицейскими по поводу двух «невинно убиенных» латышских граждан

Живчикова, молча посмотрела на него и многозначительно покрутила пальцем у виска.

— Да уж, мы действительно «реально попали» — проворчал, молчавший до этого момента Щебенкин — по самое не хочу, попали. Интересно, как долго мы сможем здесь в лесу прятаться, и что с этими — он кивнул в сторону пленных «аборигенов» делать, не убивать же их всех, и отпускать тоже нельзя.

Ребята, а ведь это и правда очень романтично — неожиданно поддержала Корнева, Светка — рыцари, замки, прекрасные дамы и все такое, вот только — она опустила голову — родители искать будут, переживать.

Ну вот, что — Егор окинул взглядом задумавшихся однокурсников — ничего хорошего и романтичного в нашей ситуации нет. Но ты Пузырь кое в чем прав, наша судьба теперь будет зависеть только от нас. Никто за нас решать ничего не будет, и в лесу мы долго не просидим. Кто ни будь, нас все равно увидит, и вложит барону. Вот тогда нам придется драться, рисковать своей жизнью, и убивать других. Если мы, конечно, хотим остаться живыми и

свободными. Кто из вас готов убивать сам, и рисковать быть убитым?

Ребята потерянно молчали.

— Да, умеешь успокоить и утешить — Ленка с неприязнью посмотрела на Ляшкова — но наверно ты прав, как бы по идиотски это не звучало.

— Не знаю как вы, а я точно буду драться — Корнев воинственно задрал подбородок — вы же знаете, я в исторической реконструкции занимался, умею обращаться с оружием.

— Драться, так драться — кивнул Костя — все равно больше нам ничего не остается.

— Ну, вот и решили — подвел общий итог Емелин — осталось только придумать, куда мы пойдем.

Корнев воскликнул:

— на Русь надо пробираться, куда же еще, чего тут долго думать.

— Ага, и кто там нас ждет, кому мы там нужны, и что будем делать даже если каким то чудом нам повезет пройти через всю территорию ордена и добраться до русской границы — скептически поинтересовался Алексей

— Ну не знаю, там придумаем что ни — будь.

— Нет — Егор, поддержал Емелина — никуда мы не дойдем, мы здесь чужаки, куда идти, не знаем. Любой вооруженный человек будет рассматривать нас как потенциальную добычу, а не вооруженный просто не пойдет с нами на контакт. А то и вовсе соберутся мужики и забьют нас дубинами как колдунов, или еще хуже попам местным сдадут, а у тех разговор короткий, вмиг на костер определяют, да еще и попытают предварительно. Нам нужна надежная база, чтобы отдышаться, осмотреться и решить, как быть дальше.

— Ты прав — согласно кивнул Костя — только где эту базу найти.

— Есть у меня одна мыслишка, надо сначала с нашими пленными еще поговорить, пойдем Серый, переводить будешь, Костя, Леха тоже пойдем с нами.

Ребята подошли к Фридриху, подсели к нему, и Егор спросил:

— скажи старик, сколько воинов осталось у барона после захвата замка.

— Я толком не знаю, лучше спросить у оруженосца барона, а зачем тебе?

— Я хочу захватить замок, ты согласен мне помочь?

Переводивший Корнев удивленно присвистнул, а брови Вольфа изумленно поползли вверх:

— Ты парень вроде не похож на сумасшедшего, который торопится умереть, а может у тебя есть отряд воинов, или деньги, чтобы их нанять?

— Денег у меня нет, а все мое войско перед тобой.

— Тогда я не знаю, на что ты рассчитываешь, очевидно, у тебя есть какой то план.

— Есть.

— В таком случае я согласен помочь вам, если ты убедишь меня в том, что твой план выполним.

— Для этого мне надо знать все о замке и его гарнизоне.

Пятеро заговорщиков обступили перепуганного Альберта:

— Жить хочешь.

— Да, господин.

— Ты, должен нам помочь?

— Да, господин.

— Сколько людей осталось у барона?

— После той резни в замке, у де Виверна, оставалось на ногах всего 10 человек, четверо

раненных лежат в малом зале, восемь наемников убито.

— Значит теперь, у него осталось всего семь бойцов способных драться?

— Да, но когда мы уезжали, господин собирался отправить второго оруженосца Карла и двоих наемников объехать всю территорию фогтии, он хочет знать все о своих новых владениях.

— Кто еще живет в замке?

— Только слуги, трое мужчин и четыре женщины.

Егор вопросительно посмотрел на Вольфа, тот покачал головой:

— Слуги в драку не полезут.

— Ну, что все не так плохо, пять против пяти — заключил Корнев.

— Да, нам всего то надо захватить рыцарский замок и при этом, прикончить пятерых профессиональных воинов — скептически хмыкнул Костя.

Егор встал:

— У меня есть план, надо обсудить.

Ребята отошли к костру.

ГЛАВА 3

Штурм

Вечером следующего дня, у ворот замка Грюненбург, остановилась процессия, возглавляли ее два всадника. Одним из них был Альберт фон Зиг, лица второго одетого в кольчугу и шишак в надвигающихся сумерках разглядеть было невозможно. Следом катила крестьянская телега, запряженная уже знакомой нам пегой кобылкой. В телеге сидели три женщины, и лежало накрытое рогожей тело, рядом устало шагал Фрол. Следом за телегой вереницей понуро брели, привязанные к ней, трое мужчин со связанными впереди руками.

Сам замок, располагавшийся на холме, на берегу моря, представлял собой двенадцатиметровую, широкую башню донжона, сложенную из дикого камня и похожий на колодец двор, в форме правильного прямоугольника, огороженный шести метровой стеной сооруженной из того же материала, с небольшими угловыми башнями. Ворота с подъемным мостом через ров были защищены такой же небольшой надвратной башенкой. Тыльная, северная стена донжона была прикрыта небольшим заливом, восточная стена впадающей в него речушкой. Западную и южную защищал вышеупомянутый трехметровой ширины ров.

Всадники по о мосту бок о бок подъехали к опущенной решетке.

— Эй, открывайте.

— Кто там, Альберт, это ты? Кто это с тобой?

— Я, кто же еще, со мной Курт, и новые рабы для нашего господина, а это ты — Вацлав?

— Я, я — обрадовано откликнулись с той стороны — господин барон назначил меня привратником, проезжайте. Вы вовремя, мы уже хотели на ночь мост поднимать.

Решетка медленно поползла вверх, и всадники въехали во двор, следом по мосту загрохотала телега, и зашаркали ногами пленники.

— А где Ганс? и что случилось с Куртом? он же сейчас свалится с лошади — Вацлав подошел к приехавшим. Со стороны донжона к ним подошел еще один наемник. Грудь подошедшего защищала кираса, голову помятый морион, на поясе болтался прямой меч.

— Ганс убит, вон его труп в телеге, а Курт ранен, еле держится в седле. Здесь, кстати, Альберт ничуть не покривил душой, игравший роль Курта — Корнев, в седле сидел первый раз в жизни и теперь с ужасом понимал, еще немного и он свалится с лошади.

— Мы привезли господину барону пленников, он нас должен ждать.

— Да, бедняга Ганс — сокрушенно качая головой, Вацлав подошел к повозке, откинул рогожу, накрывавшую тело и застыл, ошарашено глядя в холодные глаза незнакомого парня, приставившего острие меча к его горлу.

Краем глаза, привратник увидел, как «раненный Курт» обрушивает удар «утренней звезды», на голову обладателя мориона, подошедшему, чтобы помочь, ему слезть с седла. А потом и сам обрушивается сверху на бесчувственно оседающее тело наемника.

Быстро освободившиеся «пленники» подбежали, к повозке и стали вытаскивать из под сена оружия. Один из них помог подняться, кряхтящему, и что то бурчащему на непонятном языке «Курту». Другой, с помощью возницы опустил решетку ворот, и поднял мост. Вацлава и Альберта быстро скрутили, им заткнули рты и оставили лежать возле телеги, под присмотром Фрола и женщин. Нападавшие разделились, двое поднялись в надвратную башню, остальные трое скрылись в дверях донжона.

Сергей, и Щебенкин, которым было поручено снять находившегося в башне часового, осторожно поднялись по винтовой лестнице. Наверху никого не было. Они чуть приоткрыли дверь, ведущую на стену. Шагах в десяти от них разгуливал ландскнехт в кожаной куртке и с широким коротким мечом на поясе. У стены стоял прислоненный арбалет. Парни стремительно выскочили из своего укрытия, стараясь, не дать противнику добраться до оружия. Наемник понял, что схватить арбалет он не успеет, и выхватил меч. Он быстро отвел удар алебарды, которой его неумело попытался ткнуть Костя. На стене завязалась жаркая и бестолковая схватка. Ландскнехт, пытаясь, яростно отмахивался мечом, не забывая при этом вопить во все горло, тщетно призывая гарнизон замка к оружию. На него неловко наседали здоровяк Щебенкин, которого пока спасала только длина алебарды, не позволявшая наемнику подойти на расстояние удара короткого клинка. За его спиной беспомощно топтался Корнев.

Ребят выручила как не странно неуклюжесть, Щебенкина. Окончательно запутавшись ногами в древке своего громоздкого оружия, Костя споткнулся и полетел головой вперед в ноги противнику, как раз в этот момент немец, бросился в очередную контратаку. Удар Костиной головы пришелся ему точно в пах, не ожидавший такой подлости, ландскнехт, взвыл. Сергей, наконец то узрев, вместо широкой спины своего друга незащищенную шею врага изо всех сил врезал по ней шипастым шаром Моргенштерна. Вой прервался, а тело часового полетело со стены во двор замка.

Переведя дух, уняв дрожь в коленях и прихватив с собой, арбалет, попутно подивившись его размерам и весу, парни направились на помощь остальным товарищам.

Пока на стене, развивались описанные выше события: Егор и Фридрих, с мечами в руках, а следом и Емелин с арбалетом, ворвались в башню донжона. У входа они столкнулись с долговязым парнем — слугой, который, увидев вооруженных людей, хотел, было заорать. Но, узнав Фридриха, пропуская, прижался спиной к стене, и молча показал рукой на кухню, также молча, все трое бросились в указанном направлении. За деревянным столом, заставленным посудой с остатками трапезы сидел крепкий мужик средних лет, растрепанный и пьяный. Одной рукой он сжимал огромную глиняную кружку, другой обширную задницу молодой служанки. Увидев незнакомых людей с оружием, опытный вояка оттолкнул от себя девицу, а кружку запустил в голову стоящего ближе всех Егора, тот едва ее успел отбить клинком. В рядах нападавших, возникло секундное замешательство, воспользовавшись которым, наемник схватил лежавшую рядом с ним на лавке секиру и вскочил на стол. Больше ничего он сделать не успел, удар арбалетного болта пробил грудь последнего находившегося в замке, боеспособного охранника барона и сбросил его на пол. Егор обернулся, Леха стоял белый, навалившись спиной на стену, и с ужасом в глазах смотрел на распростертое тело убитого им человека. Затем он нагнулся, и некоторое время его рвало. Егор взял со стола недопитый кувшин с вином и заставил приятеля сделать несколько глотков. В это время Фридрих мимоходом, звонкой оплеухой успокоив, визжащую в пьяной истерике молодуху, подошел к печи. Там соляным изваянием застыла героических пропорций женщина — очевидно кухарка.

— Здравствуй Марта, вот я и вернулся.

— Господи, Фриц, это ты, как я рада, что ты жив — Марта бурно разрыдалась на груди ключника.

— Где барон.

— Барон в покоях нашего бедного господина, он вызвал к себе на ночь Гретту — на

кухню проскользнул встреченный ранее слуга — господин начетник, я тоже рад вас видеть.

— Хорошо Петер, пойдем с нами, Вольф кивнул, и обратился к Егору — идем парни, надо покончить с этой свиньей.

Немного пришедший в себя, «Вжик» перевел.

— Пошли — Егор двинулся к выходу.

Покои, занимаемые бароном, находились на втором этаже башни, Петер осторожно постучал в дверь, в ответ из комнаты раздался недовольный голос:

— Какого, черта, бездельники, я же велел меня не беспокоить.

— Господин, я принес вам вина.

Дверь открыла полуодетая девица, оттолкнув ее в сторону, Фридрих и Егор ворвались в комнату. Де Виверн, встретил противников на ногах, двумя руками перед собой он держал клеймор. Понимая, что своим клинком парировать удар этого сплющенного лома не сумеет, Ляшков стал осторожно обходить врага слева. Вольф, также медленно стал обходить его правой стороны. У входа суеился Емелин с заряженным арбалетом в руках, но ничем помочь своим товарищам он не мог. Первым в атаку бросился Егор, барон легко парировал его выпад и нанес удар сам. Шустрому Ляшкову удалось отскочить. В это время с другой стороны на бретонца навалился Фридрих. Некоторое время в комнате слышался только лязг железа, тяжелое дыхание и хриплые выкрики дерущихся. Де Виверну пока удавалось сдерживать натиск своих противников. Однако долго так продолжаться не могло, обе стороны начали выдыхаться. Бретонцу, сражавшемуся в одиночку против двоих нападавших, да еще и к тому же размахивающему тяжеленным двуручником приходилось тяжелее всех. Рано или поздно, кто то должен был совершить ошибку, и это произошло. Фридрих, пятившийся под натиском барона, запутавшись ногами в свалившемся с кровати паланкине, вдруг начал заваливаться на спину. Его противник с радостным ревом рванулся вперед, заноса над головой меч.

Положение спас Егор. В отчаянном прыжке он все таки сумел, дотянуться своим клинком до груди врага. Де Виверн застыл, руки его разжались, оружие со звоном упало на пол, следом рухнуло тело бывшего владельца Грюненбурга.

Егор устало, пошатываясь, подошел камину и опустил на стоящее рядом кресло, к нему тяжело дыша, подошел Фридрих:

— Данке.

— Не за что, приходите еще — кивнул Ляшков.

— Вас?

— Леха, переведи: рад был помочь.

В комнату ввалились запыхавшиеся Корнев и Щебенкин:

— как тут у вас?

— Все нормально, вот познакомьтесь — Егор ткнул пальцем, в сторону трупа — барон де Виверн, собственной персоной.

— Ух ты, здоровый кабан, как это вы его умудрились завалить.

— Это Леший его прикончил — в разговор влез довольный Емелин.

Егор посмотрел на товарищей:

— ну, и чего вы все здесь столпились, забыли, что в замке еще четверо раненых наемников, надо с ними, что то решать.

Раненых оказалось всего трое (четвертый, как пояснил вездесущий Петер, умер от ран сегодня утром), никакого сопротивления они не оказали и сдали оружие без боя. Да и о

каком сопротивлении могла идти речь, если передвигаться самостоятельно мог только один из них с рукой на перевязи. Да и тот никакого желания драться не испытывал.

Дальнейшие «разборки», решили проводить утром.

Троих раненых и привратника Вацлава, предварительно тщательно обыскав, заперли в подвале. Второй ландскнехт, встречавший ребят во дворе замка оказался мертв. Толи Сергей сломал ему шею ударом своего шипастого оружия, толи, упав на него всем весом своей упитанной тушки, осталось неизвестным, да и собственно выяснять это никто не собирался. После недолгих дебатов, решили, что Альберт заслужил доверие и может свободно перемещаться по замку. Хотя подозрительный Фридрих высказывался за то, чтобы и его отправить к остальным пленным. Вновь вступивший в свои права начетник, принялся решительно наводить порядок в замке.

Слуги мужчины, под началом неожиданно возвысившегося Петера убирали трупы. Служанки под руководством, счастливой и цветущей Марты быстро готовили праздничный ужин и накрывали на стол. Фрол, к своей великой радости, получив за труды серебряную монету, найденную Егором в кошельке убитого Курта, благополучно отбыл домой к семье.

ГЛАВА 4

Еще одно утро, или кое какие соображения о средневековой гигиене

Солнечный луч с трудом проник, сквозь цветные стеклышки узкого окна. Егор со стоном открыл глаза, некоторое время он лежал неподвижно, пытаясь сообразить, где он находится, и опасаясь потревожить гудевшую, как церковный колокол голову. Осторожно скосив глаза влево, на своем плече он с удивлением обнаружил мирно посапывающую белокурую головку.

— Таня? Вот блин!

Ляшков удивленно тряхнул головой и тут же вновь застонал, от нестерпимой боли. Аккуратно, стараясь не делать резких движений, вылез из кровати и осмотрелся. Он находился в той же спальне, где они с Фридрихом вчера ухлопали барона. Свою одежду он нашел аккуратно сложенной на кресле.

Снаружи осторожно постучали.

— Кто? — простонал Егор.

Дверь приоткрылась и в нее заглянул Петер:

— Доброе утро, господин фогт, я принес вам умыться.

Ляшков удивленно воззрился на него:

— Ты с кем это сейчас разговариваешь?

Настала очередь удивляться слуге:

— С вами господин, вам помочь одеться?

— Не надо, я сам оденусь, а почему ты меня так называешь?

— Вчера на пиру господин начетник сказал, что вы наш новый фогт.

— Интересно — вдруг до Егора «дошло» — а ты, почему на русском говоришь?

— Моя покойная матушка, царство ей небесное, была русской.

— А чего раньше молчал?

— Меня никто не спрашивал, господин. Вам полить?

— Ты лучше скажи, в замке есть колодец.

— Конечно господин.

— Проводи меня к нему.

Ковыляя следом за слугой, Егор судорожно пытался вспомнить события вчерашнего вечера.

То есть, он отлично помнил бой, и начало пира, заданного Фридрихом в честь победителей, а вот дальше воспоминания обрывались. Что он говорил, что делал и как вообще оказался в спальне он совершенно не помнил.

Свежий воздух, и два ведра колодезной воды вылитых на него слугой, немного привели Ляшкова в чувство, но памяти не вернули.

— Петер, где остальные?

— Спят господин, а те кто проснулся, завтракать изволят в большом зале.

— Хорошо, пойдем туда, вздохнул новоявленный феодал.

За длинным столом в большой зале замка сидели Живчикова, Арсеньева и Щебенкин.

— Привет мученик, на полечись — Костя, подвинул Егору солидных размеров серебряный кубок с красным вином.

— Как самочувствие господина фогта — ехидно поинтересовалась Лена.

— И ты туда же — недовольно пробурчал Ляшков, несколькими жадными глотками опустошая кубок.

— Может быть, хоть вы мне что ни будь, объясните — продолжил он уже более миролюбиво, чувствуя, как с выпитым вином к нему возвращается желание жить дальше.

— А ты ничего не помнишь? — прыснула Светка.

Егор только страдальчески сморщился и покачал головой.

— Вчера, когда вы с Фридрихом закончили петь «Ой мороз, мороз», он заявил, что замку нужен новый хозяин и предложил тебе стать фогтом.

— А я чего?

— А ты — невозмутимо продолжил Щебенкин — милостиво изволил дать свое согласие. При этом стучал кулаком по столу, и кричал, что все у тебя строем ходить будут, и ты наведешь порядок в этом (как бы это помягче, при девчонках сказать то) борделе.

Девчонки уже не сдерживаясь, захохотали.

— Ну а вы чего?

— А мы поддержали, уж больно грозен ты был.

— Врете вы все наверное, да и не могли мы с Фридрихом песни петь, он же ни хрена, по нашему не понимает, или у него тоже мама русская была?... или у меня немка.

— Не знаю я ничего про ваших мам, сквозь смех выдавила Арсеньева, а только и Фридрих с тобой русские песни пел, и ты с ним немецкие, и разговаривали вы между собой так, как будто друга прекрасно понимаете.

— А вы то его как поняли?

— Нам Петер переводил, все остальные толмачи, лыка не вязали.

— А дальше, что было?

— Дальше Вольф упал под лавку, пришла Марта и куда то его утащила.

— Серьезная женщина — уважительно кивнул Костя — она же его как ребенка на руках унесла, не женщина — танк.

— А я?

— А тебя Танька наверх повела, только не знаю, довела или нет, она сама уже «хорошая» была.

— А остальные то где?

— Спят, наверное еще, Леха вчера первый «выпал в осадок», как сидел так и упал, как подстреленный боец. Пузырь сказал, что пойдет на двор прогуляется и не вернулся.

— Я видела — вставила Живчикова — его слуги, куда то наверх поволокли, я еще велела им, поосторожней нести.

— Костя, ворота и пленных проверяли, Альберт не сбежал?

— Куда ему — вместо Щебенкина ответила Лена — мы со Светкой, когда утром сюда пришли, он спал еще под столом. Это мы приказали девчонкам — служанкам, разбудить его и увести, они его по моему, на сеновал утащили — досыпать.

— Во как, вы уже приказываете, скоро совсем эксплуататоршами заделаетесь — улыбнулся Егор.

— Не все же тебе одному в феодалах ходить, нам тоже хочется немного покомандовать — парировала «Живчик»

— Не переживай Егор, я все проверил — уже серьезно сказал Костя — все в порядке, и пленные на месте, я еще сказал Петеру, чтобы накормили их.

— Петер теперь тут, что то вроде старшего слуги, или ключника. Принарядился, ходит важный такой, как петух в курятнике, на слуг покрикивает, все пытается несуществующий живот выпятить, умора одним словом.

— Ну да, его же Фридрих вчера повысил, пока при памяти был, назначил своей правой рукой.

— А Костик молодец — вдруг сказала Светка, украдкой стрельнув на парня глазами — он и вчера почти не пил, самый трезвый из всех был.

— Ладно, нахваливать, сглазишь — буркнул Щебенкин — но было видно, что похвала девушки ему приятна.

Тем временем потихоньку стал подтягиваться остальной народ. Первым «нарисовался» Корнев, он со стоном опустился на лавку рядом с Костей.

— Привет — буркнул он и потянулся за кувшином с вином.

— Всем доброе утро, эй оставь и мне тоже — на пороге возник Емелин.

Егор обернулся к одной из служанок разносивших блюда с едой:

— эй, красавица, Гретта, тебя кажется, зовут, пойдй, позови Фридриха и Петера. Фридрих, Петер понимаешь, ферштеен?

— О, я, я — присела в поклоне девушка — Фридрих унд Петер — и куда то убежала.

«Старший слуга», появился моментально, складывалось впечатление, что он стоял, где то за дверью и ждал когда его позовут.

— Где Фридрих? — поинтересовался Егор.

— Во дворе, господин, проверяет, как конюх ухаживает за лошадьми, Гретта уже побежала за ним.

В зал вошел Фридрих коротко с достоинством поклонился и поинтересовался:

— Вы меня искали господин фогт?

Егор испытующе посмотрел на него:

— Присядь, разговор есть.

Вольф кивнул и сел за стол.

— Петер, можешь идти, забери с собой остальных слуг, оставь дверь открытой, Серега поставь вино и переводи.

— Фридрих, ты вчера предложил мне стать хозяином этого замка?

— Да — убедившись, что слуги вышли, кивнул старый начетник.

— Грюненбургу нужен новый хозяин, а вы самый достойный.

Егор посмотрел на своих друзей:

— ребята, а вы что скажете?

За всех ответил Костя:

— нам нужно было убежище, и мы его получили. Из нас ты лучше всех справишься с ролью фогта, а мы будем по мере сил и возможностей тебе помогать и подстраховывать, Вы со мной согласны? — оглядел он притихших ребят.

Все молча согласно закивали головами.

— Только ты сильно нос не задирай, а то быстро разжалуем — нарушила торжественность момента неугомонная Живчикова.

— Хорошо я согласен, но вы сами напросились, узнаете, что такое «замок» из разведбата — улыбнулся Егор.

— Одна проблема — ухмыльнувшись, сокрушенно покачал головой Корнев — теперь тебе как рыцарю — крестоносцу, придется блюсти целибат.

Найн — Фридрих дотронулся до плеча Сергея и отрицательно pokrutyv головой начал, что то говорить.

— Чего это он?

— Он говорит, что это вовсе не обязательно, бывшие хозяева замка не очень то придерживались этого обета, потому и женщин в замке так много — перевел Алексей.

— Хоть это радует, ну да ладно, об этом после, сейчас о делах, вы переводите для Фридриха.

— Привет, я ничего не пропустила? — в зал вошла Таня.

— Привет, да так почти ничего — откликнулась Лена, садись, завтракай.

— Кстати, никто не помнит, как я вчера спать уходила? а то я проснулась в какой то комнате, и испугалась, одна, непонятно где, непонятно как сюда попала.

— Ну, не знаю, ты вчера пошла Егора, спать укладывать и не вернулась.

— Ну ладно девчонки, давайте о деле поговорим, потом воспоминаниями делиться будем — поспешил увести разговор в сторону от скользкой темы смутившийся Ляшков.

Фридрих поднялся со скамьи:

— Прошу, прощения, господин фогт, разрешите мне ненадолго отлучиться.

— Хорошо — кивнул Егор, но ты нужен будешь.

Фридрих вышел, а свежее испеченный владелец Грюненбурга обратился к своим друзьям:

— Раз вы сами назначили меня начальником, значит слушайте:

первое — с сегодняшнего дня и до особого распоряжения все попойки, вроде вчерашней отменяются;

второе — с завтрашнего дня, ты Серега, вместе с Фридрихом, начинаете обучать нас владению средневековым оружием. А сейчас после завтрака, возьмешь в помощь кого ни будь из слуг, пойдешь по замку соберешь в кучу все имеющееся в наличие оружие, доспехи и все такое прочее. Назначаешься моим заместителем по военным вопросам;

третье — Таня ты кто по медицинской специализации?

— Хирург, только у меня практики почти нет, я только институт закончила.

— Замечательно, возьмешь в помощь кого ни будь из девушек — служанок, пойдете в подвал, осмотрите пленных, может быть придется оказать им какую то помощь.

— Леха вооружишься, пойдешь ее сопровождать, будешь и охранником, и переводчиком.

В это время в дверях появился Фридрих, с торжественной физиономией он прошествовал к столу и развернул перед Егором полотняный сверток:

— Это ваше, господин, вы забыли надеть.

На столе лежал прямой обоюдоострый меч в богато украшенных, хотя и изрядно потертых ножнах, расшитый серебром и золотом боевой пояс, и золотые же, рыцарская цепь и шпоры.

Корнев присвистнул:

— поздравляю, начетник посвящает тебя в рыцари. Вообще то, это должен делать твой сюзерен, но Фридрих по видимому наплевал на такие условности. Ну а мы тем более мелкофеодалных комплексов не испытываем.

— Откуда это у тебя?

— Это принадлежало, моему господину фон Гутенбергену. Умирая, он передал их мне и велел, утопить эти регалии, но я не успел и спрятал их здесь в замке. Теперь они принадлежат вам, ваши подданные должны видеть, что ими правит достойный рыцарь.

— Ну и куда я все это нацеплю — оглядел свой потертый «комок» Ляшков.

— Я взял на себя смелость приказать, чтобы вам и вашим друзьям подобрали подобающую вашему положению одежду.

— Хорошо Фридрих, спасибо, я рад, что могу полностью рассчитывать на твою помощь, присядь у нас будет разговор.

Фридрих поклонился и степенно сел рядом

— Да кстати — вдруг вспомнил Егор — у барона ведь тоже должны быть цепь и шпоры?

Да господин — кивнул начетник — если надо я велю слугам принести их.

— Пусть принесут, я думаю, что комендантом замка — он кивнул головой в сторону Сергея — тоже неплохо иметь рыцаря, затем он повернулся к Щебенкину:

— Костик, на тебе, как на самом ответственном, охрана ворот и контроль за подходами к замку. Насколько я помню, не сегодня, завтра должен прибыть Карл, с двумя ландскнехтами, главное не упустить этот момент.

— Понял.

— Лена, у тебя, что по экономике?

— Отлично — немного озадачено ответила староста.

— Так вот, возмешь с собой Светку, Петера и обойдете весь замок, подсчитаете все продовольственные припасы, скотину, казну. В общем, все маломальски представляющее ценность, перепишешь и возмешь на учет, отныне это ваша со Светой епархия.

— Ес сэр — дурашливо откозыряла «Живчик» — всем задания раздал, интересно себе, что ни будь оставил.

— Мы с Вольфом займемся более серьезной проблемой — кивнул Егор — вам сегодня как спалось?

— Честно говоря, не очень — пожаловалась Арсеньева — меня всю ночь, грызли какие то кровожадные твари, до сих пор вся чешусь.

— Не тебя одну — поддержала подругу Живчикова.

— Клопы, блохи, возможно вши — невозмутимо «просветил» девчонок Сергей — привыкайте; в грязной, зачуханной Европе без них никуда. Я предупреждал, что надо на Русь пробираться, там хоть какая то цивилизация.

— Правильно — согласился Ляшков — вот мы и займемся, как это говорится: разработкой комплекса санитарно — гигиенических мероприятий.

— А попроще?

— Потом все узнаете, ну, позавтракали, давайте по рабочим местам. Таня, Вжик, задержитесь, чуть не забыл, кто то должен же переводить, а то я столько не выпью, чтобы опять без переводчика разговаривать. К тому же ты — Таня может чего подскажешь, как медик.

Озадаченный, «личный состав» направился выполнять свои новые обязанности, только Корнев чуть задержался у выхода, и повернувшись к Ляшкову спросил:

— Я надеюсь, ты понимаешь, что цепей и шпор не достаточно для того, чтобы вся округа признала нас с тобой рыцарями, а тебя полноправным владельцем замка?

— Разумеется, но вступать в контакты с соседями мы в ближайшее время не намерены. Наоборот, всячески будем пытаться их избежать, а вся эта атрибутика нужна, чтобы произвести впечатление на наших темных крестьян и слуг. Что делать дальше, потом подумаем и решим, сейчас есть более важные дела.

Егор обратился к ключнику:

— Фридрих, когда последний раз мылись слуги?

Вольф недоуменно пожал плечами:

— не знаю господин, но если от этих бездельников сильно воняет, я сейчас же загоню их в реку.

— Вот, что мне нужна бригада плотников и печник, сможешь найти?

— Конечно.

— Очень хорошо, в замке все должно быть выскоблено и вымыто до блеска, горячей водой, в том числе и слуги, я лично пройду и проверю.

Начетник удивленно и обиженно посмотрел на Ляшкова:

— вы не доверяете мне господин фогт?

— Доверяю, но это настолько серьезно и важно, что я должен убедиться во всем сам.

— Кроме того — вдруг встала Таня — все слуги должны быть коротко острижены, вся одежда, постели, чехлы тюфяков, и перин, паланкины и занавесы должны быть прожарены над огнем и, простираны в горячей воде с мылом...

— Со щелоком — поправил Егор, уловив недоуменный взгляд Фридриха — всем необходимо надеть новое исподнее, старое должно быть сожжено. Набивка в тюфяках и перинах должна быть заменена, на новую.

— Но зачем это господин, к тому же это огромные расходы — на лице старика читалась полное непонимание и обида.

— По всей Европе гуляет моровое поветрие, оно может прийти сюда, только таким способом от него можно спастись, подумай, что дороже деньги или наши жизни?

— Она — Егор показал на Таню — лучшая лекарка, обучавшаяся в Бетюнском монастыре, с божьей помощью, святые сестры вложили в нее чудесное знание, и она сможет, с нашими молитвами конечно, спасти нас от черной смерти. Но мы должны сделать все, что она скажет.

— Еще для этого, мы все раз в неделю должны будем проходить священный обряд очищения, разумеется, одобренный его святейшеством Римским Папой.

Перепуганный не на шутку Фридрих потрясенно переводил, взгляд с Татьяны сделавшей благообразное и постное лицо, на суровую физиономию Егора.

— Но запомни, никто из слуг и крестьян (в том числе и Марта), не должен знать об этом. Мы не хотим, чтобы они разбежались и погибли, не дождавшись спасения. Ну а теперь иди, собирай плотников, к обеду они должны быть у меня.

— Ну, ты и загрузил мужика — восхитился Емелин, когда Фриц вышел — такой жути нагнал, я аж сам испугался, а что про моровое поветрие, это правда?

— Без понятия — пожал плечами Егор — ну вообще то в Европе частенько случались всякие эпидемии, может и сейчас чего есть, надо у Пузыря спросить, он наверное знает.

— Главное, что на Фридриха вроде подействовало, а уж с его помощью, как ни будь, остальных убедим.

— Ага — улыбнулась Таня — мне особенно про Бетюнский монастырь понравилось, кстати, что это за обряд такой ты удумал.

Егор с хрустом потянулся:

— Да баньку хочу построить, если мы не можем попасть на Русь, будем строить маленькую Русь здесь. Ладно, хватит болтать, пошли с пленными потолкуем.

Шустрый мальчишка — слуга, прихватив факел, проводил друзей в подвал замка.

Пока, Татьяна осматривала раненых ландскнехтов, Парни подошли к Вацлаву, сидевшему у стены, и напряженно ожидавшему своей участи.

— Ну, что нам с тобой делать?

— На все воля вашей милости — с деланным равнодушием, пожал плечами пленник

— Ты служил барону?

— Я солдат, продаю свой меч тому, кто заплатит.

— А если я заплачу, будешь служить мне?

Вацлав, с надеждой посмотрел на Ляшкова и кивнул:

— Да господин, не беспокойтесь, я всегда честно отрабатываю свое жалование.

— А чего же ты тогда во дворе не закричал, не поднял тревогу?

— Вы же приставили мне клинок к глотке, у меня не было выбора, я бы даже не успел крикнуть.

Егор покачал головой:

— Выбор есть всегда, ты бы мог умереть, но за это тебе и деньги платят.

Наемник обреченно опустил голову, и глухо сказал:

— Вы правы ваша милость, но я очень хотел жить.

— Хорошо, я дам тебе еще один шанс, и беру тебя к себе на службу, о цене твоего меча мы сговоримся позже. Присягнешь мне на священном писании и приступишь к своим обязанностям привратника.

— Ваша милость, возьмите и меня на службу — подал голос, сидевший привалившись спиной к стене, ландскнехт с перевязанной ногой.

— Таня, ты его посмотрела, что у него?

— Ничего особо страшного, перелом, наложить лубки, зафиксировать ногу и через пару месяцев будет бегать.

— А, что с остальными?

— У одного неглубокая резанная рана груди и сломаны пара ребер. У второго, похуже, рана на руке не очень серьезная, но была плохо обработана и началось загноение, если сейчас не почистить, будет гангрена. И вообще, их нельзя здесь держать, надо перенести их на верх, и оказать помощь.

— Хорошо, эй малый — обратился он к мальчишке — скажи, кому ни будь, пусть подготовят подходящую комнату и перенесут их туда.

Алексей перевел приказ и парнишка, понятливо кивнув, убежал.

— Слушайте меня — обратился он к наемникам — вас освободят, вам окажут помощь и я приму вас на службу, после того как вы принесете присягу.

Пленники обрадовано загудели, это был самый лучший вариант из всего, что они могли ожидать.

Оставив «Вжика» и Таню разбираться с ранеными, Егор кивнул Вацлаву: «иди за мной» и вышел из подвала.

Первый кто попался на глаза, когда Ляшков вышел во двор замка был Сергей. Он шел ничего не замечая вокруг и с любопытством крутил в руках чекан, что то бормоча себе под нос. За ним тяжело нагруженный кучей оружия, щитов и частей доспехов шел крепкий, звероватой наружности мужик.

— Серега стой.

— А? — Корнев остановился и стал крутить головой, ища кто его окликнул — а, это ты, смотри какая прикольная штука...

— Потом покажешь — отмахнулся Ляшков — это кто с тобой.

— А, это конюх местный, я его себе в помощники взял, он мужик крепкий.

— Вот, что конюх пусть идет в подвал поможет вынести раненых, а в помощники себе этого возьмешь — он кивнул головой в сторону Вацлава — он поможет тебе с оружием разобраться, только приглядывай за ним.

— Хорошо — ответил Сергей — подозрительно оглядев бывшего привратника.

Распорядившись, таким образом, новый фогт поднялся в надвратную башню, где застал часового — Щебенкина.

— Все нормально, командир, тишина и спокойствие, только Фридрих, куда то ускакал. Когда ему Альберт ворота открывал, он чего то лепетал по своему, я толком не понял, вроде ты, его куда то отправил.

— Да он за плотниками поехал, я хочу баньку организовать, а ты я смотрю, парня к делу приставил — кивнул он в сторону сидящего рядом у стены, оруженосца.

— Это правильно, а то живут здесь в грязи как свиньи, только выеживаются, мы дескать Европа — цивилизация — Костя презрительно сплюнул в ров — а Альберт пусть лучше на глазах побудет первое время, да и не я же буду туда сюда бегать ворота открывать.

— Ишь, дедовщину развел — улыбнулся Егор — а насчет чистоты, будем пытаться переломить сознание, хотя думаю, воплей и стонов будет море.

— О — Ляшков удивленно поднял брови — да у тебя и бинокль есть.

— Ну да, это Лехин, он его с собой на всякий случай прихватил, а я прихватизировал, мне он здесь нужнее.

Дай ка сюда — Егор подошел к бойнице и выглянул — чего там хоть снаружи то есть? А то я и не разглядел толком, когда сюда ехали, вечер уже был, да и под этой рогожей немного то и увидишь.

— Вот смотри — Костя начал показывать — у реки, деревушка дворов тридцать — сорок, народишко явно не богатый живет, нищета кругом.

— Вон там я так понял кузница, оттуда время от времени здоровый мужик выглядывает, кузнец, наверное, и пацаненок лет двенадцати, видно сын, в кузнице помогает.

— А вон там, что?

— А это церквушка местная, ну или как там они у католиков называются, рядом в доме поп ихний живет, толстенный, до ужаса, куда там Пузырю нашему до него, и плешивый.

— Это у них тонзура называется — покачал головой Егор — не отрывая глаз от бинокля — положено так, макушку выбривать.

— Ну, нехай будет тонзура — согласился Костя — вон та дорога, южная, в лес ведет, это мы по ней сюда пришли, а вот эта пошла на запад вдоль берега, там кстати, вдалеке, на берегу видишь, вон там, еще какие то постройки торчат, наверное еще одна деревушка.

— А вот и Фридрих возвращается, с ним мужик какой то, морда лица «рязанская», и не скажешь, что немец, ладно, пойду их встречать — Егор отдал Косте бинокль.

— Эй, Альберт — Щебенкин окликнул задремавшего в тени зубца стены, оруженосца — иди вниз, ворота открывай — и жестами показал, что надо делать.

Фон Зиг протер глаза, встал и поплелся вниз вслед за Ляшковым.

Начетник въехал во двор замка и слез с лошади и поклонился подошедшему Егору:

— вот господин фогтий, я привел хорошего плотника.

Переминавшийся в стороне с ноги на ногу мужик, снял колпак и низко поклонился, Ляшков посмотрел на него: коренастый, русые волосы и борода, нос картошкой, серые

внимательные с хитрецей глаза, а что если он правильно догадался.

— Ты плотник?

— Да, ваша милость — на чистом русском языке ответил удивленный мужик.

— Русский? я так и думал, как зовут? откуда?

— Из под Муромы я ваша милость, Степаном кличут.

— А здесь как оказался?

— Так, известное дело, господин, татары на деревню налетели, пожгли, пограбили, которых побили, а тех, что покрепче, в полон угнали. В Кафе, купил меня торговец фрязин, а потом немцам перепродал, вот так здесь и оказался.

— Понятно — кивнул Егор — вот, что Степан, баню сможешь построить?

— Знамо дело — ваша милость, дело не хитрое, да только... — плотник удивленно покачал головой и замолчал.

Что, только — усмехнулся Ляшков — удивляешься, зачем немцу баня понадобилась, то не твоего ума дело, ты строй, в обиде не останешься. Соберешь мужиков, сколько надо леса возьмете, и вон там, на берегу реки баньку сложите, чтобы человек пять — шесть сразу могли попариться.

— Хорошо господин фогт.

— Только вот, что ты баню по белому делай, чтобы печка каменка, с дымоходом была.

Степан, с выражением крайнего изумления на лице, поклонился:

— Я пойду господин.

— Иди, иди.

ГЛАВА 5

Являющаяся логическим продолжением главы предыдущей

К обеду, вся компания, за исключением Кости вновь собралась в большом зале замка. Служанки начали разносить еду, а Егор обратился к собравшимся:

— ну, что у кого выкладываете не тяните.

Первым начал Корнев:

— В общем, прошелся, я по замку собрал все, что здесь было, перетащил в оружейку, переписал:

первое — три полных «максимилиановских», конных доспеха, вряд ли могут быть нами использованы, куда ни будь кроме как для украшения замка. Каждый из них подгоняется индивидуально под рыцаря, на нас с Костиком в любом случае ни один из них не налезет, хотя Вжика или Егора можно попробовать запихать...

— Брр — Алексей поежился, представив себе подобную перспективу — ни за что не полезу в эту консервную банку.

— Второе — невозмутимо продолжил Сергей — кожаных курток с металлическими пластинами, кирас, наручей, поножей, шлемов пехотных и иного железа различных конструкций и в различном состоянии до полусотни комплектов.

— Третье — кольчуг, шесть штук, включая ту, что на мне, однако, две кольчуги и некоторое количество кирас и шлемов носит на себе следы боя и нуждается в починке...

— Кстати — прервал его Ляшков — с завтрашнего дня мы все, кроме девчонок естественно, берем пример с Сереги, натягиваем поддоспешники и кольчуги и привыкаем к их весу, снимать будем только перед сном.

— Полностью поддерживаю предыдущего оратора, давно пора — одобрил Корнев — однако я продолжу: различного клинкового оружия, секир, боевых топоров, чеканов, моргенштернов и иного дробящего оружия, до сорока единиц, включая наши с Лешим мечи.

— Пятое — различное древковое оружие, как-то: пики, алебарды, совни всего около двух десятков единиц, да плюс еще четыре лэнса, хотя не совсем представляю, что нам с ними делать.

— Шестое — восемь арбалетов, вместе с тем, что постоянно таскает с собой Вжик, и с тем, что у Костика в башне и порядка двухсот болтов к ним.

— Ну и седьмое, самое интересное, в подвале я нашел пять бочек черного, дымного пороха. Некоторое количество ядер и железных обрезков, заменяющих картечь, однако никакого огнестрельного оружия в замке нет. Я спросил у Фридриха, он пояснил, что незадолго до нападения фон Гутенберген, прикупил все это добро и заказал одному бременскому купчине, пару бомбард, и даже оплатил вперед их доставку.

— Ага, значит, у нашего предшественника денежки таки водились.

— Ну да в прошлом году он с несколькими соседями удачно на Литву сходили, и даже сумели благополучно унести оттуда не только ноги, но и кое какую добычу.

— Кстати о деньгах, Лена, что там у вас?

— Проверили мы замковую казну, а заодно и то, что с собой барон привез, всего сотня серебряных монет и сорок золотых, различных размеров и названий. Тут ни я, ни Светка не разбираемся, поэтому их сортировать не можем.

— Еще — добавила Светка разные золотые и серебряные посуда и украшения с камнями

и без, вот здесь все переписано, мы все скидали в сундук. Петер, уволок его к тебе, в комнату, вот ключи от сундука и от комнаты.

— Все остальное, мы подсчитать не успели, много времени ушло, чтобы с казной разобраться.

— То-то, я смотрю — ухмыльнулся Сергей — завтрак вроде на серебре подавали, а сейчас, все медь да керамика, а оказывается, эти две жадины, все в сундук спрятали.

— Мы не жадные, мы домовитые — возразила Лена — велено было все подсчитать и на учет поставить, так мы и сделали, а что дальше с этим делать вон пусть фогт — она показала на Егора — решает.

— Ладно, разберемся, Таня, что с ранеными.

— Раны обработала, перевязала, лубки наложила, под лазарет выделили комнату на третьем этаже башни.

Обед был прерван вбежавшим в зал Альбертом, что то быстро лепетавшим на немецком и показывающим в сторону замковых ворот.

— Чего это он — поинтересовалась Лена.

— Кажется, произошло явление Карла народу — вскочив с места, сказал Сергей.

— Так, спокойно, без паники, девчонки остаются здесь, Леха, Серый за мной — распорядился Егор.

У ворот собрался весь гарнизон замка, на коротком совещании было решено, Альберт и Вацлав открывают ворота, а когда Карл со своими ландскнехтами заедут во двор замка, снова закрывают их. Остальные окружают противника и предлагают добровольно сдаться, в случае сопротивления, уничтожают. Костя из своей башни должен был подстраховать, чтобы никто не ушел, главная ставка делалась на внезапность нападения.

Безопасней на первый взгляд вообще было не пускать никого внутрь. Однако в таком случае возникали опасения, что у Карла, появится возможность укрыться, где ни будь неподалеку, и всячески гадить, обитателям замка. То что он не оставит их в покое стало понятно, когда Альберт пояснил, что Карл был родным племянником барона, заменившего ему родителей, и ставшего опекуном. Оруженосец, был очень привязан, к своему дяде и теперь будет мстить за его смерть, тем более деваться сейчас ему особо некуда.

Однако события стали развиваться по другому сценарию, Карл, въехав во двор каким то волчьим чутьем, сразу почувствовал неладное. Чисто сработать получилось только у Корнева, который, стремительно бросившись к первому ландскнехту, сдернул его с седла и придавив коленом. Приставив кинжал к лицу, он лишил своего противника всякой возможности сопротивляться. Прыткий баронский племянник, сбил с ног грудью своей лошади стоявшего ближе всех к нему Емелина, раздался лязг выхватываемого из ножен клинка, и лихорадочно пытавшегося опустить решетку фон Зига спас Вацлав, подставивший свой короткий меч под клинок Карла.

Увы, в следующее мгновение привратник оказался не так проворен, и второй удар разрубил ему голову. Алексея спасло чудо. В последний момент, он все-таки успел откатиться в сторону, и это уберегло его от печальной участи быть растоптанным лошадиными копытами. Подоспевший Егор поднырнул под шею лошади, и нанеся колющий удар снизу, проткнул живот, последнему из рода де Вивернов.

Оставшийся в седле ландскнехт, оказавшийся ближе всех к воротам, воспользовавшись заварухой, попытался вырваться из замка. Но как только он пересек мост, из бойницы надвратной башни в бок его лошади ударил арбалетный болт. Несчастное животное с визгом

покатилось по земле. Вылетевший из седла всадник вскочил, и прихрамывая, попытался бежать, однако далеко уйти ему не удалось. Костя оказался быстрее, второй болт ударил наемника в спину, беглец неловко всплеснул руками, и уткнулся лицом в землю.

Сергей при помощи подоспевшего Фридриха, скрутил нового пленника, и уволок его в подвал. Егор и Альберт помогли подняться, отделившемуся ушибами и ссадинами Емелину, и повели его в зал. Там вокруг пострадавшего сразу же стали хлопотать девчонки, особенно почему то переживала Живчикова, которая, увидев на пороге поддерживаемого под руки Алексея сильно побледнела и первая, сорвавшись с места, едва не сбив с ног оказавшуюся у нее на пути Арсеньеву, кинулась оказывать ему помощь.

В зал, вошел хмурый Костя, молча подошел к столу взял кувшин с вином и жадно стал пить прямо из горлышка. В дверях появился Петер:

— какие будут приказания господин фогт?

— Убитых обыскать, оружие и доспехи в оружейку, и похороните их, где ни будь, только Вацлава отдельно.

— Осмелюсь просить, позвать священника, ваша милость, а то нехорошо, не по христиански — робко предложил Альберт.

— Езжай, пригласи, пусть к вечеру придет священник и отпоет их, а заодно и всех остальных, что в «холодной» лежат, и сразу похороните, за ужином и познакомимся со святым отцом.

Слуга и бывший оруженосец вышли.

В зал зашел Сергей:

— ну, что поздравляю с людьми барона полностью покончено, только мы рано обрадовались, у нас впереди всего лишь год относительно спокойной жизни.

— Не понял — Костя, наконец, оставил кувшин и тяжелым взглядом посмотрел на товарища.

— Война будет, однако, летом 1501 года Иван 3, нынешний, великий князь Московский, объявит войну Ливонскому ордену. Нынешний магистр Плеттенберг будет собирать войско и перед нами господа феодалы встанет выбор: либо воевать против собственных предков, либо деликатно послать гонцов вышеупомянутого Плеттенберга и закрыться в замке. Ну не поймут нас, братья рыцари и начнутся большие разборки. А у нас бойцов раз, два и обчелся, и то из них можно твердо рассчитывать только на пятерых или шестерых, включая нас самих.

— Да перспективка — задумчиво Егор

— А, что давайте точно, закроемся в замке, не так то легко нас отсюда выковырять — предложил Емелин.

— Не выйдет — Егор, досадливо махнул рукой — они же все окрестности разорят, а этого допустить нельзя, мы теперь как ни крути, для здешних жителей единственная защита.

— А мы народ в замке попрячем.

— А кормить ты их, чем будешь? Да и не поместятся все в замке.

— В октябре — ноябре 1501 года, сюда придет войско под командованием воеводы Щени. Замок, вряд ли будут штурмовать, они же не знают, что у нас гарнизона практически нет. Но вполне могут разорить и пожечь все, что не разорят наши добрые соседи. Я подозреваю, что их абсолютно не будет волновать, участвовали мы в войне или нет.

— Ну, хорошо умник, что ты предлагаешь?

— Пока никаких идей у меня нет, у нас Леший — голова, может быть он, что

предложит.

— Об этом у нас есть еще время подумать, а теперь о делах неотложных, вечером в гости придет местный священник, надо придумать какую ни будь занимательную историю. Сочиним легенду и на нем отработаем.

Местный священник на поверку оказался очень интересной особой. Исполнив свой долг в отношении усопших, падре с радостью откликнулся на приглашение хозяев Грюненбурга отужинать с ними. Взглядам друзей предстала пухлощекая, пышущая здоровьем физиономия жизнелюбца и грешника.

Когда отец Бонифатий, «вкатившись» в зал приветствовал собравшихся, причем, одновременно сделав комплименты присутствующим дамам и тайком ущипнув за зад прислуживающую девицу. Егор понял, кого он ему напоминает. Здешний пастырь, был разительно похож на отца Тука из отечественного фильма про Айвенго. После того как священник, вознеся крайне короткую молитву, благословил трапезу, состоялась церемония его знакомства с обитателями замка, Ляшков был представлен ему как английский рыцарь сэр Георг Блад, Костя — шотландский дворянин Кевин Мак Клауд, Сергей назвалсся фламандским рыцарем Сержем фон Корном, а Алексей его оруженосцем Алексом фон Штирлицем.

Новоявленный фон Корн пояснил, что все они прибыли по приглашению его дальнего родственника фон Гутенбергена дабы вступить в славные ряды ордена, увы, не успели предотвратить злодейского убийства несчастного хозяина замка, но зато сумели отомстить за его смерть. Девушек же, сей славный рыцарь, представил сиротками кузинами, которые после смерти родителей вынуждены были сопровождать брата и его друзей, поскольку он оставался их единственной опорой.

— Да, да — сочувственно кивал головой отец Бонифатий, не забывая смачно обглаживать нежнейшие свиные ребрышки — это очень грустная история, господь посылает нам грешным свои испытания, и наш долг смиренно сносить их.

Сделав скорбную физиономию падре, влил в себя приличных размеров кубок испанского вина и причмокнул губами.

— Ну а как поживает ваша паства святой отец? Блюдут ли они законы божьи и церковные заповеди? — вежливо поинтересовался Корнев, восхищенно наблюдая, как в обширной пасти почтенного священнослужителя исчезает половина цыпленка.

— Ах, господин рыцарь, эти недостойные грешники, порой совсем забывают о боге, я скорблю и плачу всякий раз, когда собираю десятину в пользу матери нашей католической церкви.

— Даже те, малые крохи — промокнув жирные губы рукавом рясы, и мимоходом зацепив изрядный кусок колбасы, печально продолжил священник — которые необходимы, чтобы такой скромный и непритязательный служитель церкви как я просто не умер с голоду достаются великим трудом.

Ай, ай, ай — посочувствовал Сергей, в котором уже проснулся чисто спортивный интерес, сколько же может съесть и выпить, сей скромный труженик креста и молитвы — Гретта, подай святому отцу вон тот паштет.

— Отведайте, святой отец, может быть, это хоть немного утешит вас.

— Благодарю вас сын мой — тяжело вздохнул отец Бонифатий, вознаграждая себя за муки очередной порцией вина.

— Неужели так печальна ваша жизнь, падре? — включилась в разговор Татьяна.

— Увы, дочь моя — ответил пастырь, когда Алексей перевел ему вопрос — моя жизнь тем печальней, что в наших забытых богом краях редко появляются ангельские создания подобные вам и вашим сестрам.

— А он оказывается записной ловелас — шепнула Живчикова — ишь, какой комплимент загнул.

— Да — тихо заметил Емелин — наш праведник, ходок еще тот, а уж пожрать и выпить так вообще крупный талант.

— Еще один такой набег, и в замке не останется продуктов — улыбнулась Светка.

— И, что же вы намерены теперь делать, господа — не переставая поглощать разнообразную снедь, и сдабривать ее вином, в свою очередь поинтересовался гость.

— Сэр Блад, готов принять на себя весь груз заботы о замке и прилегающих владениях, чтобы не оставить без защиты и опеки вашу паству, святой отец — перевел Сергей ответ Егора.

— Похвальное решение сын мой — пьяно икнув, благосклонно кивнул священник — здешние пейзажи очень нуждаются в строгом отеческом надзоре. Я благодарю господа, за то, что в такое смутное и тяжелое время он послал сюда столь достойных рыцарей.

Ужин, сопровождавшийся подобной учтивой светской беседой, продолжался еще довольно долго, но в конце концов отец Бонифатий, заплетающимся языком заявил что ему необходимо провести остаток ночи в бдении и молитве. Он благословил блюдо с остатками поросенка, и очевидно по рассеянности прихватив с собой шмат ветчины и бутылку вина был препровожден Петером, в специально приготовленную для него комнату.

Следующие четыре дня в Грюненбурге прошли под знаком скорби и печали для его жителей. Пришельцы, при помощи Фридриха не взирая на жалостные стоны и вопли слуг, продолжали железной рукой внедрять новые порядки. С огромным трудом, Егору и его друзьям все же удалось довести санитарное состояние замка если не до идеального, то по крайней мере, до приемлемого состояния. Пора было заняться изучением своих новых владений.

Насколько успел выяснить Ляшков на территории фогтии помимо той деревни, что находится рядом с замком, располагаются еще две небольшие деревушки, дворов по десять, двенадцать каждая. Одно из этих селений, расположенное на побережье Егор и Костя уже видели со стены. Кроме того, в наличии имелись еще восемь хуторов, разбросанных по окрестностям. Население, состоявшее из ливов, лэттов, поляков и русских кроме 5 дней в неделю барщины, оброка, выплачивало множество различных податей. Платили за все и по любому поводу, естественно богаче от этого население не становилось и доходов, предыдущий правитель, получал все меньше и меньше. Вечером за ужином, рассказывая об этом, Фридрих сокрушенно качал головой:

— здешняя чернь совершенно не желает работать, господин. Только страх наказания удерживает их на месте. Это скопище бездельников готово стонать и жаловаться по любой причине.

— Задолбали их, вот они и стонут — недовольно вскинулся Костя — посмотри вон, деревня рядом с замком, живут хуже скотины.

— У человека одна шкура, с них семь дерут — поддержал его Емелин.

— Если не драть с них семь шкур, они перестанут, с почтением относится к своему господину — возразил начетник.

— Значит, утром, я, Вжик и Фридрих отправляемся объезжать все наши хутора и

деревушки, с завтрашнего дня все подати кроме оброка отменяются, барщина сводится до двух дней в неделю. Пора провести экономические реформы, пока местное население не перемерло с голоду или не взбунтовалось — принял решение Егор.

— Нельзя — Фридрих замахал руками — нельзя так делать, кто будет обрабатывать ваши поля и пасти ваш скот?

— Он прав — вмешался Корнев — своими нововведениями ты разрушишь систему, не говоря уже о том, что разоришь наше теперешнее, итак не очень доходное хозяйство.

— Ну хорошо, хорошо, убедили, красноречивые, барщину оставим как есть, я честно говоря и сам подумал, что перегибаю палку — согласился Егор

— Сергей, после моего отъезда остаешься за старшего, с тобой остаются Костя и Альберт, попробуй завербовать того ландскнехта, что в подвале сидит. Нечего его зазря кормить, или пусть на службу идет или идет отсюда на все четыре стороны. Фридрих, скажешь конюху, пусть к завтрашнему утру приготовит лошадей.

Недовольно ворчащий Вольф отправился отдавать соответствующие распоряжения.

— Егор, может, лучше на телеге поедем, я на этих зверей побаиваюсь садиться — взмолился Леха — а, с некоторых пор вообще боюсь их до дрожи в коленях.

— Поедем верхом — Ляшков был неумолим — надо учиться, да и вообще, что за рыцари на телеге, нас сервы засмеют.

— Да и вот, что, к моменту начала войны с Московским князем мы должны быть готовыми передать, а лучше по возможности продать замок его воеводам и свалить отсюда, а заодно и забрать с собой тех, кто захочет ехать с нами.

— Не понял, куда ты хочешь перебираться, уж, не на Русь ли? — изумился Корнев.

— Нет, кому мы там нужны, нищие, захудалые немецкие дворянчики, перебежчики, ни знаний, ни умений, ни денег.

— Как так — вскипел Корнев, да с нашими знаниями...

— Мы с нашими знаниями можем быть полезны, только пробившись к власти, но боюсь, что никто нам такой возможности не даст.

— Почему?

— Объясняю, вояки мы никакие, по сравнению с местными. Следовательно, больших высот на этом поприще не достигнем, хорошо, если живы останемся.

— Но пока мы одерживали победы — заметил Корнев.

— Победить мы смогли как это не обидно, не благодаря, а вопреки нашим стараниям. До сих пор нам просто сказочно везло, да мы будем учиться, тренироваться, но у нас в запасе мало времени.

— У Тани, есть медицинское образование — вставила Лена.

— Но при нынешнем состоянии фармакологии и медицинской техники применить свои знания она толком не сможет, да и лекари все сейчас по большей части мужчины. Дальше, у тебя Серега есть знания истории, но полезны, они могут быть только в случае, если ты будешь иметь влияние на великого князя или его окружение. В противном случае, единственное, что ты сможешь это объявить себя пророком и вещать на площадях. Вот только слушать тебя никто не будет, а то и вовсе дождешься обвинений в колдовстве и чернокнижии.

— Мы можем открыть небольшую мастерскую и выдувать стекло или наладить производство бумаги, дело не хитрое и наших познаний на это хватит — предложил Емелин.

— Согласен, ну и чего мы этим достигнем?

— Хорошо Егор, что ты предлагаешь? — тихим голосом, глядя в глаза Ляшкова своими огромными зелеными глазищами, спросила Татьяна.

— У нас имеется один козырь, нам известно то, чего в этом мире никто, не знает. Что на западе есть огромный материк, заселенный людьми, находящимися на крайне низком уровне развития. Место, где мы со своими навыками окажемся на высоте положения.

— У тебя прямо наполеоновские планы — фыркнула Живчикова.

— А, что там сейчас? — поинтересовалась Арсеньева.

— Испанцы только, только начали осваивать Карибские острова, до появления первой британской колонии в Вирджинии, еще 85 лет, хотя по некоторым источникам дорогу до Ньюфаундленда они уже знают. Французы появятся в Северной Каролине только через 24 года, а потом потихоньку пойдут оттуда на север. У нас есть шанс попытаться проскочить туда вперед всех, и ухватить кусочек ничейной территории.

— Хорошо говоришь — заметил Костя — только одно но, территория там не ничейная, там индейцы живут, и если сильно наглеть, запросто можно скальпа лишиться.

— Предложение интересное — согласился Корнев — только как мы туда доберемся?

— А вот на организацию и подготовку экспедиции у нас есть, как я уже говорил всего год. Поэтому, нам надо завоевать доверие местных сервов, чтобы хоть какая то часть согласилась уехать с нами. Кроме того, нам нужно наладить связи с купцами судовладельцами, и еще нам нужны люди умеющие держать в руках оружие, очень желательно, чтобы это были наши соплеменники.

— Да планы действительно серьезные — задумался Сергей — но, на мой взгляд, они не так уж не выполнимы.

— Ну, вот и хорошо — весело подытожил Алексей.

— Будем думать, что для этого нужно сделать, одна голова хорошо, а семь лучше, или вернее шесть с половиной Ленкина за целую не считается — он кивнул головой в сторону Живчиковой, и увернувшись от летящих в него куриных костей с хохотом выскочил из зала, преследуемый разъяренной старостой.

— Ладно, пойдемте спать — улыбнулся Егор — завтра дел много.

ГЛАВА 6

В которой наши герои инспектируют свои владения

Ранним туманным утром, трое путников покинули Грюненбург. Первым, потихоньку матерясь сквозь зубы, тряся, в седле Ляшков. На его плечах позвякивало железо панциря, найденного в замковой оружейке и на правах фогта, присвоенного себе. У седла болтались небольшой треугольной формы щит, и шлем — бацинет, руки защищены наручами, ноги — налядвенниками и батарлыгами, на поясе меч, и широкий кинжал.

Правой рукой он придерживал, а вернее сказать держался за двухметровую пику, тупым концом древка упиравшуюся в специальную ременную петлю. Следом, посмеиваясь в усы, ехал одетый в кирасу и шапелъ вооруженный мечом Фридрих. Замыкал кавалькаду немилосердно ёрзающий в седле, безуспешно пытающийся устроиться в нем поудобней, Емелин в шишаке, куртке из толстой кожи с нашитыми железными пластинами. На боку его болтался палаш, за спиной неразлучный арбалет.

Когда копыта лошадей процокали по доскам подъемного моста, Егор обернулся к своим спутникам:

— заедем сначала в эту деревню.

Кавалькада, свернула к просыпающемуся поселению у реки, метрах в четырехстах от замка.

Рассеивающийся туман понемногу обнажал грязь и нищету, царившую среди крестьянских хижин, когда всадники въехали на площадь перед кирхой, к ним подбежал запыхавшийся, длинный тощий мужик лет сорока, стянув шляпу, он застыл в низком поклоне:

— Что угодно вашей милости?

— Кавалер Блад, ваш господин, ему угодно, чтобы ты рассказал о том, что делается в вашей деревне — вместо Егора ответил Фридрих.

— Чего это он, жалуется что ли? — поинтересовался Ляшков у Алексея.

— Староста это местный, спрашивает, чего хотим — пояснил тот.

— А, а мэр значит.

Последовавший за этим доклад звучал примерно, как песенка про прекрасную маркизу, перемежавшаяся жалобами на плохие урожаи, холодную погоду и прочие напасти. Новые хозяева дотошно выпытывали у «главы местного самоуправления» о планах на осенние урожаи. Интересовались количеством приплода скота и иными сельскохозяйственными подробностями. При этом к удивлению «мэра» да и Вольфа тоже, Емелин скрупулезно записывал всю полученную информацию в записную книжку.

— Приеду, Живчику отдам, пусть она анализирует, у нее вроде с экономикой все нормально — пояснил он Егору.

Когда беседа со старостой подошла к концу и «начальство», к облегчению местных сервов собралось восвояси, на площади появился отец Бонифатий собственной персоной, со следами очередного ночного «бдения» на лице.

Узнав о планах нового фогтия провести инспекцию своих владений, сей почтенный священнослужитель изъявил желание сопровождать его в поездке, и попросив немного подождать, с прытью которую было трудно ожидать в его тучном теле ринулся собираться в дорогу.

Дальнейший путь они продолжили уже вчетвером. Егор постепенно приноровился к своему транспортному средству, и даже стал получать некоторое удовольствие от верховой езды. Этого нельзя было сказать о нелепо подпрыгивающем в седле «Вжике», время от времени с завистью оглядывавшемся, на путешествующего с комфортом в небольшой повозке отца Бонифатия. Священник вел мирную беседу с едущим рядом Фридрихом, время от времени, прихлебывая пиво из объемистой кожаной фляги.

Следующей на очереди была деревушка на другом берегу залива, здешний староста, крепкий лив с обветренным красным лицом и руками, насквозь пропахший морем, степенно и довольно толково, почтительно, но без лишнего раболепия ответил на все вопросы, а его жена бойкая говорливая женщина, наделила господ свежекопченной рыбой.

За день успели объехать пару хуторов и ночевать расположились на небольшой лесной поляне, несмотря на настоятельные намеки начетника и священника остановится в крестьянском доме. Ляшкову и Емелину не улыбалась перспектива, спать в грязной задымленной лачуге, подвергаясь атакам разнообразных кровососущих насекомых.

С первыми солнечными лучами, Егор, поднялся, окинул взглядом мирно спящих попутчиков и подошел к костру, у которого, помешивая угли палочкой, сидел закутавшийся в плащ «Вжик», ему по жребию выпала собачья вахта.

— Ну что, все нормально?

— Да, ночь прошла своевременно товарищ главнокомандующий — шутливо отрапортовал «часовой», а потом серьезно добавил — только, ты, как хочешь, а я сегодня в седло не сяду.

— Понимаю — согласился Егор — я сам после вчерашних скачек еле хожу, ладно поедешь с отцом Бонифатием, поднимай народ, будем завтракать и собираться.

Через двадцать минут маленькая кавалькада вновь тронулась в путь, с той только разницей, что рядом со священником в повозке бессовестно дрых Леха, и теперь была очередь Ляшкова с завистью оглядываться на него, поскольку сам фогт позволить себе такой вольности не мог. К полудню успели осчастливить своим посещением еще одно поселение.

Отобедать Фридрих предложил на довольно богатом хуторе, расположенном на опушке небольшой дубовой рощи. Как пояснил начетник, супруга хозяина хутора отличалась редкими кулинарными талантами. Проголодавшиеся путники с восторгом приняли предложение.

Егор выехал на опушку первым, и увиденная картина ему очень не понравилась, на хуторе всю хозяйничала какая-то банда. Справа от него начинал заниматься огнем крытый соломенной крышей сарай. Вооруженный человек угонял скотину, вскоченный и довольный тип тащил за волосы орущую благим матом девицу. Возле крыльца дома важно восседал на лошади, очевидно главарь шайки в кирасе и барбюте. Перед ним, понуро стояли на коленях пожилой мужик и полная женщина, чуть поодаль какой то ражий детина отмахивался оглоблей еще от двоих разбойников.

Ляшков атаковал ближайшего к нему противника, тащивший девку, грабитель успел только оглянуться, услышав топот лошадиных копыт, когда острое пики проткнуло его почти насквозь. Оставив оружие в теле врага, Егор вытащил меч, на встречу ему, размахивая палашиом, летел предводитель банды.

Из рощи на выручку уже скакал Фридрих, следом выбежал Алексей, упав на одно колено, быстро стал заряжать арбалет.

Угонщик скота, оставил свою добычу и пытался гизардой выбить Вольфа из седла, тот в

свою очередь вертелся, вокруг пытаюсь достать врага мечом. Наконец старый вояка, улучшив момент, отразил очередной удар и зарубил своего противника.

Емелин точным выстрелом, уменьшил количество бандитов еще на одного, и дал возможность, уже было совсем зажато в угол крестьянину, перейти в наступление.

Тем временем Ляшков сцепился в поединке с воином в барбюте, приняв первый удар на щит, сам нанес ответный, успешно парированный палашом. Некоторое время бойцы обменивались ударами. Затем Егор, резко отбросив щитом в сторону, клинок противника, снизу ткнул своим в незащищенную шею, острие меча, скользя по металлу кирасы, вошло под подбородок.

Последний оставшийся в живых налетчик не успел увернуться, схлопотал дубьем поперек спины и растянулся на земле

— Ну, вот и все — к Ляшкову подъехал Фридрих — эй, серв, подойди сюда, расскажи, что здесь случилось.

Из рассказа хозяина хутора выяснилось, что утром к ним в дом ввалились вооруженные люди, всю семью выгнали на улицу, и принялись грабить, пытавшегося защитить жену хозяйского сына ударили по голове.

— А это, что за молодец — Егор показал на рослого белобрысого детину, топтавшегося рядом не выпускавшего из рук оглоблю.

— А это племянник мой Валдис — махнул рукой старик — бестолковый, пользы от него в хозяйстве нет, за что ни возьмется все ломает, только драться, способен, да девкам, подолы обрывать.

— Сын то живой, остался?

— Живой, ваша милость, дай вам бог здоровья — ответила подошедшая хозяйка.

— Забираю, я у тебя племянника на службу, мне как раз и нужен такой.

— Берите ваша милость, все равно проку нет от него, лишний рот только.

— Эй, Валдис, в кнехты пойдешь, одежка бесплатная, кормежка от пуза, ешь, не хочу, все девки твои будут.

— Пойду ваша милость — широко улыбнулся парень.

— Вот и ладно, только оглоблю оставь, я тебе другое оружие дам — предупредил Ляшков, увидев, что новоиспеченный кнехт не собирается расставаться, со своим дрыном.

— А с этим чего делать будем — поинтересовался Емелин — показывая на оглушенного Валдисом бандита.

— Повесить его надо, другим для острастки — заявил Фридрих.

— Si vis pacem, para justitiam — нравоучительно подняв палец, изрек, появившийся, откуда ни возмись отец Бонифатий — если хочешь мира, устанавливай справедливость.

— Как повесить, он же пленный — попытался, было возразить Емелин.

— Он не пленный, а грабитель, застигнутый на месте преступления, что по- твоему с ним надо делать — резко остановил его Ляшков.

— Ну, в тюрьму — неуверенно начал Алексей.

— Ага, еще и кормить его там, нет уж, здесь мы с тобой и закон и судьи, и с этими разговор должен быть коротким, святой отец правильно говорит.

Фридрих и Валдис, потащили в дубняк связанного грабителя, следом за ними отправился и священник.

— Возьми старик, это тебе на восстановление хозяйства — Егор, покопавшись в кошеле предводителя нападавших, протянул старику две серебряные марки — ты хозяйка говорят

готовить мастерица, покормишь путников, разбойники не все, поди, успели разорить?

— Интересно, откуда эта банда взялась — когда, пообедав и отдохнув, путешественники вновь выехали на дорогу, поинтересовался у Фридриха, Ляшков.

— Это люди кавалера Шварценкопфа, его владения начинаются вон за тем перелеском, он уже давно пытается наложить лапу на эту землю.

— Да, только разборок с соседями нам сейчас и не хватало, а что у этого кавалера бойцов много?

— Да, дружина у него большая, может выставить до полусотни воинов, да и его родственник фогт Ключгер помогает, вдвоем они и прибирают к рукам участки, которые понравятся, покойный господин Гуттенберген пару раз объединялся с соседями и давал отпор этим негодяям.

— Да дела у вас тут творятся — покачал головой Егор — так ты считаешь, что война с этим самым Шварценкопфом неминуема?

— В покое он точно нас не оставит — подтвердил Фридрих.

Однако, несмотря на сложную «международную» обстановку, дальнейшая поездка обошлась без приключений, и через два дня путники подъехали к воротам Грюненбурга, встречать их высыпало все население замка.

Стук в дверь прервал сон:

— да, кто там еще?

— Ваша милость, господин фон Корн велел передать, корабль пришел.

— Какой корабль? — Егор подскочил и поспешно стал одеваться.

На верхней площадке донжона, он застал Сергея и Костю, разглядывающих в бинокль, входящую в бухту посудину.

— Ну и что там у нас?

— Похоже на ганзейский когг, одна мачта с большим гротом, округлые разваленные борта.

— И чего он у нас забыл?

— Торговец, какой то, слушай, а помнишь, Вольф тебе говорил, о бременском купце, который пушки должен привезти.

— Не пушки, а бомбарды.

— Один черт, ладно Серега иди, поднимай гарнизон на всякий случай, и отправь Альберта на разведку, если и правда купец пусть его в замок пригласит.

Между тем, судно вошло в бухту, и встало метрах в двухстах от берега, на палубе засуетились люди, убирая парус и бросая якорь.

— Ого — продолжая разглядывать коггу в бинокль, заметил Костя — у них пушки, посмотри по две с каждого борта

— Да, по нынешним временам это серьезно — согласился Егор — гляди, лодка от борта отваливает.

— Не лодка, а ялик, крыса ты сухопутная — поправил товарища Щебенкин.

— А ты откуда знаешь?

— У меня дед морской офицер, в Питере живет, вот от него и нахватался.

С башни было видно, как выбравшемуся с помощью матросов, из причалившего к берегу ялика, солидному, богато одетому типу, подбежал Альберт, и после короткого разговора сделал приглашающий жест.

— Значит все таки купец, констатировал Егор, ладно пойду, буду встречать, ты пока

понаблюдай за кораблем, чтобы пакости какой не учинили.

Когда фогт спустился, в зале уже собралось Сергей и девушки.

— Я оставил Леху за воротами приглядывать, на всякий случай — встретил его Корнев.

— Ганс Кугель, к вашим услугам господа — представился вошедший в сопровождении Фридриха дородный мужчина, лет сорока, с окладистой черной бородой и живыми умными глазами, одетый в синий атласный джуббоне, придававший еще более громоздкий вид его солидной фигуре и такой же берет, который он снял, раскланиваясь с хозяевами.

— Прошу, почтенный, быть гостем в нашем замке — вежливо приветствовал купца Егор.

— Фридрих рассказал мне о печальной участи вашего родственника, прежнего хозяина Грюненбурга, прошу принять мои соболезнования,

— Благодарю вас господин Кугель — ответил Корнев — что привело вас в наши края?

— Я направлялся в Новгород, но долг перед покойным кавалером Гутенбергом, вынудил меня, отклониться от курса и пристать к вашим гостеприимным берегам.

— Вы, очевидно, говорите о тех бомбардах, которые обещали привезти.

— Да, две бомбарды, порох, сырое железо, все как было уговорено и оплачено, я честно выполняю свои обещания — подтвердил купец — куда прикажете сгружать товар?

— Фридрих займется этим — начетник кивнул и вышел из зала.

— Прошу, почтенный господин Кугель присоединится к нашей трапезе — радушно пригласил Ляшков.

Во время завтрака за столом завязалась оживленная беседа, хозяева живо интересовались у гостя последними европейскими новостями и различными ценами на товары.

— Как, я слышал московский князь, Иван взялся чинить препоны торговле Ганзы с Новгородом — промежду прочим посочувствовал Сергей.

— Да, увы, разозлившись на неразумные деяния жителей Ревеля, московский князь 6 лет назад закрыл ганзейский двор в Новгороде, он повелел арестовать многих уважаемых торговцев и их товары, с тех пор купцы союза несут огромные убытки, а датчане и шведы радуются, глядя на все это.

— Тем не менее, вы все равно идете в Новгород.

Купец усмехнулся:

— если мне с божьей помощью удастся проскочить мимо витальеров у Аэгна, я найду способ обойти запреты московитов.

— Вы храбрый и предприимчивый человек, господин Кугель — заметил Егор — поэтому именно вам я могу предложить участие в очень выгодном предприятии, которое поможет пережить тяжелые времена.

— Я заинтригован сэр Блад, прошу вас продолжать.

— Вот образец товара — Егор выложил на стол небольшой бумажный сверток, в котором оказалось несколько кубиков сахара рафинада принесенного с собой еще из той «прошлой» жизни.

— Что это бумага? Увы, этот товар в наше время не настолько прибыльный, чтобы поправить мои дела.

— Бумага, это лишь сопутствующий товар, попробуйте вот это, чтобы вы не беспокоились, я тоже съем кусочек.

— Это сахар, но он совершенно не похож на тот, который продают венецианцы, где вы

его взяли?

— Я предлагаю вам создать компанию, ваши корабли доставят меня и моих людей, туда, куда мы скажем, в свою очередь мы обязуемся продавать вам подобный товар, который вы будете выгодно сбывать в Европе, и составите конкуренцию венецианским купцам.

— Вы гарантируете, что будете сбывать товар только мне и моим компаньонам?

— Гарантией послужит ваша собственная скромность, если вы никому не расскажете, где берете товар, никто и не узнает.

— Сколько вам нужно кораблей?

— Мне необходимо перевезти до ста семей, пол десятка лошадей, несколько голов скота, зерно для посевов, сырое железо, оружие, порох ну и соответственно продовольствие примерно на шесть — семь месяцев, а также продовольствие и воду для того, что бы в течение 2х с половиной месяцев находится в плавании.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Когда нужны корабли?

— К концу весны, началу лета следующего года.

— Это достаточно сложно, я не могу один решить этот вопрос.

— Я понимаю вас, поэтому и предлагаю вам посоветоваться с компаньонами и жду вашего ответа через 2 месяца. Ах да чуть не забыл, мне нужно попасть в Новгород, вы не могли бы меня туда доставить?

— Хорошо, я возьму вас с собой, «Святой Януарий» отходит завтра утром.

Откланявшись, купец ушел, наблюдать за выгрузкой товара, а Корнев набросился на Егора с вопросами:

— Рассказывай, что задумал, не собираешься же ты воевать с испанцами из за Карибских островов?

— С чего ты взял?

— Я так понял, ты решил заняться производством сахарного тростника.

— Даже не думал.

— Издеваешься, ты чего решил кинуть ганзейских купцов?

— Ай, ай, ай, как ты мог про меня такое подумать? Я предлагал ему не тростниковый, а кленовый сахар. Да я понимаю, что его производство будет дороже и проблематичней, чем производство тростникового сахара, но пока испанцы наладят его производство, мы некоторое время сможем успешно экспортировать свой товар. Сейчас только венецианцы продают средиземноморский тростниковый сахар, но его очень мало и они держат монополию, поэтому наш господин Кугель и заинтересовался. К тому же товар эксклюзивный, сахарный клен растет только в районе Великих озер.

— Хорошо, а почему ты выбрал именно это время, мы прибудем на место осенью, чем ты собираешься кормить людей целый год.

— Боюсь, у нас нет выбора, потом в Атлантике начинаются зимние шторма, и на этих корытах путешествие будет слишком опасно. К тому же, нам надо продержаться только до весны, а там придут корабли за первой партией сахара.

— Ну, хорошо, а в Новгород тебе зачем?

— Нам же нужно кое что закупить, заодно и прозондировать почву, не удастся ли там бойцов нормальных наембовать. Со мной поедет Костя, а вы с Лехой остаетесь здесь, на хозяйстве, присмотришь для нашей артиллерии местечки поудобней, заодно и покумекай лафет, какой ни будь, желательно помобильней.

Егор прекрасно понимал, что особой заинтересованности, в немедленном приобретении Грюненбурга новгородский воевода, скорее всего не выразит, да и зачем спрашивается, нужна крепость в самом центре территорий контролируемых вероятным противником. Небольшой гарнизон будет быстро раздавлен воинственными соседями, снабжение большого отряда через беспокойное Балтийское море представлялось довольно проблематичным. Но мысль о том, что придется бросить замок и тех крестьян, которые откажутся ехать с ними, на произвол судьбы ему тоже не нравилась. Решение этой проблемы в голову ему пока не приходило.

Глава 7

Господин Великий Новгород

Путешествие до Лужской губы было безмятежным и можно даже сказать приятным, у морских богов и балтийских витальеров, по видимому были выходные. Легкий попутный ветерок и спокойное море способствовали быстрому прибытию «Януария» к месту назначения.

В устье реки Луги судно уже ждали два новгородских шитика, приплывшие на них бородатые мужики, начали споро перегружать на них с борта когги привезенные товары.

Ребята распрощались с Гансом Кутелем, который на прощание передал им письмо для своего новгородского компаньона Тимофея Важенина и еще раз уговорившись, что встретятся через шесть недель в Грюненбурге.

Дальнейший путь лежал вверх по Луге мимо богатых селищ и погостов, до Малого Волока, где шитики разгружали и 17 верст азартно матерящиеся мужики волокли суденышки по бревенчатой дороге до устья Мшаги. На пятый день вышли в Шелонь и миновали село Велебицы, именно здесь как рассказал ребятам старик кормщик, и произошла битва на долгое время решившая судьбу новгородской вольницы.

К концу седьмого дня заночевали в устье Шелони при впадении ее в Ильмень озеро. Утром парни стали очевидцами странного мероприятия, перед тем как отправиться в дорогу, команды обоих шитиков собрались у костра. Старший из кормщиков перекрестясь, достал из своей каморки деревянного идола Перуна, который был установлен на почетном месте. Только после принесения жертв, и чтения наговоров караван двинулся вдоль западного берега озера.

На расспросы парней, ворочая кормилом, словоохотливый старик охотно отвечал:

— Страшное место, Ильмень озеро, буйное, только старые боги и могут его утихомирить, тут хочешь, не хочешь, а если Перуну жертву не принесешь, в озеро лучше не ходить, буря будет.

Неизвестно, помог ли древний бог, или путникам просто улыбнулась удача, но озеро было спокойным и через девять дней после выхода из Лужской губы, путешественники увидели город.

Господин Великий Новгород своим шумным многолюдством удивил даже выдавших виды пришельцев из будущего, сошедших с борта шитика на деревянные мостки причала. Вокруг царила невообразимая суматоха. Кричали и суетились матросы и грузчики, важно расхаживали купцы и деловито сновали их приказчики, зазывая, а то и попросту хватая за рукав покупателей. В воздухе висел стойкий запах реки, дерева и смолы.

Вся огромная площадь Торга была застроена великим множеством лавок и купеческих амбаров возле которых продавцы и покупатели до хрипоты и чуть не до драки торговались, ссорились, и в конце концов ударяли по рукам. В глазах рябило от множества лиц, разноцветья одежд и разнообразия товаров. Над всем этим бедламом, грозно возвышалась серая каменная стена детинца, увенчанная «двурогими» боевыми зубцами и мощными щедро украшенными резными кирпичами башнями.

Егор толкнул товарища в бок:

— присматривай, чтобы кошелек не увели. Надо поискать местечко поспокойней, перекусить и решить, что дальше делать будем.

Дорога через торговые ряды заняла довольно много времени, путешественники то и дело останавливались возле прилавков с интересом, разглядывая товары.

— Надо девчонкам будет подарки, что ли, какие прикупить, смотри, здесь, сколько всего — предложил Костя, разглядывая тончайшие узорные ткани которые настойчиво пытался ему всучить явно восточной наружности купец, на ломаном русском языке расхваливающий достоинства материи.

— Ага — согласился Егор и неловко обернувшись, зацепил локтем рослого молодца в богато расшитой красной рубаше и заправленных в мягкие поршни синих плисовых портах. Парень, в этот момент пытался привлечь внимание густо наруганной, нарядно одетой красотики, кокетливо стрелявшей на него глазами и старательно делавшей вид, что комплименты и ухаживания молодого человека никакого отношения к ней не имеют.

От толчка, щеголь потерял равновесие, и лихо заломленный на затылок колпак слетел с головы. Девица весело прыснула, что еще больше разозлило парня, весь свой праведный гнев он обрушил на ничего не подозревающего Ляшкова.

— Ты чего пихаешься, немчура не мытая, я те пихну, так пихну байстрюк, своих не узнаешь.

Егор, увлеченно рассматривающий изящной работы сабельный клинок, поэтому так и не разобравший из за чего собственно весь сыр бор, обернулся к ругающемуся новгородцу и рассеяно спросил:

— А? Чего тебе?

Подобное пренебрежение к собственной особе довело щеголя до состояния близкого к кипению. Однако увидев, что предмет его ухаживаний неторопливо, покачивая бедрами, удаляется восвояси, он подхватив с земли шапку злобно прошипев — ну немец, мы с тобой еще свидемся — кинулся догонять свою зазнобу.

Друзья недоуменно переглянулись, Егор пожал плечами, и они продолжили свой путь.

Наконец удалось протолкаться на окраину торжища, где и обнаружилось искомое заведение.

Внутри, ребят, ожидавших увидеть киношный кабак, с грязными столами, спящими под ними пьяницами, и обязательной дракой, приятно удивила чистота и опрятность. За длинными чисто выскобленными столами чинно и спокойно сидели группки людей ели, пили, что то из глиняных кружек и вели степенные беседы. Костя указал кивком головы на свободный стол в углу, когда парни уселись на широкой деревянной скамье, к ним подошел, хозяин корчмы и поинтересовался:

— что желают господа кавалеры?

— Чего ни будь поесть и выпить.

— Как будете платить?

Костя молча выложил на стол серебряную марку, которая тут же исчезла в ладони корчмаря.

— Не извольте беспокоится, сейчас принесут снеди и медов, или кавалеры предпочтут пиво?

— Принеси меду и кваса, давно не пил — кивнул Егор.

Пока проворный подросток слуга таскал на стол, еду и напитки в количестве способном прокормить десяток голодных ландскнехтов, друзья огляделись. Посетителей в корчме было немного, за соседним столом негромко обсуждали какие то торговые проблемы солидные, богато одетые купцы, недалеко от них сидела группка по видимому ремесленников.

Наиболее интересная компания собралась у противоположной стены, несколько крепких парней, неопределенного вида занятий, о чем то тихо переговаривалась между собой, внешность одного из них показалась Егору знакомой. Русоволосый парень в красной рубашке оглянулся, пристально посмотрел на Ляшкова и толкнув в бок своего соседа стал горячо ему что то доказывать, время от времени бросая на наших героев злобные взгляды.

Костя, указав кивком головы в его сторону, поинтересовался:

— ты не этого хмыря, на рынке чем то обидел?

— Похоже, что его — согласился Егор — ты это, много не пей, мед штука коварная, пьется легко и приятно, от него голова светлеет, а ноги отказывают, а тот вон глазами как зыркает, не иначе собирается нам какую нибудь пакость, подстроить.

— Понятно, чего дальше то делать будем?

— Надо найти купчину, адрес которого нам дал Кугель, переговорить с ним, а там видно будет.

Определившись, таким образом, проголодавшиеся путешественники налегли на принесенную еду, тем более, что корчмаревастряпня того стоила, она была простой, не притязательной, но разнообразной и потрясающе вкусной, чего только не было на столе: пряженцы с рыбой и грибами, расстегаи с мясом, щи с убиной и гречневая каша со свиной, запивать все это великолепие предлагалось свежим шипучим квасом и приятным на вкус хмельным медом.

Пока друзья обедали, подозрительные типы, куда то ушли, и Ляшков расслабился и облегченно вздохнул, вступать в какие либо конфликты здесь в чужом городе совершенно не входило в их планы.

Но как оказалось, радость его была преждевременной, когда ребята вышли из корчмы, и пошли по улице искать дом купца Важенина, дорогу к которому им любезно разъяснил корчмарь, путь им преградила уже знакомая компания, четверо парней хмуро поглядывая на «немцев» двинулись им навстречу. Противники были не вооружены, поэтому и Егор с Костей хвататься за оружие не стали.

— Вы почто, кавалеры Яшу нашего избидели — грозно поинтересовался самый старший из нападавших, крепыш примерно лет 25 отроду, черноволосый, с черной курчавой бородкой — за то и спрос с вас будет.

— Шли бы вы ребята, пока сами ходить можете — посоветовал в ответ Костя.

— Ах ты змей, еще и грозиться будешь — завопил самый молодой, плечистый, невысокого роста парень и широко размахнувшись, попытался ударить Щебенкина в грудь. Поймав руку на замахе, Костя, недолго думая, обрушил сверху ему на голову свой огромный кулак. Глаза паренька «сбежались в кучу» и он мягко осел на землю.

Егор тем временем, чуть сместившись в сторону, ушел от мощного прямого удара Яши, пнул его хорошенько в голень, а когда тот, зашипев от боли — нагнулся, добавил ему ладонями по ушам.

С вожаком, пришлось немного повозиться, поняв, что недооценил соперников он не стал торопиться нападать, сделав обманное движение, неожиданно ударил слева, Егор успел сделать разномжку и удар кулака только вскользь зацепил скулу. Круговым движением, зацепив руку противника «на возврате» и взяв ее на залом, локтем левой руки Ляшков врезал противнику в челюсть, клацнув зубами, чернобородый полетел в пыль. Мимоходом пробив ударом ноги в солнечное сплетение поднымавшемуся было Яше, Егор повернулся к четвертому противнику, который все таки смог достать Костю и разбить ему губу, однако сбить с ног

огромного Щебенкина он не смог и ответная плюха отправила его в нокаут.

— Ну, что еще будем биться, или хватит с вас? — поинтересовался Ляшков, у ошарашено сидящего и ощупывающего челюсть «чернявого».

— Ну и здоровы вы немцы, драться — неожиданно улыбнулся тот — называется, пошли по шерсть, а вернулись стриженные.

— Мы такие же немцы, как и вы — ответил Егор, протягивая парню руку и помогая ему встать — а Яшу вашего мы ненароком обидели, если виноваты, прощения просим.

— Чудно, одежда вроде на вас бусурманская, а по нашему, чисто говорите, да и драться немцы так не умеют, кто же вы такие будете?

— Рабы божии, шиты кожей — вместо ответа ввернул прибаутку Ляшков — меня Егор зовут, а вот его Константин.

— Не хочешь, не говори — согласился новгородец — я Савва, Черным меня еще кличут, это Ерема, вон тот мелкий Охрим, а Яшу вы и так знаете.

— Савва Игнатич — улыбнулся Егор.

— Ну да, отца Игнатом звали, а ты откуда знаешь? — удивился Черный.

— Да так, к слову пришлось — пожал плечами Ляшков, досадуя за свою несдержанность.

— Ну — ну, а пойдем к нам мировую пить — весело предложил Савва.

— Да у нас дела... — начал, было, Костя, но осекся, когда товарищ ткнул его в бок локтем.

— Успеют дела — безапелляционно заявил Егор — пошли.

Новые знакомые пришли на пристань, где на самом дальнем причале плавно раскачиваясь на речной волне, поскрипывал бортами двадцати метровый ушкуй, подойдя к нему, Савва негромко свистнул, с палубы судна раздался ответный тихий свист.

Всего в команде Саввы Черного оказалось двадцать восемь бойцов, из них десятка полтора находились в городе, остальные коротали время на ладье, когда друзья поднялись на борт, на палубе накрыли импровизированный стол и по кругу пустили братину, завязалась непринужденная беседа «за жизнь».

— Совсем в Новгороде тяжело стало Егорша — жаловался подвыпивший атаман — московские воеводы житья не дают, на Волгу не ходи, купцов бусурманских не трогай, татар не тревожь, негде молодцам и разгуляться.

— Да, накинула Москва ярмо на вольный город — грустно заметил кто то из сидящих рядом ватажников.

Отхлебнув из большой круглой чаши, Савва продолжил:

— намедни пошалили слегка на низовьях, так насилу ушли, сколько ребят хороших потеряли, сперва татары поганые гоняли, а потом ратники нижегородского воеводы, того и гляди сюда грамотку отпишут, чтобы нас вязали, да в поруб сажали.

— А я и говорю — вмешался невысокий худощавый мужичонка с жиденькой бородкой — на север надо подаваться к студеному морю.

— Прав ты Афоня, надо уходить подальше — вздохнул Савва — Афанасий у нас голова, не гляди, что хлипкий, такого кормщика еще поискать надо.

— Может он и прав — согласился Егор — да только и там вас достанут, у московского князя руки длинные и с каждым годом длиннее будут становиться, ты уж мне поверь.

— Ну, покуда не достали, поживем еще, а дальше видно будет — упрямо мотнул головой Черный — а ты почему знаешь?

— Это брат централизация — многозначительно пояснил Егор — против нее не попрешь.

— Вот ты Егор Михалыч по всему видать, ученый человек, слова какие знаешь — лизация, тьфу прости господи срамота то какая — перекрестился Афанасий — вот и подскажи нам то чего делать.

— А с нами пойдете? — предложил Егор.

— Куда? В Ливонию что ли?

— Ну, сперва в Ливонию, а потом в дальние земли, там уж вас точно воеводы не достанут, а то глядишь, и сами воеводами станете.

— Это что же за земля такая, расскажи.

На засыпающий город тихо опускался теплый июльский вечер, лучи закатного солнца золотили плавно плывущие воды древнего Волхова. Костя в обнимку с Яшей и Охримом, затаили какую то песню, которую подхватили еще несколько голосов, и под ее аккомпанемент Егор долго рассказывал ушкуйникам все, что знал про далекую Америку.

Утром, приведя себя в порядок, и оговорив с Саввой место и время встречи, друзья в сопровождении Еремы, выделенного атаманом в качестве провожатого, направились искать двор Важенина. На этот раз, достаточно быстро нашли нужный купеческий дом, огороженный высоченным забором. Подойдя к створке добротных дубовых ворот, Костя, что есть силы, загрохотал в них кулаком. Во дворе дружно залаяли псы, через некоторое время, чей то голос недружелюбно поинтересовался:

— Чего надо?

— Тимофея Ивановича надо, Важенина, поговорить хотели — ответил Егор.

— А сколько вас?

— Трое.

— Ну вот, промеж собой и поговорите — съехидничал голос за воротами.

— Слышишь ты — вскипел Костя — Петросян недоделанный, открывай, говорят, дело у нас.

— А ты чего лаешься, сказано тебе занят Тимофей Иванович, не велел никого пускать.

— Мы вот сейчас ворота тебе порубим — пообещал Ляхов.

— Не, мы лучше их навозом перемажем, пусть потом хозяин с него спрашивает, а он отмывает — весело предложил Ерема.

— Хорошее предложение — поддержал Щебенкин.

— Эй, вы чего удумали, охальники — забеспокоились внутри — а ну идите себе, я кому говорю.

— Ага, счас, пойдём как же, жди.

— Вот я вам уже задам, нехристи окаянные — раздался стук снимаемых засовов ворота приоткрылись наружу выглянул пузатый мужик, ростом чуть ниже Кости, что называется косая сажень в плечах и окладистой рыжей бородой. Лопатообразной пятерней он вмиг сграбастал за грудки, стоящего ближе всех Ляшкова.

— Здравствуй дядя, как звать то тебя? — Егор спокойно двумя пальцами взял за державшую его кисть и слегка надавил в нужном месте.

— Уй, ты, что же делаешь ирод, Иваном, Иваном зовут, отпусти — взвыл незадачливый сторож, опускаясь на колени.

— Веди нас болезный к хозяину — предложил парень, заламывая руку, и заставляя Ивана подняться.

— Здорово, научишь меня так? — восхитился Ерема — я, здесь вас обожду.

— Хорошо — кивнул Костя, и ребята, ведомые согнувшимся в три погибели купеческим «секьюрити» прошли в дом.

— Здравствуй Тимофей Иванович, мы к тебе по важному делу — вежливо поздоровались парни, зайдя в просторную, светлую горницу.

— Здрaвы будьте и вы добрые люди. Вы того, Ванюшу то моего отпустите, да и о деле потолкуем — невозмутимо ответил сидящий за столом, обложившись со всех сторон пергаментными и бумажными листами, пожилой купец.

— Ах да — Егор разжал захват — ты ступай дядя, благодарствуем, что проводил.

Матерящийся сквозь зубы сторож вышел из комнаты, а Ляшков продолжил, присаживаясь на широкую лавку:

— Письмецо у нас к тебе Тимофей Иванович, от господина Кугеля.

— Вот как? Давненько старый приятель весточки не присылал.

Некоторое время, Важенин шурясь и шевеля губами, тщательно изучал послание а потом отложив его в сторону сообщил:

— Отписал мне почтенный компаньон мой, чтобы подсобил я вам кавалеры в беде вашей, так чем могу служить?

— Ты, помоги нам господин Важенин человек десять людишек мастеровых подобрать, которые вместе с семьями согласятся на новые земли уехать, в обиде они не останутся, да и тебе глядишь прибыль какая будет.

— Уж, не в Ливонию ли ты людишек увезти хочешь господин кавалер? Если так, то помогать не стану, знаю я как ваш брат вмиг вольного человека в скота безгласного обращает, я людьми не торгую, чай не бусурманин какой.

— Понимаю тебя Тимофей Иванович и согласен с тобой, только неужели ты компаньону своему не доверяешь, говорю же, в обиде они не будут. К апрелю будущего года придут корабли господина Кугеля, и направимся мы новые земли обживать. В Ливонии, я их не оставляю.

— Ганс меня ни разу не подводил, ему я верю. Ну, хорошо, к апрелю я тебе сам охотников привезу. Думаю, найдутся такие, которые из под руки московской, готовы хоть на край света бежать. Ты только скажи, куда везти.

— Знаю ту бухточку, как то от шторма там прятался — подтвердил купец когда Егор стал объяснять ему местонахождение Грюненбурга — еще есть просьбы какие?

— Еще к кузнецу хорошему нам надо.

— Кузнеца я вам укажу — кивнул головой Важенин.

После беседы с купцом друзья посетили кузнеца, которому Егор заказал три десятка кованых пищальных стволов, договорившись, что готовый товар будет доставлен во двор Важенина, с которым об этом было уговорено заранее.

Только к вечеру разобравшись с делами, голодные и усталые парни, вернулись на причал, где стояла посудина Саввы Черного.

Атаман встретил их с распростертыми объятьями, и вовремя ужина завел разговор:

— Вот, что Егорша, покумекали мы с ватагой моей, да и надумали с вами подаваться, так что говори, когда в путь собираться.

— Завтра, кое какого товара на торгу закупим, да послезавтра и пойдем, сколько удальцов с нами идет?

— Да почитай, что все. Четверо, только и остаются, у кого мать с отцом, оставить не на

кого, а кто и просто не хочет из Новгорода уезжать. Да пятеро семейных, жен, детей с собой забрать хотят, примешь?

— Примем, отчего не принять.

Обратно возвращались другим путем, маршрут лежал через Волхов на Ладогу, оттуда к устью Невы. Дорога эта заняла гораздо меньше времени. Через несколько дней, ушкуй уже качался на волнах Финского залива.

Глава 8

Возвращение

Ушкуй осторожно пробирался вдоль орденского побережья, Егор стоящий у кормила рядом с Афанасием и Саввой с тревогой прислушивался к недалекой артиллерийской канонаде впереди. Ведь предлагал же осторожный Афоня, обойти Аэгн, пользовавшийся у торговцев недоброй славой, но Савва и Егор настояли не делать крюк, а проскочить проливом. Конечно, после того как почти сто лет назад ганзейцы и рыцари тевтонского ордена разгромили основную базу витальеров Клауса Штертебекера на Гогланде, а сам знаменитый пират был казнен, на Балтике стало потише. Однако время от времени нападения продолжались, поговаривали, что не без поддержки шведов и датчан которые пытались чужими руками попортить кровь Ганзе и новгородцам. Суденышко обогнуло мыс, и глазам путников предстала мрачная картина морского сражения, примерно в двух кабельтовых, два судна сцепились в смертельной схватке абордажа, на одном из них явно торговом начинался пожар. С борта кнарра на палубу отчаянно сопротивляющегося когга лезли воины, вся эта вакханалия сопровождалась звоном оружия, грохотом выстрелов и криками умирающих людей. Было очевидно, что купцам крупно не повезло, и долго они не продержаться.

— Что делать будем атаман, может попробуем проскочить? — спросил Ляшков

— Не проскочим мы Егорша, сейчас они покончат с ганзейцами и тогда примутся за нас — заметил новгородец — я мыслю, они нас пищалями потопят, чтобы долго не возится.

— Что предлагаешь, напасть самим пока пираты не заметили?

— Попробуем, незаметно покуда сможем, подойти и напасть первыми, давай Афоня правь прямо на него, заходи с кормы, ребята брони вздевай, драка будет, баб и детей в трюм — скомандовал Черный своим ватажникам, которые впрочем, сами уже поняли, чем дело пахнет, и начали готовиться к бою.

— Сохрани нас Святая Богородица и Никола угодник — перекрестился кормщик и переложил весло.

На пиратском кнарре нового противника заметили, когда расстояние между сближающимися судами составило около полутора кабельтова. На фоне кормовой башни ахтеркастля возникло белое облако порохового дыма, и рядом с бортом ушкуя поднялся всплеск от упавшего в воду ядра. С носа ладьи шестеро лучников под командой Еремы тут же засыпали вражеских артиллеристов стрелами, но вторая бомбарда все таки успела сделать выстрел. Каменное ядро проломило борт ушкуя, на уровне ватерлинии. Через несколько минут корабли сошлись бортами, с ушкуя полетели «кошки». Из «вороньего гнезда» кнарра грохнула аркебуза, один из ватажников молча упал на палубу. Вниз полетело и тело аркебузира, утыканное стрелами как булавочная подушка. Новгородцев встретил всего десяток врагов, остальные находились на борту торговца. Егор спрыгнул на палубу вражеского корабля следом за Саввой, как раз вовремя, чтобы проткнуть мечом витальера, пытавшегося достать копьем атамана. Тем временем, Черный крича, что то залихватское и матерное, активно работая топором налево и направо уже врубился в толпу пиратов. Заскочивший следом Яша ударом булавы снес за борт еще одного противника. Разъяренные гибелью товарища русичи с ревом посыпались на борт вражеского корабля, и битва здесь быстро закончилась. Затем лучники принялись азартно расстреливать витальеров

столпившихся на палубе когга. Разгоряченный боем Костя, глядя на них, подтащил к борту трофейную аркебузу, порывшись в кожаной сумке, снятой с убитого аркебузира нашел в ней порох и пули, и принялся деловито ее заряжать. Он засыпал в ствол меру пороха, закатил пулю, старательно запыжевал, затем покопался в своем кошеле, выудил оттуда зажигалку и поджег фитиль серпентинного замка. Грохот выстрела слился с грохотом от падения аркебузы на палубу и воплем стрелка.

— Костя, живой? — к пострадавшему кинулись Егор и Охрим.

Щебенкин, сидя на палубе, ошалело затряс головой, а потом выдал длинную тираду, в которой цензурные были только предлоги.

— Какой debil такой приклад придумал, руки бы пооборвал — наконец простонал Костя, когда к нему вернулась способность нормально изъясняться — я по моему ключицу сломал.

— Сам ты балбес, этот приклад не к плечу приставляется, а подмышку засовывается.

Пока Егор возился с товарищем, ушкуйники и остатки купеческой команды, добивали паникующих витальеров, и вскоре с ними было покончено.

В результате быстротечной схватки, новгородцы потеряли одного бойца убитым и еще троих, включая Щебенкина — ранеными, в борту ушкуя зияла приличных размеров пробоина, в которую даже при легком волнении начинала захлестывать вода. Зато русичам достался в качестве трофея, почти целый пиратский кнарр. Торговому коггу повезло гораздо меньше, судно получило серьезные повреждения, а от команды осталась лишь жалкая горстка израненных людей.

Ранним утром в конце июля 1500 года в бухту Грюненбурга вновь вошел неизвестный корабль. Корнев, Емелин и девушки находились в большом зале замка, когда тревожный вой сигнального горна с верхней площадки донжона поднял суматоху среди его обитателей. На пороге появился заполошенный Петер:

— Ваша милость — пираты!

— Какие пираты, ты чего несешь? — не понял Сергей.

— Там в бухте пиратский корабль!

Парни, схватив Лехин бинокль опрометью кинулись наверх. В замке царила страшная суета, гарнизон под руководством Фридриха спешно занимал свои места. На колокольне деревенской кирхи вовсю трезвонил колокол, к замку бежала толпа селян тащивших с собой нехитрый скарб, детей и скотину.

Между тем судно вошло в бухту, бросило якорь, какие то люди засуетились на палубе, убирая паруса.

— Отставить панику — скомандовал Корнев, внимательно рассматривая корабль в бинокль — Леха, это кажется наши прибыли, вон смотри Леший руками машет, и Костя рядом с ним.

— А может они в плен попали, и теперь у пиратов в качестве заложников — предположил «Вжик».

— Да нет, непохоже, вон рожи довольные, у заложников таких не бывает.

— Что там у вас мальчики — на площадку поднялись девчонки.

— Да все нормально, это ребята вернулись.

Последние слова Корнева утонули в радостном визге.

— Господин фон Корн, гарнизон замка готов к обороне, бомбарды заряжены, Альберт у ворот встречает беженцев, как только витальеры высадутся, мы сразу поднимем мост —

запыхавшийся начетник спешил с докладом.

— Отставить мост Фридрих, успокой сервов, подготовь замок и гарнизон к встрече фогта, надо послать несколько лодок к кнарру пусть перевезут людей.

Высочивших из лодки первыми, Егора и Костю, встретили радостные крики и крепкие объятия друзей. Рядом короткой шеренгой, блистая надраенными кирасами и шлемами, вытянулся в почетном карауле гарнизон замка в количестве семи человек.

Первыми стояли: сияющий широкой улыбкой старик Вольф и не менее довольный долговязый Альберт, рядом с ними сжимая огромную совню, казавшуюся игрушечной в его руках белобрысой башней возвышался Валдис. Далее трое бывших баронских ландскнехтов и замыкал шеренгу лопоухий, худощавый паренек лет пятнадцати от роду.

— Да у нас уже целая армия — улыбнулся Егор, тепло поприветствовав начетника и фон Зига.

— Ну да, а ты как думал — гордо ответил Корнев — там еще один, из бывших, на костыле по двору скачет, я его в строй ставить не стал.

— А это кто с вами — в свою очередь поинтересовался он, показывая на высаживающихся на берег людей.

— Это хорошие ребята, атаман Савва Черный, это его ушкуйники. А это моряки с ганзейского когга, их корабль пираты потопили, ну об этом потом расскажем, за обедом. Да и организуйте разгрузку судна, там в трюмах добро трофейное, бомбарда, пара кулеврин, порох, ядра, оружие.

— А у нас для вас сюрприз есть, вон там, за частоколом.

— Неужели Степан баню соорудил, вот это удружили.

— Да еще какую, одно удовольствие, у нас вон Фридрих раз попробовал, так потом жалел, что нельзя каждый день париться.

— А остальные?

— Да кто как, большинство до сих пор силком загонять приходится, смех и грех был, когда слуг погнали в баню первый раз, они решили, что мы их живьем сжечь хотим. Вою было, ужас. Ладно, идите с дороги в баньку, а Марта пока обед сообразит.

Вдоль южной стены замка группа сервов под руководством Степана, возводила частокол из двухметровых бревен, огораживая участок земли, шириной примерно сто метров. На огороженной территории у реки уже стоял, дымя трубой новенький сруб бани.

— Чего это вы тут за ударную стройку развернули? — поинтересовался Егор.

— Что то типа посада организуем, кузницу сюда перенесем, построим тренировочную площадку, прежние хозяева, как я понял боевой подготовкой вовсе не заморачивались.

— Эк вы размахнулись, ты не забывай, нам скоро сваливать отсюда.

— До ухода, нам еще почти год, так, что пригодится, а я тебе потом еще кое чего покажу.

«Кое чем», оказалась одна из привезенных Кугелем бомбард, установленная на деревянный лафет, на двух высоких тележных колесах, посаженных на железную ось. К удивлению Ляшкова, лафет был снабжен цапфой, обеспечивающей вертикальную наводку орудия.

— Да, мы с кузнецом здешним долго головы ломали над подъемным механизмом, вроде получилось, только надо вдвоем менять угол возвышения, долговато получается, но все же лучше чем ничего, еще мы передок к ней сделали с зарядным ящиком, я такой в Бородинской панораме видал — похвастался Сергей.

— А прислугу ты к ней подобрал?

— С этим сложнее, я сперва хотел Валдиса бомбардиром назначить, только он боится до стыдного дела, когда первый раз стреляли, страшно сказать, какая паника с ним приключилась, здоровый парень, а исподнее перепачкал, а потом еще пол часа крестился, заикался и голову ощупывал, не оторвало ли? Чего ты ржешь, тут плакать надо.

— Ну и чего? — отсмеявшись, поинтересовался Егор.

— Да нашел, паренька видел? В строю последним стоял. Янисом зовут, он со Степаном баню строил, а потом, когда они лафет для бомбарды конструировали, смотрю вроде парнишка смышленный, заинтересовался. Ну я его в армию и мобилизовал. Неплохо справляется.

— Ничего, мы с собой привезли канонира опытного, голландец, на когге всей артиллерией заведовал, согласился к нам на службу пойти, кое как уболтал, поднатаскает он твоего Яниса.

Пока Сергей знакомил Егора со своими нововведениями, в главном зале замка за большим столом уже собралась вся компания. Костя, раздав привезенные подарки, рассказывал о путешествии.

После боя с пиратами, Савва и Егор решили забрать на борт кнарра груз, артиллерию и остатки экипажа с разбитого, купеческого когга. Бросать поврежденный ушкой новгородцы наотрез отказались, под пробоину был подведен парусиновый пластырь и дальнейшее плавание продолжили уже на двух судах. Однако природа внесла свои поправки в планы людей. Ночью разыгрался шторм, пластырь не выдержал, и пришлось в срочном порядке снимать с тонущего ушкуя команду. К счастью обошлось без жертв.

Из десяти спасенных ганзейских моряков шестеро не только помогли управиться с кнарром, но и выразили желание остаться на службе в Грюненбурге, остальные получили долю из судовой кассы и отправились на все четыре стороны. Таким образом, наши герои сделались обладателями, не нового, но еще довольно крепкого боевого корабля и груза меда, воска, дегтя и пеньки, а также кучи различного трофейного оружия.

— А как у вас тут дела? — поинтересовался Костя.

— А у нас обстановка беспокойная, вчера прибежали сервы с дальних хуторов, сосед активизировался, его отряды шарят по округе, безобразия устраивают, а нам и отпор ему дать нечем — пожаловался Емелин.

— Ничего, что ни будь, придумаем, да и Савва с ребятами поможет.

— Окоротим вашего соседа, будь спокоен — важно кивнул сидящий рядом Черный, не будет больше акти..., атив..., ну вообще безобразничать.

Почти месяц после возвращения ребята прожили достаточно безмятежно, если не считать того, что поначалу, приходилось сглаживать то и дело возникающие между прибывшими новгородцами и ливонскими обитателями замка, незначительные трения на религиозной и национальной почве. Пришлось даже выдержать долгий теологический спор с отцом Бонифатием. В конце концов, после того как ребята частично посвятили его в свои дальнейшие планы, священник согласился закрыть глаза на присутствие на территории фогтии иноверцев. Но хитрый падре поставил обязательное условие взять его с собой на новые земли. На настойчивые вопросы ребят, с чем же связано подобное рвение? Отец Бонифатий по секрету поведал, что всегда мечтал стать не много ни мало настоятелем монастыря и именно свое появление в языческих краях в качестве единственного поборника католичества считал кратчайшим путем для достижения своей цели. Мало того перед

честолюбивым священником в этом случае открывались широчайшие перспективы вплоть до епископских и кардинальских должностей.

К счастью практически все бойцы гарнизона прибыли с запада и в конфликтах с восточными соседями не участвовали, поэтому делить им особо было нечего. Очень кстати пришлась идея Корнева со строительством посада, на территории которого и были поселены прибывшие русичи. Было построено, что то вроде общежития для семейных ватажников, и казармы для холостяков. Ляшков старался, как можно меньше афишировать факт появления своих соотечественников перед местным населением. Почти все время то Егор, то Сергей проводили у границ фогтии с небольшим отрядом для защиты пограничных поселений, иногда их сопровождал Емелин, но до столкновений с противником дело не доходило. Небольшие группы мародеров при их появлении старались убраться восвояси. Чтобы не раскрывать перед противником истинной численности своего воинства ребята каждый раз брали с собой не более пяти одних и тех же воинов одетых в ливонскую одежду. Последние дней десять — двенадцать в отношениях с соседями вообще наступило непонятное затишье, в связи с чем, на некоторое время Ляшков распорядился прекратить патрулирование, ограничились лишь наблюдениями агентуры из числа местных сервов. Регулярные конные прогулки, тем не менее, приносили ощутимую пользу, парни научились более, менее сносно держаться в седле. Регулярные тренировки с оружием и постоянное ношение железа также потихоньку делали свое дело, даже толстяк Корнев подтянулся и стал стройнее. Щебенкин тоже старался не отставать от друзей, но большим нагрузкам его старались не подвергать, пока не срастется сломанная ключица. Живчикова вместе с Фридрихом занималась всеми хозяйственными и экономическими вопросами фогтии. При посаде было устроено нечто вроде больницы, в которой Татьяна при помощи Арсеньевой и Гретты принимала обращающихся с травмами и болячками обитателей замка и окрестных селян. Девчонки потихоньку учились ездить верхом, и привыкали к средневековому быту. Егор старался, как можно больше загружать друзей различными делами, чтобы как то отвлечь их от тоскливых мыслей о родных, оставшихся в прошлой жизни.

Плавное течение существования феодалов — землевладельцев было прервано самым неожиданным образом.

ГЛАВА 9

Война

В один из последних летних дней конца августа, Егора разыскал встревоженный Петер: — ваша милость, прискакал мальчишка из Плуksне, от старосты говорит, что с важным сообщением.

— Ну, где он, показывай.

Гонец, ожидавший у ворот, оказался веснушчатым белобрысым подростком лет двенадцати отроду, из его слов выяснилось, что родственник старосты из Плуksне, серв кавалера Шварценкопфа, по секрету сообщил о том, что его господин на днях готовит нападение на Грюненбург. Зловредному соседу, каким то образом стало известно о смене владельца замка, и теперь он решил попробовать на прочность нового фогта. Точная дата нападения была неизвестна.

Ляшков, срочно собрал военный совет в малом зале донжона, кроме четверых пришельцев на нем присутствовали: Фридрих, Савва, Афанасий и назначенный начальником артиллерии замка голландец Якоб Андрес.

— Таким образом, затишье закончилось, нам фактически объявлена война, что делать будем господа? — спросил Егор, после того как до присутствующих были доведены последние новости.

— Надо выступить навстречу и дать бой, чего тут еще думать — предложил Корнев

— Я думаю, что Шварценкопф вместе со своим соседом выставят около семидесяти, восьмидесяти бойцов — сообщил Вольф.

— Силенок у нас маловато — покачал головой осторожный Афанасий — сколько мы можем собрать четыре десятка, и того не наберем.

— В открытом бою, нам с ними, не совладать — заметил Савва.

— Ты прав, в открытом не справимся, господин Андрес ты уже изучил новую бомбарду?

— О да, отшень интересант конструкций — закивал головой голландец — мы хорошо учится стреляйт.

— Очень хорошо, надо будет узнать, когда и по какой дороге они пойдут, для этого я поеду на разведку, возьму с собой Леху, Альберта и еще пару ушкуйников, Савва Игнатич у тебя есть такие, чтобы в лесу хорошо ориентировались?

— Что ты Егор Михалыч за слова все такие говоришь мудреные, найду я тебе лесовика знающего, есть у меня, хотя бы тот же Ерема, а вместо второго сам пойду.

— Фридрих, мне нужно три с половиной десятка накидок холщевых, вроде плаща с капюшоном, грязно зеленого цвета, четыре сейчас, остальные к завтрашнему утру, посади баб замковых и деревенских пусть сошьют.

— Дорога здесь одна господин фогт, а плащи сошьем, только я не знаю чем их красить.

— Очень просто — вставил Емелин — перепачкать их с наружной стороны землей и травой как следует, вот и все.

— Идите, собирайтесь, мы сегодня выступаем, через два часа, остальные завтра утром, Серега, Костя останьтесь для вас есть еще отдельные задания.

Через два часа разведгруппа из пяти человек выехала в сторону границы фогтии. В деревушку Плуksне, самую удаленную от Грюненбурга и разместившуюся непосредственно у границы их владений, разведчики прибыли к вечеру, без приключений. Встретивший их

староста, подтвердил все, что уже слышал Егор и добавил, что Шварценкопф ожидает, своего союзника фогта Клюгерра, отряд которого должен прибыть завтра. Следовательно, выступления противника надо ожидать уже в ближайшие дни. Егор распорядился, чтобы ночью все жители оставили деревушку и укрылись в ближайшем лесу, где для этой цели хитромудрым старостой давно уже был присмотрен укромный овражек.

Переночевав в заброшенной жителями деревне, разведчики не торопясь, двинулись по дороге в обратную сторону, Егор придирчиво выбирал место для засады. Его внимание привлек небольшой лесной перекресток. От главной дороги ведущей к Грюненбургу на лево убегала неширокая дорожка, скорее широкая тропа, ведущая к тому самому хутору, где произошло первое столкновение с людьми Шварценкопфа. Направив Ерему, Емелина и Альберта на опушку леса наблюдать за дорогой, Ляшков и Савва принялись планировать расположение засады. Ближе к вечеру на дороге показался отряд под командованием Корнева. Он привел с собой восемнадцать ушкуйников под началом Яши, четверых бывших ландскнехтов и Валдиса. В хвосте колонны запряженная четырьмя лошадьми громыхла по кочкам бомбарда установленная на передок, на котором вместо ездового восседал Янис следом шли Андерс и один из его матросов.

В замке оставались: Костя, со своей ключицей он все равно не боец, Фридрих, Афанасий, четверо моряков и двое ушкуйников.

— Ну что привез, что я просил? — поинтересовался Егор у подъехавшего Сергея.

— Да, в зарядном ящике, три штуки как ты и говорил, время горения семь минут, опытным путем проверено.

— Хорошо, Савва отправь пару своих ребят, пусть заменят Алексея и Ерему, они мне здесь нужны, и расставляй своих ребят, как мы распланировали, то есть задумали — поправился он, встретив страдальческий взгляд атамана.

Ночь прошла спокойно, люди смогли отдохнуть после изнурительного дневного марша, а утром прибежал Альберт и сообщил, что со стороны Плуksне поднимается столб дыма, примерно через час на дороге показалось облако пыли. Емелин вооружился биноклем и забравшись на дерево смог примерно оценить силы противника. Впереди двигался отряд из троих тяжело вооруженных рыцарей, следом дюжина всадников снаряженных попроще. Замыкала шествие нестройная колонна пехотинцев их было больше полусотни, точно посчитать не получилось, из за густой пылевой завесы. Следом катился обоз из четырех крестьянских телег.

Ляшков отдал команду занять позиции, и внимательно осмотрелся, грязные холщевые накидки неплохо скрывали засаду в еще по-летнему, густых и зеленых зарослях.

Егор залег рядом с обочиной дороги, когда в поле зрения появились первые всадники, поджег фитиль, и стал быстро отползать назад. Тоже самое, проделали Емелин и Захар, один из новгородцев, которого специально для этой цели Егор обучил пользоваться спичками. Крестonosцы, совершенно не ожидали каких либо активных действий от небольшого гарнизона Грюненбурга, который насколько им было известно, не насчитывал и десятка бойцов, поэтому двигались, даже не выставив боевого охранения. Фугасы, установленные на обочине вдоль дороги взорвались почти одновременно, обрушив град железных обрезков на колонну. С опозданием с несколько секунд, из кустов прямо в лицо двигавшимся в авангарде конникам ударила картечью бомбарда. Дорогу заволочло дымом и пылью, окрестности огласились воплями и стонами раненых и ржанием лошадей. Из густого пылевого облака на позицию артиллеристов испуганные кони вынесли двух всадников, первого дружным

залпом, тут же расстреляли из арбалетов прикрывавшие бомбарду ландскнехты, второго вместе с лошадей повалил, медведем вывернувшийся из кустов Валдис. Когда дым рассеялся дорога, представляла собой жуткое зрелище. Между разбросанными телами людей и бьющимися в пыли животными потерянно бродило десятка полтора ошеломленных воинов. Человек двадцать кнехтов шедших в конце колонны и поэтому избежавших губительного железного ливня, бросая оружие, кинулись назад и попали в засаду устроенную лучниками Еремы. Вырвались немногие. На дорогу с обеих сторон выскочили возглавляемые пришельцами новгородцы, и быстро подавили вялое сопротивление.

— Никогда бы не подумал, что медные горшки набитые порохом и мелким железным ломом могут таких дел натворить, они мне наверное сниться будут — проворчал Корнев мрачно наблюдая, как новгородцы и ландскнехты обшаривают трупы, добивают тяжелораненых, а всех кто может двигаться сгоняя в кучу.

— Что они делают? Неужели нельзя без этого обойтись — к друзьям подошел, недовольный «Вжик».

— А ты, что предлагаешь, оставить их на дороге помирать медленной и мучительной смертью? Помочь ты им все равно ничем не сможешь. Нельзя мерить поступки людей средневековья мерками двадцать первого века, другой менталитет, другая психология. Если бы они то же самое с тобой сделали, будь ты на их месте, это было бы верхом гуманизма. Но я думаю, они небыли бы такими добренькими.

— Да понимаю я, умом понимаю, а принять не могу — досадливо буркнул Алексей.

— Не ты один такой, я думаю у нас у всех такая реакция, даже Лешего вон тоже коробит — успокоил его Корнев.

— О, гляди, кого Валдис с Яковом сюда тащат.

Двое вышеуказанных товарищей споро волокли под руки важного, упитанного, но довольно чумазого и помятого господина в алом шерстяном дублете. Тот безуспешно вырывался, гневно верещал, что-то на немецком языке и изо всех сил пытался сохранить надменный вид, что впрочем, выглядело, учитывая его положение, довольно комично.

— Важный гусь по всему видно, ишь как блажит — заметил подошедший Савва.

— Ну и кого вы приволокли? — поинтересовался Ляшков у Яши.

— Кажись, рыцарь, какой то, видать не из простых, уж больно много на нем брони было навешано, взмокли покуда его из скорлупы достали, да и одежда богатая — весело ответил новгородец — лошадей придавило, лежал там, ровно идолище железное.

— Чего он орет — спросил Савва.

— Что-то про кошель, перстни, цепь, какую то говорит, забрали.

— Забрали? — спросил Егор, глядя на сделавших невинные физиономии, конвоиров.

— Не знаю о чем он — набычился Яков — а если и забрали, то наша законная добыча, имеем право, и в ватажную казну, сколько надо выделим.

— Ну, забрали и молодцы — согласился Егор — ваша добыча, никто не отнимает, а где остальные двое рыцарей?

— Одному прямо в голову железка попала сразу наповал, шлем одеть не успел, второму руку оторвало, кровью истек, только этот и остался.

— Господин фогт, я поздравляйт с виктория, как ви делать такой гроссен взрыв? — к ребятам подошел восторженный голландец — отшень, как это, нежидайт так използуйте артиллерия.

— Благодарю, господин Яков, ты тоже очень хорошо поработал — кивнул Егор —

приготовь бомбарду к маршу.

— О да, я, сделает — замахал головой польщенный Андерс и направился выполнять приказ.

— Да, лихо ты их Егор Михалыч, как грохнуло я сам чуть с перепугу штаны не изгвоздал — поддержал канонира Черный — глазом моргнуть не успели, такую ораву под орех разделал, а из наших почитай все целые, вот только Захар оглох.

— Говорил же я ему, чтобы дальше отползал, кровь из ушей не идет?

— Нет вроде.

— Ну, значит пройдет, как вернемся пусть, Татьяна его посмотрит.

Оказалось, что в плен попало 38 человек, притом половина из них даже не была ранена и отделалась лишь испугом. Еще 8 смогли убежать, прорвавшись сквозь засаду лучников. Свою смерть на лесной дороге нашли 32 крестоносца.

«Важный гусь» — назывался виконтом де Совини. Как выяснилось, пять дней назад его направил комтур Герман фон Бригеней, дабы узнать, что происходит в Грюненбурге. Рыцарь Шварценкопф донес комтуру, что группа разбойников захватила замок и систематически совершает набеги на его владения. Виконт должен был проверить эти жалобы, в случае если слухи о смерти фон Гутенбергена верны, освободить замок, и принять на себя управление фогтией. Де Совиньи располагал всего лишь пятью воинами и обратился за помощью к «потерпевшему». Тот в обмен на некоторые территориальные уступки незамедлительно согласился поспособствовать виконту в осуществлении его планов.

— Так, все понятно — констатировал Ляшков — вяжите его и держать отдельно от остальных пленных.

— Нет, ну вы слышали — с досадой воскликнул Корнев, когда виконта утащили в сторону — разберемся с одной проблемой, следом другая появляется еще хлеще, как грибы растут.

— Мда, ситуация действительно ухудшается, похоже, что скоро за нас примутся всерьез, надо срочно, что то предпринимать иначе нам предстоит широкомасштабная война с орденом.

— А, что мы с этим узурпатором несостоявшимся делать будем, да и с остальными пленными? — поинтересовался Емелин — или тоже под нож пустим?

— Экий ты кровожадный стал, хотя конечно лучше было этого виконта живым не брать, я тоже ума не приложу, что теперь с ним делать? — заметил Корнев

— Пойдем к замку Шварценкопфа, посмотрим, что там у них делается, кстати, Сергей ты с нами не идешь, раз такая пошла такая пьянка, займешься укреплением замка. Заберешь всех пленников в качестве рабочей силы, в конвой возьмешь Альберта, Валдиса, Захара и еще четверых ребят.

— Укрепишь посад вот по этой схеме — продолжил Егор, острием кинжала на дороге быстро нацарапав примерный план укреплений — недостающие пушки снимете с кнарра, лафеты сам покумекаешь, виконта в подвал и охрану из новгородцев, никого местных к нему не пускать.

Отдохнув и собрав трофеи небольшое войско разделилось, Корнев со своим отрядом загрузил добычу в захваченные телеги и направился к Грюненбургу, остальные двинулись к замку Скуене.

Глава 10

Война (продолжение)

Сидя на ветке огромного старого дуба, Егор в бинокль разглядывал стоящий перед ним замок, под деревом на траве, расположился Савва аппетитно хрустящий яблоком.

— Забавная у тебя вещичка Егорша, до крепости вон почитай полверсты, а в твою хреновину поглядишь, так рукой можно достать.

— Крепкий орешек — задумчиво пробормотал Егор, не отрывая глаз от бинокля.

Замок Скуене действительно производил впечатление серьезного укрепления, он представлял собой правильный квадрат семи метровых каменных стен, с мощными угловыми башнями, и высоченной пятнадцатиметровой башней донжона в центре. Он располагался на холме, с трех сторон склоны его были достаточно крутыми, чтобы создавать дополнительные сложности штурмующим. Ворота выходили на пологий склон холма, который был прикрыт трехметровой высоты барбаканом, снабженным подъемным мостом, через широкий ров.

— Орешек то крепкий, да только нутро гнилое, нам бы только за стену попасть, а там мы уже разгуляемся.

— Вот то то и оно, владельца замка мы прихлопнули, гарнизон там небольшой, от силы человек десять осталось, скорее всего те, что от нас на дороге утекли. Слушай атаман, а может, не будем мудрить, предложим им сдаться, пообещаем, что сохраним жизнь и отпустим.

— Думаешь, сдадутся?

— А чем черт не шутит, они же не знают, что нас мало, тем более напугали мы их хорошо, а у страха глаза велики, по-моему, кто то из великих полководцев сказал, что солдат, сбежавший с поля боя считает противника непобедимым и этим оправдывает свою трусость.

— Ну, давай попробуем, может и не врут твои палководцы.

— Полководцы, неуч ты темная.

— Ну да, а я как сказал?

Оба «военачальника» направились к своему бивуаку, расположенному в лесочке неподалеку.

Над костром, распространяя умопомрачительный запах, поджаривалась туша кабанчика, подстреленного Еремой, вокруг расположились новгородцы и бывшие ландскнехты. Особенно порадовала Ляшкова компания из пяти ушкуйников и четырех его ратников, которая сидела вперемешку, рядом с Емелиным и пускали по кругу солидных размеров флягу с пивом, коротали время за веселой беседой. Похоже, что «коллектив» начинал срабатываться.

Возле бомбарды, заботливо начищая и чуть ли не вылизывая ее, крутился Андерс со своими канонирами и присоединившийся к ним любопытный Охрим.

— Ну, что поедим и на боковую, надо часовых только выставить — предложил Ляшков.

— Конечно идите отдыхайте, я сам все организую — поддержал его подошедший «Вжик».

Вечером следующего дня сидя в седле, Егор долго смотрел на огонь облизывающий стены Скуене, вместе с проваливающимися крышами башен, на его глазах рушился кусок старой истории. Он не знал, уцелел ли этот замок в том, оставленном им почти три месяца

назад мире, но похоже, что в этом, места для него уже не оставалось. Еще раз, бросив взгляд на горящую историю, Ляшков развернул коня и поехал догонять медленно уходящий обоз с награбленным добром. Как он и предполагал немногочисленные и насмерть перепуганные остатки Шварценкопфова воинства, уже смирившиеся было с мыслью о своей преждевременной кончине, с радостью приняли брошенный им спасательный круг и без всякого сопротивления оставили замок на милость победителей. После почти суточного безудержного разграбления накопленных прежними владельцами богатств, древнее гнездо крестоносцев было сожжено. Сейчас колонна довольных победителей обожавшимся драконом, уползала в свое убежище, даже не подозревая какого джина они выпустили из бутылки.

Ляшков не знал, что на следующий день труп бывшего начетника из Скуене уже болтался на ветке осины в нескольких верстах от замка. Местные сервы, не простили ему издевательств и грабежей, устраиваемых по велению, а иногда и без ведома приказавшего долго жить господина. Когда пейзажи уже знавшие о гибели своего сеньора, всего его войска и пожаре в замке, неожиданно встретили на лесной дорожке вмиг оказавшегося беззащитным главного мучителя, долго они не раздумывали. Не прошло и десяти минут, как раздетого почти догола, жалобно визжащего и умоляющего о пощаде толстяка отправили мир иной. Некоторое время совершившие правосудие мужики затаившись, настороженно выжидали, какая последует реакция, а затем, понемногу смелея и хмелея от собственной безнаказанности, принялись грабить оставшиеся без присмотра господские владения. Немного погодя, зашевелились, оказавшиеся в похожей ситуации, сервы кавалера Ключерра. По всей округе начало медленно расползаться пламя крестьянского мятежа, на время отвлекшего внимание комтура от странных обитателей Зеленого замка.

Ни чего об этом не ведая, и даже не догадываясь, что ненароком выгадали себе еще пару месяцев форы, наши герои с триумфом вернулись в свои владения.

На подъезде к замку Егор оставил медленно плетущийся отряд под присмотром Емелина, а сам, вместе с Саввой поскакал вперед

Вокруг Грюненбурга стараниями Корнева и компании во всю кипела активная работа. Вместо почти законченного частокола, срочно насыпался вдоль южной и западной стен замка, трехметровый земляной вал, основой которого планировалось сделать три, выдвинутых вперед бастиона. Перекрестный огонь из устанавливаемых на них орудий должен был надежно прикрывать подступы к укреплению. Все это великолепие намеревались опоясать глубоким и широким рвом, откуда собственно и брались земля и камни для строительства. Сам же частокол планировалось перенести на верхушку земляной насыпи. Большую часть имеющейся артиллерии решено было разместить на центральном, угловом бастионе, который, и являлся ключом ко всей обороне посада, два других называвшихся соответственно своему расположению: приморским и речным, играли вспомогательную роль.

Строительство велось силами военнопленных и сервов из ближайших деревень. Возле вала начальственным оком взирая на весь этот копошащийся людской муравейник, с планом укрепления в руках, стоял комендант. Рядом Щебенкин, о чем то ожесточенно спорил с Афанасием и Фридрихом, которые, совместными усилиями пытались ему, что то доказать. Вся эта компания оживленно размахивала руками, и ругалась до хрипа отстаивая свою точку зрения, даже не заметив подъехавших Ляшкова и Черного.

— Об чем брань — весело поинтересовался атаман.

— Не дам я вам людей, не дам — не обращая на него внимания, в запале вопил Костя — у меня и так, самый большой участок работы.

— Не дело это Константин — увещевал его Афоня — ты ж почитай сорок душ под себя загреб, главный баксион строить, а нам на двоих эвон, столько же оставил, не правильно это.

— Я, я — энергично тряс головой Фридрих — дас ист ниht гут, это не есть хорош.

— Хорош, хорош — отмахивался Щебенкин — у меня бастион в два раза больше ваших, поэтому мне и работников в два раза больше надо.

— Здорово Серый — Ляшков спрыгнув с седла, пожал руку Корневу — у тебя горячие ливонский парни сейчас подерутся.

— А, надоели уже — махнул рукой тот — я назначил каждого из них начальником строящегося объекта, а Костя хитрый жук загреб себе большую часть рабочих, вот они теперь и делятся, чуть не до рукоприкладства.

— Пошли — Сергей хлопнул по плечам Егора и Савву — расскажете, как все прошло.

— Да особо нечего рассказывать, подошли к замку предложили сдаться, они согласились, вот и все, даже до драки дело не дошло, золотишко, серебро взяли, оружия много, продовольствия, ну и так, барахла всякого понабрали.

— А у меня две новости, хорошая и плохая.

— Начинай с плохой.

— Продовольствие придется, по видимому, закупать дополнительно. Ленка посчитала, едоков в замке больше стало, а доход, тот же остался, строителей вон тоже кормить надо, к тому же вероятен вариант с осадой Грюненбурга, необходимо запасы создавать, а не с чего. Надо либо с сервов больше брать, либо закупать где то на стороне. Только с сервов вряд ли больше возьмешь, иначе точно зимой с голодухи перемрут или разбегутся.

— Ну а хорошая какая?

Хорошей новостью было появление в замке долгожданных гостей, прибыл «Святой Януарий» привез сразу трех богатых ганзейских купцов.

Ганс Кугель и два его коллеги, поднявшись из за стола, за которым они сидели в обществе Живчиковой, на правах гостеприимной хозяйки, угощавшей гостей и развлекавшей светской беседой. Учтивыми поклонами приветствовали вошедших.

— Я рад видеть вас господа купцы в нашем замке — в свою очередь приветствовал их Егор.

После взаимного представления, обязательных вежливых расспросов о здоровье, семьях и торговых успехах, разговор, наконец, вошел в деловое русло.

— Итак, господин Кугель, судя потому, что вы снова посетили эти края и при том, в сопровождении двух этих уважаемых господ, наше предложение вас заинтересовало.

— Ваше предложение очень интересно господин фогтий, но претворение его в жизнь требует больших расходов. Для перевозки указанного вами количества людей и грузов требуется снарядить не менее пяти больших двухмачтовых коггов. Согласитесь это очень большие деньги.

Один из сидящих рядом купчин важно кивнул головой:

— к тому же эти пять судов, нужно будет направить неизвестно куда, без полной уверенности, что они дойдут и вернуться, а значит подвергнуть наши деньги огромному риску.

— Мы рискуем гораздо большим, своими жизнями и жизнями наших людей — возразил Ляшков.

— Так то оно так, сэр Блад, но поскольку мы хотим организовать компанию, я и эти уважаемые господа готовы затратить некоторую сумму денег, но хотелось бы знать, каков будет ваш вклад в это предприятие.

— Мы готовы внести свою долю господа — кивнул Егор — в бухте вы наверняка обратили внимание на великолепный кнарр, стоящий на якоре — это часть нашего взноса.

— Кроме того, в оружейной комнате, есть шесть полных комплектов рыцарских лат, насколько я знаю, каждый из них стоит небольшой деревни — вставил Корнев.

— Все это будет передано вам непосредственно перед нашим отплытием, помимо того, замок Грюненбург, и прилегающие владения окажутся в полном вашем распоряжении.

Ганзейцы задумались, подсчитывая расходы и прибыли:

— Но риск все-таки велик — продолжал сомневаться второй купец — ваш взнос не окупит всех возможных потерь, к тому же насколько я успел заметить, с кнарра снята вся артиллерия, латы нужно еще продать, а замок и вовсе может стать обузой.

— Господин Циммер, не мне вам напоминать, что само участие в любом торговом предприятии предполагает некоторый риск — возразил Егор — хотя впрочем, вы можете отказаться, тогда новые владения и немалые прибыли от них мы предложим датской или английской короне, я думаю, их купцы окажутся предприимчивее вас.

Перспектива перехвата выгодного дела извечными конкурентами, не на шутку обеспокоила почтенных ганзейских мужей.

— Не горячитесь, господин фогт — вмешался в разговор Кутель — мы должны все обдумать и взвесить, такие вопросы нельзя решать сгоряча.

— Эти вопросы надо решить сейчас, господа, время дорого.

— Мы должны посоветоваться.

— Прошу вас, через двадцать минут мы ждем вашего решения.

Через пятнадцать минут после бурного совещания Ганс Кутель от имени своих компаньонов дал согласие на участие в сделке. Далее последовала процедура оговаривания условий, и составления необходимых документов, после чего слуги внесли вино и закуски и собеседники отметили основание новой торговой компании. Было решено, что четыре корабля в середине марта придут за поселенцами, еще один нагруженный припасами будет ждать их в порту Гамбурга, откуда они и отправятся к американскому побережью.

В ходе пирушки Егору удалось обратить в звонкую монету переполнявшие замковые подвалы груз, захваченный в бою с пиратами.

На следующий день после загрузки товара на борт «Януария» и отбытия гостей, у Егора и Саввы состоялся разговор.

— Вот, что Игнатич, будет тебе особое дело, у тебя в Новгороде остались друзья среди вашего брата ушкуйника?

— Есть конечно, как без этого.

— Сможешь набрать еще десятка три охотников?

— Попробовать можно.

— Тогда вот, что возьмешь Костю, Афоню, еще своих ребят, человек пять, четверых матросов и пойдете в Новгород, закупите припасов, попробуете людей еще набрать, сколько сможете, постарайся таких, чтобы с огненным боем могли управиться.

— Понятно Егор Михалыч.

— Зайдете к купцу Важенину, он Костю знает, заберете пищали, ему уже должен был кузнец передать, и накажете ему, чтобы привез людей не к апрелю, как уговаривались, а к

середине марта. До конца сентября, начала октября, вы должны обернуться. Я распоряжусь, чтобы часть бомбард и кулеврин вам обратно на борт установили, и смотрите поаккуратней там, никуда не ввязывайтесь.

Спустя неделю, после отбытия Саввы и Кости до обитателей Грюненбурга стали доползать известия о делах творящихся за пределами фогтии. Сведения, полученные от сервов, обсуждали на совете, произошедшем традиционно за ужином, после того как девчонки ушли, за столом остались только трое парней. Егор начал импровизированный военный совет с доведения информации:

— До нас дошли слухи, что в бывших имениях ныне покойных Шварценкопфа и Клюггера, начались крестьянские волнения, как стало известно, они постепенно перекидываются на территории соседних владений. Мало того небольшие группы мятежников замечены на наших границах. Я хотел бы услышать ваше мнение господа по этому поводу, начнем с тебя Алексей.

— А нам то чего, бунтуют и пусть себе бунтуют, отправить отряд, границу патрулировать и всего то делов, а на остальных наплевать — пожал плечами «Вжик».

— Аполитично рассуждаешь дарагой товарищ Гамаюн — горячо возразил Корнев — это же наш шанс, наоборот, надо приложить как можно больше усилий, чтобы организовать повстанцев. Дать им оружие и направить в нужную нам сторону. Чем трудней ордену будет подавить мятеж, тем дольше времени мы спокойно проживем, а там глядишь, и до весны дотянем.

— Я согласен с мнением Сергея, нам необходимо выявить лидеров среди мятежников и вступить с ними в контакт. Причем сделать это не от лица Грюненбургского фогта, а от имени, ну скажем литовского или московского князя, или польского короля — одобрил Ляшков.

— Вся проблема только в том, как их выявить этих лидеров, или может бабу ягу со стороны не брать, а воспитать в своем коллективе, а потом им подсунуть — задумчиво заметил Емелин.

— Ну, ты дружище хватил, для этого надо целую спецслужбу организовать, чтобы такие комбинации прорабатывать, вообще-то в планах это есть, но сейчас не реально — возразил было Ляшков, и осекся — а впрочем, почему бы и нет, когда-то надо же начинать.

— Значит так — Егор пристально посмотрел на Емелина.

— Чего это ты удумал — забеспокоился тот — не люблю я, когда ты так смотришь, и глаза у тебя такие, не добрые, ох не добрые.

— Вот, что дорогой ты наш штандартенфюрер, инициатива, она наказуема. Ты господин фон Штирлиц с сегодняшнего дня назначаешься начальником службы безопасности, объединяешь в своих руках разведку, контрразведку и внутреннюю безопасность. Извини брат, фамилия обязывает.

— Ну вот, я так и знал, ты чего Леший — изумился Алексей — я же в этом деле, что называется ни ухом, ни рылом.

— Учиться будешь на практике, нам всем надо чему-то учиться, к тому же кроме тебя некому. На мне общее руководство, Серега военные проблемы решает, а Костик, скорее всего по морскому делу пойдет. Я уже обратил внимание, он все с новгородцами и матросами крутится, интересуется этими вопросами. Вон когда от Новгорода сюда шли, так он от Афанасия не отходил, все расспрашивал, наверное, дедовы гены проснулись.

— Яволь мой фюрер, надо повспоминать, может и у меня какие гены завалялись, спят

себе и не знают, что я Джеймс Бонд, и папаша Мюллер в одном лице. С чего начинать то хоть?

— Для начала сведу тебя с плуксенским старостой, будет тебе хороший помощник, насколько я знаю вдоль границы фогтии, целую агентурную сеть развернул. Вот через него и попробуешь пока только установить наиболее активных лидеров восстания.

— Серый посмотришь, что у нас с оружием, его сейчас много должно быть, вон трофеев, сколько брали, что получше оставишь, а что похуже отберешь и подготовишь к передаче. Поручи это, ну хоть Альберту, что ли и вообще пора тебе из парня боевого если не офицера, то хотя бы сержанта делать. Давай ему поручения и смотри, как справляется. — Кто бы из меня боевого офицера сделал — вздохнул Корнев — я сам то еще путем ничего не умею, только учусь. Я насчет «бабы яги» подумал, есть у меня среди военнопленных мужик один на примете, сметливый, хваткий, бывший шварценкопфовский дружинник, я его даже десятником на строительстве назначил.

— Ну, продолжай.

— Вот если его, что называется склонить к сотрудничеству, поставить на жалование, дать возможность набрать людей из числа пленных, можно попробовать из него засланца сделать.

— Значит так, работать будем параллельно, операцию «Баба Яга» я беру на себя, сведешь меня с этим человечком — решил Ляшков — Леха тебе поручаем операцию...

— Ы — улыбнулся Емелин — чтобы никто не догадался.

— Тьфу ты, тебе все шуточки, хотя ладно пусть будет «Ы», если так хочешь, ну а ты Серега по-прежнему занимаешься строительством, а теперь спать пошли, поздно уже.

— Я не понял — ухмыльнулся «Вжик» — ты нас гонишь или приглашаешь? Дело оно конечно молодое, но может лучше, все-таки Таньку пригласишь, а то девка уже три месяца с тебя глаз не сводит, и так намекнет и эдак, а ты ее игнорируешь.

— Не твое дело, остряк самоучка — смущенно огрызнулся Егор.

Когда совещание закончилось, была уже поздняя ночь. Взяв свечи, ребята направились по своим комнатам. Шагая по полутемному коридору к своим апартаментам, Егор задумался, Лехины шуточки заставили всплыть на поверхность мысли, которые за повседневными делами и заботами обычно уходили на второй план. После той первой ночи проведенной в замке, им с Татьяной все как-то не удавалось серьезно поговорить. Сказывались постоянные отлучки и занятость Егора. Впрочем, последнее время и сама Таня много времени проводила в лазарете и молодые люди практически не виделись. А поговорить стоило, не дети уже, чтобы украдкой переглядываться. Надо действовать решительно. Размышляя таким образом, Ляшков подошел к своей двери, немного постоял, а потом резко развернулся и направился на третий этаж, где жили девушки.

ГЛАВА 11

Операция «Ы», или немного о тайных игрищах средневековых спецслужб

Приведенный Корневым человек оказался хмурым, рыжим крепышом, с пышными, начинающими седеть усами. Сергей представил его как Арунаса. Вошедший, сдержанно поклонился и молча выжидательно уставился на Егора.

— Арунас, как мне сказали, ты был ратником в дружине Шварценкопфа?

— Вам сказали неправду господин фогт, я был десятником в его лэнсе.

— Вот как, значит, ты хороший воин?

— Мой бывший господин щедро мне платил, я принес ему присягу и честно отработывал свое жалование, насколько я хорош не мне судить.

— Сейчас твой господин мертв, а ты находишься в плену.

— Такова война господин фогт, вы оказались сильнее и умнее.

— Что ты думаешь делать дальше?

— Вы сами сказали, что я ваш пленник, захотите продать — продадите, пожелаете повесить — повесите — философски пожал плечами жмудин

— А если я тебя отпущу, чем будешь заниматься?

— Подамся в наемники, я больше ничего не умею.

— А если я, предложу тебе опасную работу и щедрое жалование?

— Я присягал кавалеру Шварценкопфу, он убит, значит, его смерть освободила меня от присяги. Я готов поступить к вам на службу, если предложенные вами условия меня устроят.

— Однако — удивленно покачал головой Егор — в твоём положении ты интересуешься условиями? Мне кажется, у тебя нет выбора.

— У меня есть богатый выбор господин фогт, я могу умереть, меня могут продать, или могу присягнуть вам и честно служить, если вы меня вызвали, значит, я зачем то нужен, следовательно, могу интересоваться условиями.

— Ну и ну — удивленно пробурчал Ляшков, повернувшись к товарищу — слышишь Сергей, этот наглец начинает мне нравится.

— Похоже, мы не ошиблись в выборе — кивнул тот в ответ.

— Хорошо я будут платить тебе для начала жалование двойное против того, что платил прежний хозяин, а если ты справишься с заданием и останешься в живых, тебе будет обеспечен достаточно высокий пост. Но запомни, когда ты узнаешь, в чем будет заключаться это задание, тебе действительно останется только согласиться или умереть.

— Я готов присягнуть и услышать ваш приказ.

Дальнейшая беседа с новоиспеченным сотрудником спецслужбы длилась около часа. После нее бывший Шварценкопфовский десятник вышел из зала в два раза мрачнее обычного и решительно направился подбирать личный состав возможно первого в этом мире профессионального диверсионного подразделения.

— Ну вот, кажется начало положено, нет, но каков наглец, говорит как человек знающий себе цену — восхитился Егор, когда они с Корневым остались вдвоем.

— Серьезный товарищ — согласился Сергей — умен, достаточно смел и предприимчив, если только это не понты, именно такой нам и нужен, что дальше то будем делать?

— Для начала организуем в укромном месте тренировочную базу, и я насколько смогу

попробую обучить отобранных им людей, основам ведения партизанской войны.

— Как я понял, суть задачи ты ему еще не объяснял?

— С этим торопиться не будем, говорю же, сначала тщательно проверим, собирайся, поехали место для учебного лагеря выбирать.

— Ты их один, что ли тренировать будешь?

— Я думаю Ерему Хлопотникова в помощники взять, он парень сообразительный, шустрый и в лесу отлично ориентируется, а если засаду устроить или к часовому подобраться незаметно, тут ему вообще, равных нет.

— Обучение придется проходить по ускоренной программе, много времени у нас нет, я думаю, если за мятежников сейчас возьмутся основательно, долго они не продержатся.

Через три часа Ляшков и его помощники стояли перед разношерстной шеренгой из дюжины добровольцев, на уютной лесной полянке в полутора километрах от замка. Первый день познакомились с личным составом и занимались оборудованием лагеря. Затем началась учеба, Егор и Ерема, насколько могли, пытались вдолбить в головы курсантов тактику организации засад, внезапных ночных нападений, обучали, как рассыпавшись на мелкие группы, уходить от превосходящих сил противника, устраивать ловушки на лесных тропинках и тому подобным премудростям. Через две недели обучение пришлось прервать, прибежал мальчишка — посыльный от Емелина, начальник разведки сообщал, что комтур направил отряд для подавления беспорядков. Прочитав записку, Ляшков дал команду сворачиваться и выступать, а сам сел писать ответ.

Через час, небольшой отряд выступил в направлении плуксененского оврага. Туда же Алексей, выполняя приказ Егора, доставил оружие, предназначенное для раздачи мятежникам. Емелин, дожидаясь прибытия диверсантов рядом с груженной крестьянской подводой, лицо возницы и низкорослая пегая кобылка показались Ляшкову знакомыми:

— Здорово Леха, да это никак Фрол с тобой?

— Он самый — сдернув с головы колпак, низко поклонился крестьянин — здравствуйте ваша милость, рад снова служить вам.

— Хорошо, посмотрим, что вы привезли — Егор откинул рогожу, прикрывавшую груз и принялся изучать наваленное на телегу оружие и доспехи.

— Да — заметил он через некоторое время — похоже, наш Пузырьек все ненужное барахло решил под шумок сплавить, Арунас, подойди, выбереешь для себя и своих людей, что получше.

— Вот — парни отошли в сторону и Емелин, развернул грубо изготовленный крок — пока вы в Новгород бегали, я тоже без дела не сидел, все окрестности объездил, кое-что сляпал. Никому пока не показывал, ты первый.

— Ни фига себе — присвистнул Егор — молодчина Леха, умница.

— Я знаю — скромно согласился «Вжик» — только не ценит никто, ладно смотри вот здесь в рощице, завтра утром соберутся две наиболее крупные банды мятежников, они будут ждать нашего представителя. Моему человеку удалось войти с ними в контакт и предложить свою помощь, оружием и людьми, дела у них сейчас аховые. Комтур направил карателей, те разоряют деревни, грабят, баб, девок насильничают и сервов направо и налево по деревьям развешивают, как игрушки на елки, не заморачиваются особо, виноватые или нет. Народишко, с одной стороны напуган, а с другой обозлен, за наше предложение ухватились обеими руками.

— Значит, нам надо туда выдвигаться — заключил Ляшков.

— Не совсем так, тебе там лучше не светиться, не дай бог всплывет, что грюненбургский фогт поддерживает мятеж, представляешь, что будет, а так есть шанс пока отсидеться в тени. Мой человечек наметнул бунтовщикам, что им желает помочь один влиятельный литовский вельможа, я думаю, роль его представителя неплохо Ерема Хлопотников сыграет, если его подготовить и проинструктировать, а ты все-таки личность в этих краях уже более или менее известная.

— Думаешь, получится? Орден с Литвой сейчас в союзе, хотя было бы неплохо, клинышек между союзниками вбить, Литва сейчас с Москвой воюет, глядишь, и предкам чем поможем.

— Получится или нет, не знаю, а попробовать стоит, тем более в свете озвученной тобой информации.

— Один вопрос Леш, а как наши это место сами найдут? Насколько я знаю наши командиры в топографии разбираются как осьминог в парфюмерии, а карты вовсе в глаза никогда не видели, и читать их не умеют.

— Не переживай, все просчитано, я Фрола не зря с собой взял, он и место укажет, и через него будем связь с Хлопотниковым поддерживать.

— Ну вот, теперь я вижу, что у нас разведка начинает по настоящему работать, все предусмотрел- похвалил Егор.

— Все предусмотреть невозможно, однако стараемся — важно кивнул Емелин — кстати, о птичках, есть у меня мыслишка насчет де Совиньи, ты разрешишь мне с ним поработать?

— Разумеется, он в полном твоём распоряжении, только ты все-таки, прежде чем с ним говорить, со мной посоветуйся.

— Конечно, план беседы всенепременнейше будет предоставлен на рецензирование вашему превосходительству — шутовски поклонился «Вжик».

— Ну, вот и хорошо — Егор хлопнул друга по плечу — пошли Еремея и Арунаса инструктировать.

После инструктажа маленькая колонна будущих партизан направилась к месту randevu, а Ляшков и Емелин двинулись к Грюненбургу.

Всадники неторопливо, плавно покачиваясь в седлах, ехали через по осеннему тихий, золотой лес, наслаждаясь последним теплом «бабьего» лета.

— Рассказывай, зачем тебе виконт понадобился? — поинтересовался Егор.

— Допросить его надо нормально, встряхнуть все, что знает об ордене, а то уже больше полумесяца боров, в подвале сидит, только жрет как прорва, а пользы от него никакой в хозяйстве.

— Это точно, я вот еще, что подумал, неплохо было бы уточнить, как и когда он должен был отчитаться перед комтуром о выполнении поставленной задачи.

— Ага, значит, тебе тоже такая мыслишка в голову пришла?

— Ну да, может действительно от его имени письмецо чиркнуть, мол, так и так товарищ, господин, начальник, не волнуйтесь, у меня все хорошо, гощу в замке, ребята тут нормальные, конкретные такие феодалы. Так и горят желанием, вам присягу вассальную принести вот только не могут пока, так сказать по техническим причинам. Шварценкопф, скотина нехорошая, мир праху его, подставить их хотел, за что и поплатился.

— Думаю даже лучше будет если он такое послание собственноручно «нарисует», а если откажется всегда можно написать, что дескать, ранен сильно, больно, сам писать никак

не могу, и печать приложить. Я перстенок с той печатью у Валдиса конфисковал, ему она все равно ни к чему.

— Да, идея неплохая, надо над ней поработать, ну а как у тебя с организацией службы дела обстоят?

— Потихоньку осваиваюсь, переговорил с твоим старостой, толковый мужичок, только вот, что называется «себе на уме». Условились, что он занимается своими обязанностями, и попутно организует агентурную сеть по всей округе, среди своих многочисленных родственников и знакомых, а я за это буду платить ему небольшое жалование. Это в наше время сотрудничество со спецслужбами считается делом постыдным и непочетным, мягко говоря. А здешний народ простой, бесхитростный, цивилизацией не испорченный. «Стучат» со вкусом и удовольствием, доносят на всех и вся, что характерно, исключительно «из любви к искусству», безвозмездно, то есть даром, и ничего плохого в этом не видят.

— Значит резидентом он у тебя, дело нужное. Только ты с деньгами аккуратней, это хорошо, что пока они у нас есть, но экономить надо, не каждый же день мы будем замки грабить и корабли захватывать. А с фогтии сам знаешь, какие доходы, слезы одни. Вот в Америку переправимся, надо будет нормально сельское хозяйство организовывать, какие-то технические новинки вводить.

— Понимаю — кивнул Емелин — надо, чтобы Ленка бюджет составляла, ну там, доходы, расходы, сколько мне на безопасность, сколько Сереге на оборону, Таньке на медицину, в общем как в нормальном государстве. Знать бы заранее, что здесь очутимся, можно было литературы специальной больше почитать, по агрономии, экономике, механике и прочим делам.

— Да — заметил Егор — тяжела жизнь феодала, это только в книжках они все время на пирах, турнирах да охотах, а у нас не то, что на охоту, море, речка в двух шагах, а порыбачить сходить за все лето времени не нашлось.

— Это, потому, что мы бестолковые феодалы, все норовим сами делать — улыбнулся Алексей — нормальный рыцарь бы дал задание начетнику, сделать до такого то времени, и развлекался бы в свое удовольствие. Вот только рыбалка здесь, дело не господское, если бы твои вассалы узрели тебя с удочкой на бережку, это вызвало бы у них сомнения в душевном здоровье сеньора.

— Да, кстати, ты в Плуksне был, как там отстраивают после пожара?

— Отстраивают потихоньку, дай бог, к зиме успеют, ты ж проезжал сам видел, эти сволочи все сожгли, ни одного дома целого не оставалось. Хорошо, хоть сервы вовремя в лесу попрятались, без жертв обошлось.

— Эх, где моя беззаботная молодость — вздохнул Емелин, после долгого задумчивого молчания — сидел бы сейчас дома за компом, рубился в «Блицкриг», да пиво попивал. Не поверишь, гитару три месяца в руки не брал, так и стоит у меня в комнате, пылится, иной раз по родным, по дому, тоска такая нападает, выть хочется. Девчонки вон, как дом вспомнят, так глаза на мокром месте.

— Ну, пиво ты и здесь выпить можешь, оно даже лучше будет, без консервантов, а вот насчет гитары это ты зря. Может действительно по вечерам после ужина, поиграешь, а Светка попойет, у нее вроде неплохо получалось раньше. Все хоть какое-то развлечение, а то одичаем скоро здесь.

— Да, кстати насчет комнат, все хочу с тобой посоветоваться, мы с Леной хотим — тут Алексей несколько смутился — как бы сказать то, в общем, чтобы одна комната на двоих

была.

— Ну вы блин даете — улыбнулся Егор — а я то, что могу тебе посоветовать?

— Я не знаю, как к этому местные отнесутся, мол, не венчанные и все такое, ты не думай, мы бы и поженились, но не можем же мы по католическому обряду, а загсов здесь нет.

— Тут ты пожалуй прав, надо что-нибудь придумать.

Так неторопливо беседуя проголодавшиеся и усталые путники добрались до своего замка, серая громада которого постепенно выступала из темноты, наступающей ночи. В ответ на призывные вопли друзей, в бойнице свежего сруба приземистой воротной башни «нарисовалась», чья-то заспанная физиономия:

— Кого бог принес?

— Хозяева приехали, открывай — крикнул в ответ Леха.

— Какие такие хозяева, они все дома спят, не велели ночью никого пускать — важно отвечивал голос сверху.

— Зови коменданта умник, мать твою через коромысло — раздраженно рывкнул Егор, потихоньку начинал моросить мелкий противный дождик и перспектива проторчать на улице всю ночь, совсем его не радовала.

— Эй, Захар, тут кажись, из наших кто то, по матушке лается, коменданта требуют — подал голос караульный.

— Кто тут еще? — в бойнице появилось лицо Захара.

— Конь в тулупе, открывайте быстрее.

— А, Егор Михалыч, узнал, открываю, открываю — двое караульных из новгородцев быстро опустили подъемный мост.

Ребята двинулись по неширокой прямой улочке ведущей к воротам цитадели. Слева темнела глухая стена склада, справа узкими окнами — бойницами, смотрела тыльная стена бревенчатого здания казармы. Здания на посаде строились так, чтобы ограничивать маневр противнику, если ему удастся прорваться через первую линию укреплений. Подъемный мост, через второй ров оказался опущен, караульный Валдис поднял решетку, и копыта зацокали по мощеному камнем двору замка. Егор, чуть не выпал из седла, выматерившись от удивления, когда к нему подбежал Альберт, вытянулся по военному, четко отдал честь и доложил обстановку, под конец отрекомендовался при этом, начальником караула. Растолкав конюха, передав ему лошадей и умывшись с дороги, путешественники прошли в большой зал, где тотчас же были накормлены заботливой Мартой, разбрелись по комнатам и «потеряли сознание».

Первая весточка от Еремы пришла через несколько дней. Ему удалось объединить две довольно крупных группы восставших крестьян. Совместными усилиями своего воинства, насчитывающего теперь без малого сотню человек, получилось разгромить и поголовно вырезать отряд из пятнадцати ландскнехтов, разорявших очередную деревню. Их застали врасплох за сим неблагоприятным занятием. Воодушевленные легкой победой, вожаки мятежных сервов вознамерились дать открытый бой основным силам карателей. Хлопотникову и Арунасу потребовалось приложить поистине титанические усилия, чтобы удержать их от этого опрометчивого шага. Узнав о победе, окрестные мужики из сожженных и разоренных деревень стали толпами стекаться к ним в отряд, который рос как на дрожжах. Управлять этой разномастной ордой, движимой жаждой мести и разрушения становилось все труднее.

Прочитав сообщение, Ляшков задумчиво заметил:

— похоже, вольно или невольно мы заварили серьезную кашу, одного только боюсь, как бы все эти беспорядки не захлестнули наши собственные владения, кровью тогда умоемся.

— Наших сервов никто не трогает, живут спокойно, подати умеренные по здешним меркам платят, последнюю рубашку никто с них не снимает. С чего им бунтовать? — возразил Емелин.

— Душа средневекового крестьянина, для нас потемки — пожал плечами Егор — мятежники могут выйти из под контроля, и заняться грабежом и разорением нашей фогтии. У нас конечно достаточно сил, чтобы разгромить сотню, а то и больше этих вояк, но не хотелось бы в бойню ввязываться.

— Будем надеяться на Хлопотникова, ну и на всякий случай отслеживать передвижения повстанцев через моих людей — заметил Емелин — пойду я виконта еще раз допрошу. Будешь присутствовать?

— Подойду попозже — кивнул Ляшков и вышел на улицу.

Во дворе, весь свободный от караульной службы гарнизон замка, под руководством Корнева занимался строевой подготовкой. Повинуясь резким командам, ратники старательно маршировали по каменной мостовой замкового двора, выполняли различные строевые приемы. Небольшая группка ушкуйников помоложе, беззаботно собравшись в проеме открытых ворот, обмениваясь шуточками и ехидными замечаниями, наблюдали за странными экзерцициями «немцев».

Впервые увидев это зрелище несколько дней назад, Ляшков немало удивился, он совершенно не ожидал обнаружить в своем не служившем друге, повадок заправского строевика. Как выяснилось, выросший без отца, ушедшего из семьи сразу после переезда из Казахстана, Сергей в детстве был изрядным хулиганом, и участковый, даже относил его к категории так называемых «трудных подростков». Наконец однажды, отчаявшись, как — либо справиться с распоясавшимся отпрыском, мать и бабка на каникулы отправили его в местный, военно — патриотический лагерь организованный энтузиастами из числа отставных офицеров десантников. Причем, воспользовавшись помощью того же участкового, четырнадцатилетнего парня загнали туда сразу на три смены, на все лето. Сделав две безуспешные попытки дезертировать, пацан, наконец смирился и отбыл свой срок, что называется от звонка, до звонка. Проведенные в суровой, спартанской обстановке месяцы, и старания наставников, вызвали в Корневе младшем разительные перемены. Он стал серьезней, ответственной относиться к жизни, и учебе, почувствовал себя в правильном смысле этого слова мужчиной и хозяином в доме, и даже поставил перед собой цель стать военным. С тех пор и до окончания школы, каждое лето он проводил в этом лагере, постигая азы военного дела. К великому горю Сереги, в армию его так и не взяли по причине банального плоскостопия, после чего он и поступил в институт. Как, любовь и трепетное отношение ко всему, что было связано с армией, оружием и военной службой, уживалось в нем с добродушной неуклюжестью, и поистине фантастической ленью, оставалось загадкой даже для самого Сергея.

— Яков — окликнул Егор, заметив мелькнувшую за спинами новгородцев крепкую фигуру Саввиного заместителя — твои парням, что заняться нечем, только стоять и зубы скалить?

— И то верно, чего встали, а ну пошли отсель, балаган вам тут, что ли? — гаркнул тот на своих подчиненных.

Разогнав любопытных, Яков подошел к Егору, и поздоровавшись негромко поинтересовался:

— я все спросить хочу Михалыч, а чем это они у тебя занимаются?

— Это брат называется строевая подготовка, а нужна она для того, чтобы из ратника солдата сделать.

— Это как?

— Они учатся действовать сообща, привыкают не раздумывая выполнять приказ командира. Ты вот, свою вольницу можешь так заставить?

— Нее — протянул Яков, почесав затылок — наши так не будут.

— Ну вот, то-то и оно.

— Вот еще, что Егор Михалыч, видал я, как по утрам ты своих ребят драться учишь. Может и меня, в науку возьмешь?

— Да ради бога, приходи сам, и молодцов своих кто захочет, приводи.

— Благодарствую — кивнул новгородец — ну пойду я своих архаровцев делом займу.

Наблюдая, как Корнев с видом заправского сержанта расхаживает по двору, зычным голосом отдавая команды, Егор, в который раз поймал себя на мысли, что совершенно не узнает своих друзей. Так неожиданно свалившиеся на них приключения, невзгоды и пролитая кровь, за три прошедших месяца, кажется, состарили ребят на несколько лет. Они стали жестче, рассудительней, научились самостоятельно принимать решения и выживать. Весельчак и баламут Емелин, когда то не способный ударить человека по лицу, с успехом осваивал оперативную работу, Любительница дискотек и ночных клубов, утонченная и избалованная мужским вниманием Арсеньева не жалея сил, возилась с больными сервами.

Интересно стали бы они заниматься всем этим в той, прошлой жизни? Егор представил себе Светку, работающую медсестрой в больнице, и Леху в роли агента спецслужбы, улыбнулся своим мыслям и направился в темницу, где «Вжик» повторно допрашивал де Савиньи.

ГЛАВА 12

Которая могла бы стать последней...

За чередой повседневных дел и событий незаметно пришла зима. Намерзшая и намокшая, под холодными балтийским ветрами, и долгими, нудными осенними дождями природа уснула, укрывшись чистым и мягким покрывалом, первого снега.

Население Грюненбургского посада значительно выросло. Еще в начале октября вернулся кнарр, доставивший кроме большого количества продовольствия, новую партию переселенцев из Новгорода. Савве и Константину удалось сманить из города еще почти пять десятков оставшихся без работы, стараниями московских воевод, ушкуйников. Вместе с ними к великому удовольствию Ляшкова, со всей семьей и двумя подмастерьями, перебрался кузнец Илларион Титов, тот самый, которому ребята заказывали пищали. Что именно заставило столь степенного и уважаемого мастера, бросить налаженное хозяйство и размеренную жизнь и направится в дальнюю, опасную дорогу и полную неизвестность, пока оставалось не выясненным. Сам Илларион Филиппович на эту тему предпочитал не распространяться, только загадочно усмехался в густую, опаленную бороду. Его жена Настасья, маленькая робкая женщина и сыновья — двое дюжих, хмурых, парней погодков тоже особой разговорчивостью не отличались. А при виде статной, ясноглазой кузнецовой дочки, Сергей, разглядывавший один из привезенных пищальных стволов, вздрогнул и впал в ступор. Восьмикилограммовая граненая железяка вывалилась у него из рук, едва не угодив по ноге, стоявшему рядом Щебенкину. Девушка стрельнула глазами в сторону застывшего с открытым ртом великана, зарделась, тряхнула русой, толщиной в руку, длинной косой, и опустив взгляд побежала догонять родителей.

— Что, хороша девка — подмигнул, подошедший Савва.

— Девка, как девка — буркнул смутившийся Корнев.

— Ну не скажи, такую кралю еще поискать надо — не унимался Черный — пока сюда шли многие парни клинья к ней подбивали, и так подкатывали и эдак. Только уж больно у батюшки ее рука тяжелая, да и сама строга, не подступишься.

Тем временем, на берег сошел средних лет человек одетый в когда то богатый, а ныне изрядно потрепанный кафтан и колпак с опушкой из лисьего меха, на расшитом поясе в простых ножнах висела кривая татарская сабля. Следом за ним двое вооруженных челядинцев волокли тяжелый сундук. Пригладив пальцем, густые пшеничные усы и аккуратно стриженную бородку незнакомец с любопытством огляделся, подошел к стоящему на пристани Ляшкову, коротко с достоинством поклонился и представился новгородским дворянином Теглевым Евфстафием Юрьевичем

— С чем пожаловал в наши края Евфстафий Юрьевич? — поинтересовался Егор.

— Да вот узнать хочу, не сгодится ли грюненбургскому фогту в дальнем походе лишняя сабля, да и холопы мои тоже делу воинскому изрядно обучены.

— Хорошие воины нам не помешают, а про поход, откуда узнал, коли не секрет?

— Да, какие секреты — махнул рукой Теглев — от Важенова узнал. Тимофей — знакомец мой старый, он и присоветовал сюда отправляться.

— Ну, если старшинство мое и товарищей моих признаешь, и готов вместе, рука об руку с любыми врагами биться, то добро пожаловать, в замке тебе покои выделим.

Дворянин кивнул головой и направился к цитадели.

— А, что Игнатич — обратился Егор к атаману, может, и ты в замок переберешься?

— Нет, я уж лучше со своими ребятами.

— Ну, смотри, как хочешь, там еще одну казарму срубили, размещай в ней вновьприбывших, попарьтесь в баньке с дороги, да приходите с Афоней в большой зал, расскажем о делах наших скорбных.

Появление Теглева в замке насторожило Егора и вызвало у него необъяснимое чувство беспокойства. Однако хорошенько поразмыслив и не найдя для тревоги никаких оснований, Ляшков решил не придавать этому особого значения, но на всякий случай поручил Емелину понаблюдать за новым членом команды.

Надо ли говорить, что последующие дни Ляшков проводил в посадской кузнице, которую занял Илларион. Там, привезенные пищальные стволы прикреплялись железными скобами к выточенным заранее ложам. Новые колесцовые замки, крепления для шомпола и ремней, после объяснения их необходимости вызвали полное одобрение старого мастера. Работа шла быстро, и к концу месяца, оружие было готово, дело оставалось за малым, найти того, кто им будет пользоваться.

Обязанность по созданию регулярной армии была возложена на Сергея. Для этой цели в деревнях и на хуторах, было отобрано четыре десятка молодых парней в возрасте от шестнадцати до девятнадцати лет. Из них были сформированы три стрелковых отделения и отделение арбалетчиков. За каждым десятком был закреплен фельдфебель из числа бывших ландскнехтов, которые сейчас гоняли рекрутов до потери пульса, обучая их строевой подготовке, и владению холодным оружием. Большое внимание Корнев уделял физической подготовке новобранцев, помимо подтягиваний, отжиманий и поднятия тяжестей, в систему их подготовки входили регулярные марш — броски с полной выкладкой.

Снаряжение каждого будущего солдата составляли: кираса, шлем (шишак, шапель или морион), короткий меч или более тяжелый палаш в зависимости от физических способностей новобранца, и холщовый мешок «сидор», для личных вещей. Кроме того, каждому стрелку полагались перевязь с 12 патронами, деревянная пороховница, кожаный подсумок для мерного стаканчика, пуль и пыжей.

Между Серегой и Егором разгорелся спор. Первый настаивал на том, чтобы вооружить стрелков бердышами, на манер стрелецких, поскольку стрелять без упора из тяжелых пищалей было невозможно. Второй был против дополнительного утяжеления и без того громоздкого, увесистого снаряжения, и предлагал ввести легкие сошки. Данное предложение его оппонентом подвергалось критике за полную непрактичность. В рукопашной, они могли стать только помехой, для бойца. В конце концов, мнение Сергея одержало верх, и обоим кузнецам был сделан заказ на три десятка бердышей.

Постоянно занятый обучением новобранцев на тренировочной площадке, Корнев, тем не менее, с завидной регулярностью находил благовидную причину для посещения кузницы. Это вызывало беззлобное подтрунивание и добродушные насмешки со стороны товарищей.

Все это время Алексей продолжал работать с пленником, в конце концов, допросы виконта принесли некоторую пользу. Хотя собственноручно писать доклад своему сюзерену он поначалу, наотрез отказался, кое какие сведения вытрясти из него все-таки удалось.

Под давлением обстоятельств, этот почтенный господин выложил все, что знал о составе и численности войск в гарнизонах, кое какие соображения о личности самого комтура и ряда других рыцарей и фогтов. На десерт он преподнес схемы укреплений трех замков, в которых бывал. И только выдав все это, и поняв, что рассказал слишком много, и

обратной дороги нет, де Савиньи все-таки дал согласие на полное и безоговорочное сотрудничество.

Эту информацию Алексей и Егор решили пока никому не раскрывать, результаты допросов содержались в строгом секрете. Все важные документы хранились в ларце, под замком в комнате «Вжика».

События между тем развивались своим чередом. Пик крестьянских волнений, в соседних владениях пришелся на октябрь — ноябрь месяцы. Возглавляемые Арунасом мятежники перехватывали обозы с награбленным в деревнях добром и гонцов одиночек, жгли и разоряли имения рыцарей. Они устраивали засады на небольшие отряды крестоносцев, и нанеся урон, скрывались в лесу, не дожидаясь когда те соберутся дать отпор. В конце октября, бунтовщики, неизвестно каким чудом захватили и сожгли замок Альтене.

Комтур Герман фон Бригеней понял, что положение очень серьезное и решил лично возглавить карательную экспедицию, мобилизовав всех своих вассалов. Он не знал, что этим успехом мятежники обязаны, прежде всего, агентуре Емелина. Один из слуг, под давлением серьезного компромата, предание которого гласности могло стоить ему жизни, согласился на сотрудничество и указал, где находится подземный ход, ведущий в подвал замка. Проникшие ночью в крепость люди Клауса вырезали караульных и открыли ворота. Когда яростно орущая толпа ворвалась внутрь укреплений, сопротивляться было уже поздно.

В середине ноября, в конец обнаглевшие повстанцы, совершили ночную атаку на лагерь основных сил карателей. Комтур, оказался, что называется, «на высоте» и сумел организовать отпор, несмотря на внезапность нападения. Полуодетый, с мечом в руках, он метался среди пылающих шатров, мелькающих теней, лязга оружия и криков умирающих людей. Наконец опытному вояке удалось сплотить вокруг себя рыцарей и наиболее боеспособных кнехтов, а затем, контратаковать налетчиков. Не выдержав удара, те отступили, бросив убитых и часть раненых. Утром, осмотрев разоренный и заваленный трупами лагерь, фон Бригеней пришел в ужас, ночной бой стоил ему почти трети войска. Потери мятежников также были очень велики. Но самым страшным известием оказался доклад о пропаже во время сражения почти всех лошадей. Воевать пешком господа крестоносцы не могли.

Показания допрошенных с пристрастием пленных заставили задуматься. Он и раньше предполагал, что за спиной бунтовщиков, стоит какая то более серьезная сила. Сообщения о том, что в мятеже замешаны литовцы, только укрепило эти подозрения. Решив, что сам не справится, фон Бригеней направил гонцов с сообщением о беспорядках, и просьбами о помощи к ландмейстеру ордена Вальтеру фон Плеттенбергу, а сам счел нужным отступить. Единственной отрадной вестью было письмо от де Савиньи, в котором сообщалось, что замок Грюненбург находится в надежных руках, а сама территория фогтии является островком спокойствия и лояльности в бушующем море взбунтовавшейся черни. Два гонца, направленных туда с приказом собрать воинов и двинутся на соединение с главными силами, бесследно пропали. Как и предполагалось оба они были перехвачены повстанцами.

Комтур, не знал только одного, оба письма все-таки попали в руки обитателей Грюненбурга. Ерема исправно переправлял туда всю захваченную переписку, которую Ляшков и Емелин использовали для планирования дальнейших операций, и отслеживания обстановки.

Таким образом, еще практически весь декабрь и январь, окрестности находились фактически под контролем мятежников, активных действий ни одна из сторон не

предпринимала. Противники ограничивались редкими стычками.

Сказать, что ландмейстер был недоволен ситуацией, это значит, ничего не сказать. Фон Плеттенберг был в ярости. Подумать только, тот самый фон Бригеней, которого он прочил в свои заместители, а возможно даже в преемники, оказался неспособен, самостоятельно навести порядок, на вверенной ему территории! Комтур, имеющий в подчинении столько доблестных рыцарей и отважных кнехтов, просит у него помощи! Для чего? Чтобы разогнать толпу взбесившихся сервов?!

Неудовольствие вызвало и поведение Великого Князя Литовского. Не то, чтобы фон Плеттенберг слишком доверял своему союзнику. Слишком много спорных вопросов в отношениях Ордена и Литвы. Слишком часто они враждовали друг с другом раньше, и без всякого сомнения будут еще воевать впредь. Да и сами братья рыцари не считали себя обязанными блюсти клятвы дружбы и верности, данные язычникам и варварам, пусть даже считающих себя христианами, и на время ставших союзниками Ордена. Но одно дело, если эти клятвы нарушают они сами, руководствуясь священными целями принести истинную веру и цивилизацию в эти дикие края. Совершенно другое, когда грязные дикари затевают свои дьявольские игры за спиной воинов христовых, на их благородном пути за славой и богатством.

Между великим магистром и литовским князем Александром, завязалась оживленная переписка. Первый гневно обвинял и обличал своего союзника в предательстве и требовал немедленного прекращения, оказания какой либо помощи мятежникам. Второй, упорно отрицал и опровергал все обвинения в свой адрес. В результате Александр, дабы доказать свою непричастность к восстанию даже предложил военную помощь для его подавления. В ответ фон Плеттенберг гордо заявил, что у ордена еще достаточно могущества, чтобы своими силами разогнать горстку взбунтовавшейся черни. Фон Бригеней в свою очередь получил суровую отповедь и ультимативное требование в кратчайшие сроки своими силами утихомирить разбушевавшихся подданных.

Неизвестно, эти ли события, или другие обстоятельства послужили тому причиной, но факт остается фактом. Литва продолжала воевать с Московским князем в одиночку. Орден этой зимой в войну так и не вступил.

Пока вокруг кипели страсти, жизнь грюненбургской фогтии текла плавно и размеренно, отпраздновав рождественские праздники, ее обитатели потихоньку готовились к отъезду. Егор вместе с Фридрихом мотался по своим владениям, агитируя крестьян, переселяться на новые земли, как водится, обещая «молочные реки и кисельные берега». Сервы внимательно слушали пылкие речи своего господина, удивленно качали головами или восхищенно ахали в нужных местах, но на этом дело и заканчивалось. Желających бросить хозяйство, навсегда покинуть землю предков, и начинать все заново было очень немного. Можно было конечно организовать насильственное переселение, но с этим решили не торопиться, опасаясь, что селяне просто разбегутся.

Однажды вечером между Егором и начальником службы безопасности состоялся конфиденциальный разговор.

— Не нравится мне этот тип, дворянин новгородский — заявил Емелин — ходит везде вынюхивает, так и норовит нос свой всюду сунуть.

— У тебя конкретные основания есть, в чем-то его подозревать?

— Конкретных, пока нет, только, что то он заинтересовался де Савиньи. Спрашивал у слуг и караульных, кто в подвале сидит, за что сидит? Справлялся невзначай о наших

отношениями с орденом. Не знаю, может у меня паранойя, но по-моему, кто-то пытался вскрыть замок в моей комнате.

— Может просто любопытство? Ты же сам понимаешь, мы товарищи подозрительные, не пойми кто, откуда. Вроде и русские, а вроде и нет. Тут любой заинтересуется. Савва вон тоже поначалу все расспрашивал. А насчет замка, точно уверен?

— Ну не знаю я — пожал плечами «Вжик» — а только все равно вызывает он у меня беспокойство.

— А давай проверочку устроим.

— Интересно, каким образом?

— Завтра ты при всех подойдешь ко мне с докладом о том, что при допросе виконта получена очень важная информация, касающаяся деятельности ордена. Я сошлюсь на занятость и скажу, чтобы ты убрал документы в свой ларчик, мол завтра посмотрю. Потом мы оба по «важному делу» сваливаем из замка, а в твоей комнате оставляем засаду. Как только мышеловка захлопывается, нам дают условный сигнал и все, примитивно и эффективно. Конечно, Джеймса Бонда таким способом не поймать, но для здешних доморощенных шпионов, я думаю, сойдет.

На следующий день, как и договаривались, парни запустили «дезу» а сами спешно собравшись, покинули замок. За высоконаучной, теологической беседой в гостеприимной келье отца Бонифатия незаметно пролетели три, а может быть и четыре (кто их считал) часа. Когда собеседники, прикончив пару жирных цыплят и кувшин вина, уже подумывали, кого бы послать за вторым сосудом, со стороны цитадели раздался вой сигнального горна, оповестившего о том, что мышеловка хлопнула.

Резво собравшись, наши герои бросились в замок. У ворот их встретил радостно возбужденный Корнев с фингалом под глазом, и размахивая руками, сбивчиво принялся рассказывать:

— поймали! Вы уехали, а Костя с Валдисом в комнате засели. А он холопа возле дверей оставил, здоровый черт, насилиу втроем с Яшей и Саввой скрутили его.

— Ты помедленней говори, а то не понять ничего.

Как выяснилось, после отъезда ребят, Теглев пробрался в комнату Алексея, где и был схвачен, что называется с поличным засевшими там Костей и Валдисом. Захват был произведен так быстро и внезапно, что он даже не успел ничего предпринять.

Сложнее получилось с холопом, которого новгородец оставил у дверей «на стреме». Здоровенного парня, пытались скрутить вдвоем Яков и Сергей, однако он оказал ожесточенное сопротивление. Если бы, не подоспевший вовремя Савва, с ним долго пришлось бы повозиться. А синяк Корнев заработал, как ни странно от Якова, который в пылу борьбы, случайно зацепил локтем физиономию коменданта.

Ляшков и Емелин прошли в малый зал, туда же Костя и Сергей притащили задержанного. Развязав ему руки и предложив сесть на лавку, Егор некоторое время пристально разглядывал Теглева, а потом спросил:

— на кого работаем Евфстафий Юрьевич?

Новгородец молча посмотрел на него и отвернулся.

— Ладно, можешь не отвечать, я и сам знаю, вот только который из двоих новгородских наместников. Наверняка Стрига — Оболенский.

— Так вы давно все знали- неожиданно, хриплым голосом произнес задержанный — зачем же тогда весь этот балаган.

— Расслабься господин Теглев, мы на тебя обиды не держим, не враги мы государю московскому, русские все-таки. А чтобы ты в этом убедился все грамотки, ради которых ты так старался, тебе отдадим, с тем, чтобы ты их воеводам княжеским передал.

— Валдис — окликнул Егор, и когда ратник вошел в зал, распорядился — отведи господина в его покои и погляди, чтобы глупостей не наделал

— А кто документы составлял, Леха? — поинтересовался Корнев, когда разоблаченного шпиона увели.

— Ну да.

— Тогда дохлый номер, не прочитают их ни Евфстафий, ни воеводы.

— Это почему еще, у меня почерк разборчивый — вскинулся Емелин.

— Почерк то может у тебя и разборчивый, только вот алфавиты разные — ухмыльнулся Сергей.

— Вот блин, точно — хлопнул себя по лбу «Вжик».

— Ничего страшного — успокоил его Корнев — ты продиктуешь, а он своей рукой перепишет.

— Э, я не понял — возмутился вдруг Щебенкин — этот хрен, обманом к нам проник, шпионил, собирался выкрасть секретные документы, а вы его просто так отпускаете еще и бумаги ему отдаете?

— А для кого, по-твоему, мы всю эту информацию собирали? — остудил его пыл, Егор.

— Слушай, Леший, а как ты определил на кого он работает?

— Это элементарно Ватсон. Заслать его могли только ливонцы, либо новгородский наместник, все остальные про нас ничего не знают. Ливонцев я отмел сразу, слишком сложная схема, если бы захотели, могли сделать проще. Есть масса возможностей. Но, они уверены, что итак держат замок под контролем, значит, нет необходимости направлять агента, да еще таким хитрым путем. Мы засветились в Новгороде, развили там нездоровую суету, куда-то сманиваем людей. Глупо было бы ожидать, что нами не заинтересуются тамошние власти. Выйти на нас они могли только через Важенова, да Теглев и сам это сказал. Торговую часть города «курирует» воевода Иван Васильевич Стрига — Оболенский, кто, как не он будет засылать шпиона?

— Да, действительно просто — согласился Емелин — что дальше то с этим лазутчиком делать будем.

— А ничего. Если захочет, с собой заберем. Навредить он нам ничем не сможет, а так глядишь, может и пригодится чем.

Как выяснилось позже, пришельцы недооценили своего противника. Воспользовавшись затишьем двух первых зимних месяцев, фон Бригеней, поставленный своим «начальством» в жесткие временные рамки разработал хитроумную операцию. В середине февраля разведчики повстанцев донесли о появлении на своей территории крупного обоза противника, охраняемого отрядом из полусотни кнехтов и одного рыцаря. Вожаки мятежных сервов, приняли решение атаковать врага всеми силами. Численность их войска составляла к тому времени почти шесть сотен человек, поэтому бунтовщики надеялись на легкую победу. На лесном перекрестке разыгралась драма в двух актах. Под пологами саней оказалось спрятано еще шестьдесят воинов. Внезапно увеличившийся таким образом вдвое, отряд крестоносцев надолго сковал нападавших. Разгоряченные боем, и уверенные в своем численном превосходстве повстанцы не выполнили приказ Арунаса о немедленном отступлении и жестоко поплатились за это. В самый разгар сражения в спину им ударила

подоспевшая, рыцарская конница, под командованием самого комтура. Битва переросла в резню. Едва ли половине инстругентов удалось уйти, рассыпавшись на мелкие группы. Впоследствии, удалось собрать всего около семидесяти бойцов, в основном из тех, кто потерял во время восстания своих близких и ни о чем, кроме мести больше не помышлял. До конца февраля отряд этих отчаянных сорвиголов, огрызаясь засадами и короткими стычками, теряя людей, петлял по лесам, как волки уходящие от загонщиков. Долго однако, так продолжаться не могло, и выполняя приказ Ляшкова остатки партизан в начале марта, отступили к Грюненбургу.

К десятым числам марта, все уже было готово к отплытию, припасы заготовлены и сложены в подвалах и заранее построенных складах. Решившиеся отправиться в дальний путь люди перебрались поближе к замку. Вокруг него был разбит самый настоящий табор, ждали только прихода ганзейских судов. Четыре дня назад приходила ладья Важенова. Купец, как и договаривались, привез шесть семей мастеров: кожевников, каменщика, плотника — корабельщика, гончара и шорника, пожелавших уехать из Новгорода. Кроме того с ними приехал и православный священник, личность во многих отношениях примечательная. Обратно, Важенов увез добытые пришельцами документы, предназначенные для передачи московским воеводам.

Наконец однажды, хмурым весенним утром, на горизонте показались долгожданные паруса. Когги вошли в бухту, началась погрузка. Стараясь везде успеть, ничего не забыть, падая от усталости, парни метались по берегу между суесящимися людьми, беспорядочно наваленными грузами, и плачущими перепуганными детьми.

Как гром среди ясного неба прозвучало сообщение о том, что фон Бригеней собрал все свои силы и двигается к Грюненбургу. Допросив пленных, комтур пришел к выводу, что территория фогтии захвачена, то ли русскими, то ли литовцами, а его самого уже полгода успешно водят за нос. Ярости его не было предела.

Получив это сообщение, Егор понял, все надежды на мирный и бескровный исход рухнули в одночасье. Крестоносцев надо было остановить, во что бы то ни стало. Ляшков поймал за рукав пробежавшего мимо Корнева.

— Серый, остаешься за старшего. Я сейчас соберу людей, выдвинусь навстречу комтуру, и постараюсь насколько могу его задержать. Загрузитесь, подождете нас до утра, и если не появимся, уходите.

— Так не пойдет, я с тобой, сейчас же поднимаю своих стрелков.

— Со своими ребятами будешь держать оборону здесь, на бастионах — жестко приказал Егор — если я их не остановлю, это сделаешь ты. Не понимаешь? В открытом бою твоих пацанов махом положат, они только стрелять более или менее научились, а в рукопашной не потянут. Все, разговор окончен.

Корнев плюнул, выругался, затем обнял друга и крепко пожал ему руку:

— удачи тебе.

Через несколько часов, Ляшков уже внимательно изучал позицию, которую занимал небольшой отряд добровольцев. Слева топкое болото, покрытое тоненьким, хрупким весенним ледком, справа глубокий разлом оврага, обойти не должны. Два десятка людей Арунаса и тридцать новгородцев валили деревья, устраивая засеку. По предложению командовавшего ватажниками Саввы, перед баррикадой вбивались острые колья. За завалом упрямый голландец, несмотря ни на какие увещания и требования, настоявший на своем участии в будущей драке, суетился возле своей любимой «игрушки». Ругаясь на забавной

смеси немецкого и русского языков, он проверял наводку и расчищал сектор обстрела. Еще одним таким упрямым, оказался Валдис. Парень наотрез отказался покинуть своего господина, и неотлучно находившийся возле Ляшкова в качестве ординарца и телохранителя.

Оборонительный рубеж был уже оборудован, когда прибежавшие разведчики доложили о появлении неприятеля. Егор, отдал команду, готовится к бою, еще раз окинул взглядом позицию и напряженно замерших на своих местах бойцов. Что ими движет? Ведь прекрасно понимают, что практически все они смертники. У фон Бригеня почти шестикратное превосходство в силах. Остановить его вряд ли удастся, только бы задержать, дать людям возможность уйти.

Стоявший рядом Черный, осенил себя крестом:

— ну, с Богом, я пошел к своим.

— Удачи — кивнул Егор, искоса посмотрев в спину уходящему атаману, неумело перекрестился, подхватил аркебузу и направился к завалу.

Приманивая поудобней ствол своего громоздкого оружия на поваленное дерево, он с интересом рассматривал двоих всадников. Те в свою очередь, привстав на стременах разглядывали баррикаду, пытаясь оценить численность противника. Ляшков прикинул расстояние, метров триста, пожалуй не достать.

— Не стрелять — не оборачиваясь, тихо сказал Егор, зная, что его команда будет немедленно передана по цепочке.

Немного погарцевав перед укреплением, разведчики развернулись и умчались назад.

«Гости» пожаловали минут через двадцать. Из за поворота хлынула густая толпа кнехтов, возглавляемая высоким рыцарем в топхельме и белом плаще с вышитыми на груди алым мечом и крестом. Прикрывшись щитом, крестоносец медленно шел к засеке следом сплошной массой валили пикинеры и арбалетчики, тускло поблескивая железом шлемов и кирас. Над головами обороняющихся, засвистели арбалетные болты. один из них воткнулся в дерево рядом с плечом Егора. Из за баррикады начали отвечать лучники новгородцев и арбалетчики Арунаса, находя первые жертвы в плотных рядах врагов. Ляшков смотрел на неотвратимо надвигающуюся фигуру рыцаря. Вот звякнув, бессильно отскочила от нагрудника стрела, ударил в щит и застрял, пробив его насквозь, арбалетный болт. Но белая железная башня, даже не покачнувшись, продолжает свое движение.

— Что твой танк — мелькнула в голове шальная мысль — ну сейчас ты у меня получишь.

Вот до баррикады остается пятьдесят шагов, тридцать, двадцать. Крестоносец глухо взревел и, взмахнул солидных размеров секирой, подбадривая свое воинство. Раздался одиночный выстрел, тяжелая свинцовая пуля попала точно в шлем, сминая и разрывая его металл. Следом рывкнула бомбарда, обрушивая на оставшихся без командира кнехтов, железный ливень.

— Привет от Андерса — злорадно проворчал Егор, силясь сквозь плотное облако порохового дыма разглядеть, что делается впереди, и старательно прочищая ствол аркебузы.

Когда дым рассеялся, стало ясно, что первую атаку они отбили. Перед завалом осталось десятка два неподвижных тел, да несколько стонущих, пытающихся отползти к своим, раненых.

Ляшков закатил в ствол новую пулю, забил шомполом пыж, и стал ждать. Примерно через полчаса на баррикаду бросилась вторая волна атакующих. Снова повторился свист стрел, звуки их тупых ударов в древесную и человеческую плоть. На этот раз картечь не

остановила, а лишь ненадолго задержала врага. Прокатившись по трупам своих товарищей, лавина захлестнула засеку. Завязалась кровавая и беспощадная рукопашная схватка.

Разрядив аркебузу в упор, в грудь кнехта с топором, пытавшегося прорубиться через завал, Егор выхватил меч, отводя направленный на него наконечник пики. В следующий момент рядом раздался свист рассекаемого воздуха, и Валдисова совня лишила бедолагу пикинера головы. Дальнейшее помнилось плохо, со всех сторон крики, стоны, лязг железа. Сплошная череда наносимых и получаемых ударов. Голова гудит от пропущенного по шлему удара, со звоном разлетались кольца разрушаемого панциря. Клинок с грохотом ударяет по металлу доспеха и легко рассекает незащищенное человеческое тело. В какой то момент наступает тишина и становится ясно, что все закончилось.

Ляшков устало опустился на землю, покачиваясь к нему подошел Савва, присел рядом:

— тяжело пришлось.

— Да, нелегко, потери большие?

— Пока не знаю, но должно быть большие. Яша! Захара или Якова никто не видел?

— Нету больше Якова — тихо ответил подошедший, тяжело опирающийся на трофейный протазан Ерема — и Захара нету, вон там под деревом оба лежат, Арунас ранен тяжело. Человек двадцать наших осталось, и те почитай половина пораненные.

— Не убереглись значит — опустил голову Черный — каких ребят положили.

— Еще одна такая атака и все, живых никого не останется — покачал головой Ляшков — нам бы еще пару часиков придержать их, а там до темноты они до замка дойти не успеют. Ночью, не пойдут, утра ждать будут.

— А к утру, наши погрузку закончат и поминай как звали — подхватил мысль атаман — так, что, выходит не зря здесь помирать будем.

— Выходит не зря — кивнул Егор.

Передышка длилась почти час, все это время комтур лихорадочно пытался найти обходные пути. Десяток кнехтов рискнули нащупать путь через болото, тонкий мартовский ледок не выдержал, двоих вытащить так и не успели. Попытки переправиться через овраг, также успехом не увенчались. Только убедившись, что иного выхода нет, фон Бригней бросил своих людей в третий раз на решительный штурм зловредного укрепления.

ГЛАВА 13

В которой, сначала все вокруг ходит ходуном, а потом становится на свои места...

Открыв глаза, Егор долго пытался понять, где он находится. Деревянные стены и потолок бешено раскачиваются, буквально ходят ходуном. Маленькое полутемное помещение с трудом озаряется тусклым светом медной масляной лампы, болтающейся на цепях под низким потолком. Доски жалобно стонут и скрипят под тяжелыми ударами раздающимися снаружи. Ощущение такое, как будто находишься внутри деревянного ящика, который кто-то тащит по ухабистой дороге, пиная при этом гигантскими башмаками.

Тугая повязка стягивает голову. Еще одна туго сжимает грудь. Ляшков с трудом приподнялся и попытался осмотреться. В углу, прижавшись спиной к переборке, сидит человек. Неяркий свет раскачивающейся лампы освещает лицо. Это Валдис. Верный телохранитель мирно храпит, не обращая внимания на шум и болтанку.

Попытка пошевелиться, отнимает весь и без того небольшой запас сил, и парень откидывается на лежанку, обтянутую чистой холстиной. Постепенно приходят воспоминания. Засека. Безумная в своей безнадежности попытка горстки израненных, перемазанных своей и чужой кровью бойцов, остановить живой вал врагов. Они дерутся с отчаянием обреченных, понимая, что пути назад нет и помощи ждать неоткуда. Картечь в очередной раз проделывает просеку в густой толпе атакующих, но не может их задержать. Разряженная аркебуза разлетелась на куски, когда Егор треснул ей как дубиной по голове рыцаря, пытающегося перелезть через баррикаду. Появившемуся следом кнехту, рубанул мечом по ногам. Силы не равны, и вот, приходится драться сразу с тремя противниками. Сильный толчок в бок, и одежда становится горячей и липкой от крови. Падает один из нападающих, удар клинка раскроил ему череп. Потом наступает темнота.

Ляшков прислушался к окружающим его звукам. Грохот снаружи и качка становятся, как будто тише. Из за переборки слышен плач младенца и женский голос негромко напевающий, что то на лэттском языке. Ребенок умолкает, и парень тоже проваливается в сон, больше похожий на беспамятство...

— О, очухался, Валдис беги за доктором — над Егором склоняется, озабоченная физиономия Корнева — как себя чувствуешь, дружище?

— Приемлемо. Где мы?

— На корабле.

— Как я сюда попал? Где остальные? Еще кто-нибудь живой остался?

— Остался, остался, потом, все расскажу — лицо Сергея слегка мрачнеет — лежи не болтай много, а то меня твоя Танька точно прикончит. Она тут как тигра зверствует, никого к тебе не пускает.

— А ну Корнев кыш отсюда, чего столпился, я тебе покажу тигру. Оболью зеленкой, будешь у меня леопардом — прохладная рука легла на лоб, большие глаза смотрят с радостью и тревогой, пряди светлых волос приятно щекочат лицо.

— Проснулся вояка? Как самочувствие?

— Нормально.

— Нормально — ворчливо передразнила его девушка — еще раз полезешь геройствовать, без моего ведома, я тебя сама прибью.

— Что сильно мне досталось?

— Сильно. Поменьше разговаривай и двигайся у тебя сотрясение мозга, нужен полный покой.

— Для сотрясения нужен мозг — улыбнулся Егор.

Таня молчком показала ему кулак и вышла, наказав Валдису никого не пускать и не беспокоить господина разговорами. Приказание было выполнено с поразительной точностью. Ратник сел у входа, и всем своим видом продемонстрировал, что проникнуть сюда теперь можно только через его труп. На все вопросы и попытки заговорить, парень только молча мотал головой и делал страшные глаза, показывая на дверь. Поняв, что это мероприятие безнадежно, Ляшков мысленно плюнул с досады и снова уснул.

Прошло несколько дней, силы постепенно возвращались. Непреклонная до сих пор Татьяна, наконец, разрешила короткие прогулки по палубе. Во время первой же встречи Сергей рассказал, каким образом закончился бой.

Пометавшись некоторое время, после ухода Егорова отряда, Корнев все-таки решил послушаться приказа. Он поднял по тревоге своих стрелков, взял с собой еще три десятка остававшихся в замке ушкуйников, и двинулся следом. Дабы с ним не увязались Щебенкин и Емелин, парню пришлось пойти на хитрость. По его приказу слуги заманили приятелей в одну из замковых комнат и заперли там, выпустив только через три часа, когда догонять было уже поздно. Разъяренный Константин едва не переломал несчастному Петеру все ребра. Бедолагу спасли только вовремя вмешавшиеся Фридрих и Афанасий. Они кое как убедили ребят, что ключник всего лишь выполнял приказ.

Так или иначе, но помощь успела вовремя. На ногах оставалось всего трое защитников засеки. Окруженные скопищем врагов, новгородский атаман, голландский моряк и ляшковский телохранитель, став спина к спине, собирались дорого продать свои жизни. Фон Бригеней уже было праздновал доставшуюся огромными потерями победу. Внезапно раздавшиеся один за другим три дружных пищальных залпа буквально смели крестоносцев с укрепления. Вымуштрованные Корневские рекруты работали четко и слажено, как на учениях. Первое отделение, засыпав противника градом жребия, тут же уступало место второму. Следом в дело вступал третий десяток. Последовавшая затем стремительная и яростная атака, окончательно обратила в бегство и без того изрядно поредевшее и измотанное комтурово воинство. Их никто не преследовал. Собрав своих раненых товарищей, и трофейное оружие, наскоро похоронив погибших, Сергей ускоренным маршем увел своих людей обратно к Грюненбургу.

Раненых оказалось немного, всего человек двенадцать, среди них были Арунас, Хлопотников и Ляшков. До кораблей добрались без приключений. Погрузка к тому времени была уже закончена и до самого отплытия противник, получивший хорошую взбучку, в поле зрения так и не появился. Только гораздо позже, подойдя к замку, крестоносцы увидели лишь пустующие деревни, сожженный посад, и тающие в морской дали, белые крылья парусов. В подвале был обнаружен скучающий в гордом одиночестве де Савиньи.

Дальнейшее плавание проходило достаточно спокойно. Тяжело груженные когги, счастливо миновали контролируемый датчанами пролив Кагеррак, и достигли промежуточной точки маршрута, ганзейского порта Гамбурга.

Согласно договоренности с Кутелем и его компаньонами, в гамбургском порту ожидал еще один корабль, трюмы которого были загружены продовольствием и товарами необходимыми переселенцам.

Воспользовавшись стоянкой, пошедший на поправку Ляшков попросил Емелина и Корнева составить полный список всех будущих колонистов. Оказалось, что таковой уже давно подготовлен «Вжиком» окончательно вошедшим в роль начальника службы безопасности.

Сей опус, содержал в себе поименный перечень четырех десятков семей грюненбургских сервов. Туда же вошли семь новгородских мастеров, с чадами и домочадцами, четыре десятка ушкуйников среди которых насчитывалось пятнадцать семейных, и полторы дюжины уцелевших бывших повстанцев. Кроме того, там были указаны сорок пять солдат и унтер-офицеров Корневской роты, четверо выживших канониров Андерса, Теглев со своими холопами, а также слуги. Общая численность переселенцев составила вместе с пришельцами 380 человек. До Гамбурга довести такое количество народа на четырех коггах с горем пополам еще было возможно. Однако о том, чтобы проделать путь через Атлантику на перегруженных судах не могло быть и речи.

На состоявшемся совете было принято решение все имеющиеся в наличие деньги потратить на покупку еще одного корабля, навигационных приборов и географических карт. С этой целью Щебенкин вместе с Андерсом и Афанасием оббегали весь порт в поисках подходящей посудины. В очередной раз выручил Ганс Кугель. Он дал адрес владельца выдавшей виды, но еще достаточно крепкой каракки, разорившегося, и изрядно залезшего в долги. Замораживание торговых отношений с Русью, на которой строилось благосостояние Ганзы, привело к серьезному экономическому упадку торгового союза. Путешественникам удалось сравнительно легко сторговаться с купцом, стремившимся быстрее избавиться от ставшего обузой судна.

Через час трое покупателей с интересом изучали свое будущее приобретение. Корабль длинной почти тридцать шесть метров и водоизмещением около пятисот пятидесяти тонн имел романтическое название «Северная звезда». Каракка фламандской постройки имела высокую кормовую надстройку и приподнятый бак и несла три мачты: в середине грот-мачту, в носу фок-мачту, с большим реем и прямыми парусами, состоящим из двух половин и именовавшимися соответственно гротом и фоком, и дополнительными марселями. На корме располагалась бизань-мачта с косым латинским парусом, и на баке бушприт. Борта были закруглены и загибались внутрь, что затрудняло abordаж судна. Вооружение ее составляли 16 бомбард и кулеврин различных калибров.

С набором команды особых проблем также не возникло, в портовых тавернах хватало безработных моряков. В одном из подобных заведений был найден некий Ганс Шнитке, которого купцы-компаньоны рекомендовали как весьма опытного судоводителя. Охотно согласившись пойти на службу за довольно умеренную плату, старый морской волк взял на себя также и комплектование экипажа.

Ночь уже вступала в свои права, когда усталые путники, возвращались по узким, темным, и к слову сказать, жутко вонючим улочкам древнего Гамбурга, к своим кораблям. Ночная тишина, нарушалась криками пьяниц в окрестных кабаках. Редкие запоздавшие прохожие передвигались почти бегом, стараясь быстро проскочить беспокойный район. Один раз навстречу неторопливо протопал патруль городской стражи. Блюстители порядка подозрительно осмотрели наших героев, и не узрев в них ничего предосудительного, или попросту решив не связываться, двинулись дальше. Прошло минут десять, как впереди, в переулке раздался истошный вопль. Кто-то пронзительным голосом, полным страха и отчаяния взывал о помощи. То, что рядом грабят или вовсе убивают, поняли даже

совершенно не владеющие языком Костя и Афанасий. Не сговариваясь, путешественники бросились на шум. В конце переулка, у стены стояла группа людей, причем даже не искушенному наблюдателю было очевидно, что трое из них самым бесцеремонным образом, присваивают себе имущество четвертого. Именно этот четвертый и был источником жалобных криков, привлечших внимание путников.

Заслышав шаги за спиной, грабители бросили слабо трепыхающуюся жертву и обернулись к новым противникам. В руках двоих были только короткие дубинки, зато третий был вооружен длинным и широким кинжалом. Дальнейшая драка превратилась в три коротких поединка. Крупный зверовидный мужик, подняв дубину, бросился на щуплого Афоню. Звякнув цепочкой, из широкого рукава новгородца выпала гирица кистеня. Быстрый взмах рукой, и не ожидавший такого поворота событий разбойник, падает с разможенным черепом. Главарь, вооруженный кинжалом, нашел достойного соперника в лице голландца, в силу своего рода занятий, оказавшегося знатоком «благородного искусства» уличной поножовщины. Презрительно усмехнувшись, и высказав, что-то нелестное в адрес родственников и сексуальных предпочтений оппонента, Андерс легко отвел длинным матросским ножом направленный в живот клинок. Затем последовало обманное движение и короткий почти неуловимый для взгляда удар в грудь, прервавший никчемную жизнь уличного отребья.

Костя поступил гораздо гуманней, подбежавшего к нему оборванца, он встретил мощным пинком в «причинное место». Следующий удар ногой в голову отправил «поклонившегося» противника в непродолжительный полет. Совершив изящный кульбит, бесчувственное тело нашло успокоение в куче экскрементов, заботливо оставленных каким то добрым горожанином. Вся схватка заняла промежуток времени немногим больший, чем нужен для прочтения её описания.

Пока хозяйственные кормщик и Щебенкин, придирчиво изучали имущество незадачливых грабителей, Якоб подошел к молодому человеку, испуганно прислонившемуся к стене. Обеими, трясущимися руками, тот прижимал к груди какую то увесистую котомку.

— Доброй ночи сударь — учтиво приветствовал незнакомца невозмутимый канонир.

— 3- 3- Здравствуйте — заикаясь ответил тот — вы уверены господин, что эта ночь добрая?

— Я думаю да, поскольку мы оказались в нужное время и в нужном месте — заверил его голландец — с кем имею честь говорить?

— Меня зовут Жан Лекье, сударь, бакалавр медицины, путешествую в поисках практики после окончания Парижского университета. Увы, не успел до темноты покинуть это жуткое место. Я весьма благодарен вам господа за свое спасение. Эти мерзавцы хотели отнять у меня самое дорогое, мои книги.

— Не думаю, что эти ребята питают такое пристрастие к чтению — возразил Андерс — скорее они искали несколько более ценную добычу.

— Но у меня больше ничего нет — растерянно развел руками молодой человек.

— Чего он там лопочет? — поинтересовался подошедший Константин.

— Он говорить, что есть лекарь — пояснил голландец.

— О, доктор — обрадовался Щебенкин, когда моряк перевел ему свой разговор с Лекье — медики нам нужны. Ты Якоб предложи ему с нами пойти.

После недолгих переговоров, одержимый страстью к путешествиям выпускник Парижского университета, с огромным удовольствием дал согласие, присоединится к

экспедиции.

— Голь перекатная — презрительно заметил подошедший Афанасий, кивнув головой в сторону лежащих рядом налетчиков — всего то прибытку с них пара медяков, да ножичек.

— Не с хорошей жизни грабить пошли — пожал плечами Костя — ладно, поторопимся, а то наши уже беспокоятся.

На следующий день Таня устроив дотошный экзамен лекарю, нашла его подготовку удовлетворительной и взяла себе в подчинение. В свою очередь француз был потрясен глубиной знаний своей новой начальницы и проникся к ней глубочайшим уважением.

Прокладка маршрута вызвала оживленные дискуссии. Целый день четверо друзей вместе с капитанами кораблей, корпели над имеющимися в наличии географическими картами, вспоминали все, что знают о ветрах и течениях северной части Атлантического океана. В итоге совместными усилиями был разработан маршрут, согласно которому караван должен был с юга обогнуть Британские острова и оттуда направиться на запад, слегка забирая южнее, поскольку атлантическое течение должно было неминуемо снести корабли к северу от следующей промежуточной точки маршрута. Таковым пунктом являлось уже отмеченное на картах восточное побережье острова Ньюфаундленда, прибрежные воды которого, богатые треской, давно буквально кишели рыболовными судами европейцев.

Затратив на улаживание всех этих дел четыре дня и почти все золото и серебро, имевшееся в наличии, наши путешественники отчалили навстречу неизвестности.

Караван из шести судов, пересек Ла Манш и обогнув южное побережье Британии вышел в Атлантический океан. Во главе шла «Звезда» на которой располагался штаб экспедиции.

В кормовой каюте каракки Ляшков, вместе со Шнитке и Щебенкиным сидели над картами, рассчитывая пройденное за день расстояние. Дул попутный ветер и за истекшие дни эскадра одолела значительный кусок пути. Егор отложил циркуль и потеряв усталые глаза вышел на палубу. Был прохладный тихий вечер начала апреля, над головой раскинулось черное бездонное небо с огромными звездами. На берегу они никогда не казались настолько близкими и яркими, как в открытом море.

Большая часть пассажиров, выбравшись на палубу, наслаждалась свежим морским воздухом, после опостылевшей вони и духоты трюма. С бака донеслись гитарные переборы, и звонкий голос Арсеньевой запел «Лучинушку». На втором куплете ее подхватили Настасья и Аленка Титовы. Причудливо переплетаясь, чистые голоса, то поднимались вверх, то плавно опускались вниз, от этого казалось, что песня льется, плавно течет в застывшем звездном небе. Ляшков хлопнул по плечу, стоявшего опершись о борт, и заморожено слушавшего Корнева.

— Как дела?

— Подожди Леший — отмахнулся друг — дай послушать, красиво как поют.

— Красиво.

Последние звуки песни растаяли над океаном, и наступила тишина, нарушаемая шорохом волн за бортом, шумом ветра в парусах и скрипом такелажа

— Как дела спрашиваешь? — обернулся Сергей — да хреново, Теснота, монотонность, плохое питание, люди начинают выматываться. Как думаешь долго еще?

Не знаю — у Колумба ушло два месяца и неделя, но это с учетом, того, что он месяц добирался до Канарских островов и делал там продолжительную стоянку, течь устранял. Плюс еще то, что он пересекал Северную Атлантику в самом широком ее месте, да еще и курс менял.

— Так — задумался Корнев — мы уже две недели как из Гамбурга вышли, значит....

— Думаю, еще дней двадцать — двадцать пять при попутном ветре, и если штормов не будет, тфу, тфу — Ляшков суеверно плюнул за борт.

— Хорошо бы — кивнул Сергей, постучав по дереву — одно успокаивает, народ здесь, в сравнении с нашими современниками покрепче будет. К плохому питанию, тяготам и лишениям привычные, благами цивилизации не изнеженные.

— Это точно, наше «поколение пепси» уже давно бы на ногах рей перевешалось от такой жизни, или утопилось.

— Ну, мы то держимся.

— Мы другое дело, закалка другая, да и за восемь месяцев школу хорошую прошли, адаптировались.

— Слушай, ну доберемся мы до Америки, а дальше то, что? Будем ходить по берегу искать эти самые клены? Или отлавливать тамошних «чингачгуков» и спрашивать у них как пройти к Великим озерам?

— Дойдем до материка, а там определимся, скорее всего, придется разбивать временный лагерь и отправлять один из кораблей на разведку вдоль берега. Нас интересует залив Мэн, а там останется только найти подходящее место для первого поселения и будущего порта.

На баке тем временем завели новую песню на этот раз подхваченную хором мужских голосов, и ребята вновь притихли заслушавшись.

Один за другим тянулись однообразные дни, попутные ветра сменялись встречными, а то и вовсе штилем, и снова возвращались. Случившийся на сороковой день пути шторм слегка потрепал караван. Холодная синева неба внезапно почернела, по волнам побежали белые барашки пены. Шквальные порывы ветра заставили звенеть туго натянутые снасти. Два дня стихия болтала корабли, в итоге отнеся их гораздо южнее от выбранного маршрута, а затем буря стихла, также внезапно как и началась.

ГЛАВА 14

В которой, герои делают историю и гоняют чертей

Темную полосу суши на горизонте путешественники увидели только через три дня. 10 мая 1501 года караван из шести судов достиг побережья Северной Америки. На палубах кораблей, собрались стар и млад, с жадным любопытством разглядывая медленно приближающийся чужую, неведомую землю. Вид дикого и мрачного, поросшего девственными лесами берега на который с грохотом накатывали волны прибоя, открывался поселенцам во всей суровой своей красоте.

Медленно, словно крадучись, убавив паруса и постоянно бросая лот, караван втягивался в большую, уютную бухту, в глубине которой притаился покрытый густой растительностью остров.

— Ну, как ощущения — Егор подошел к друзьям тесной кучкой стоящим на баке «Северной Звезды» — чувствуете себя первооткрывателями?

— Ага — Колумбом и Дежневым в одном лице — кивнул Корнев, честное слово меня прямо распирает от гордости.

— Ребята, неужели правда мы Америку открываем, сказка какая-то, не верится — восторженно воскликнула Светка.

— Да — Таня прижавшись к плечу Ляшкова — как ни странно, но похоже у нас все получается, кто бы мог подумать.

— А я, жду не дождусь, когда можно будет сойти с этого корыта на твердую землю — ворчливо заметила Живчикова — устала уже спасу нет.

— Что то ты дорогуша в последнее время раздражительной стала, стареешь наверное — поинтересовался у подруги Емелин.

— Молчи дурак — Ленка ткнула его кулаком в бок.

— Ничего, потерпите немного, бросим якоря, я сгоняю с разведчиками, вернемся и будем выгружаться. Если опасности нет, здесь и будем первое поселение и крепость строить — успокоил друзей Егор.

— И как мы его назовем — поинтересовался, до сих пор молча разглядывающий побережье в бинокль, Щебенкин — да и страну тоже как-то надо будет обозвать, не Соединенными Штатами же?

— Пока не знаю, есть предложение: «форт Росс», а страну «Новороссия».

— А ты уверен, что мы попали именно туда, куда надо? — засомневался Корнев

— Да, мы со Шнитке сейчас только расчеты закончили, шторм нам как раз на руку оказался, отнес в район, где в нашем времени располагается Бостон.

— Не думаю — возразил Шебенкин- я писал курсовую по географии, в заливе Мэн никаких островов нет. А вот южнее в бухточке, в устье Гудзона, действительно есть, и как вы думаете он называется?

— Как?

— Остров Манхеттен — выдержав паузу, торжественно объявил Костя.

— Нью Йорк, Нью Йорк — фальшиво пропел Емелин, и задумчиво почесал затылок — вот это да.

— То есть, где то здесь, в будущем будет стоять статуя свободы? — недоверчиво спросила Таня.

— Стояла бы — поправил ее Ляшков — теперь, скорее всего, не будет. Мы начинаем радикально менять историю.

— За это надо выпить — радостно-взволновано объявил Корнев.

— Высадимся на берег, выставишь часовых, организуешь оборону, тогда и выпьем — охладил его пыл Егор — неужели мы ошиблись в расчетах? А впрочем, это дела не меняет, наоборот даже место здесь удобнее. Через несколько часов, обследовав побережье и убедившись, что оно безлюдно и безопасно переселенцы начали высадку на большом острове в устье двух рек.

Вскоре на берегу разгорелись костры, сновали туда сюда ялики и плоты, перевоза людей, скотину и припасы. В вековых лесах впервые раздался стук топора. До поздней ночи шла разгрузка и оборудование лагеря, пока уставшие люди не попадали, там, где стояли. Не смыкали глаза только часовые из ушкуйников и стрелков расположившиеся цепью секретов вокруг стоянки.

Новое утро принесло новые впечатления и заботы. Плохо выспавшиеся люди разбредались по артелям, варили пищу, готовились к новому трудовому дню, как вдруг:

— Черт, черт, и-и-и — дикий женский визг потряс окрестности.

Из кустов пушечным ядром выскочила Аксиныя, молодуха фундаментальных пропорций. На перекошенном лице женщины бы написан безграничный ужас. Как огромная комета, издавая жуткий вой, и размахивая руками, она неслась к центру лагеря.

Бам, попавшийся ей под ноги ведерный котел с горячей кашей едва не переместился чудесным образом на голову Ляшкова. От ожогов и ушибов парня спасла только хорошая реакция. Савва, стоявший спиной, увернуться не успел, и отброшенный могучей дланью вдовицы, он пушинкой отлетел в сторону. Дальнейшие жертвы и разрушения предотвратил Емелин, ухитрившийся ловко подставить ножку.

— Свят, свят, свят — закрестился Афоня, отряхивая несостоявшийся завтрак с рубахи и портов — ты чего блажишь, дурища?

— Там, там — сидя на земле, тряслась женщина, мелко крестясь и тыча пальцем в густой орешник — нечистый, страшный, выскочил, а я промеж рогов ему и бежать.

— Откуда взялся? Какой он из себя? Как выглядит? На человека похож? — забросал ее вопросами «главный контрразведчик».

— Что, ты батюшка — замахала на него руками Аксиныя — как же сатана может на человека быть похож, я же говорю страшный, здоровущий, рыло мерзкое все пятнами покрыто. Только присела по нужному делу, прости господи, а тут он. Как кинулся на меня, так все дела разом и сделала. Споймать видать хотел, да в пекло уволочь, ох грехи мои тяжкие.

— Может надо Таню позвать? — предложил Алексей, и задумчиво добавил — странно, какие рога?

— Так ведь черти, они завсегда с рогами ходят — «прояснил ситуацию» опытный кормщик.

— Я мыслю, ежели Аксиныюшка ручку приложила, лекарь тому черту уже без надобности — заметил прихрамавший Черный.

— Савва, позови Ерему и еще ребят, пойдем, кусты проверим, только предупреди всех, живым брать — скомандовал Егор.

— Ну, ты и задачки ставишь Михалыч, как можно нечистого живым хватать? — изумился атаман.

— Что ближе будет, за то и хватать, но чтоб живьем — безапелляционно заявил Ляшков.

— Только за рога его не берите — с совершенно серьезной миной посоветовал «Вжик» — а то оторвете, всю красоту попортите.

— А за хвост?

— Угу — чудом сдерживая смех, кивнул неугомонный Леха — за хвост можно.

— И я с вами, дети мои — не допускающим возражения тоном объявил подошедший на шум отец Федор — крестом святым его окаянного одолеть можно.

— Можно и крестом — согласился Егор, оценив взглядом внушительное медное распятие на груди священника — только плащмя и вполсилы. Алексей, найди Серегу, пусть посты усилят, и смотрите, чтобы паники в лагере не было.

— Хорошо — кивнул Емелин, и отправился выполнять команду, плечи его затряслись от неудержимого хохота.

— Чего это он? — поинтересовался Афанасий.

— Нервы.

— Чего?

— Испугался.

— А, его проклятого все боятся, я когда первый раз увидел, тоже шибко напужался.

— Так ты и черта видел?

— А то, вот как тебя, даже говорили с ним. Вина гишпанского как то перебрал сильно.

— Бывает — согласился парень — глянь вон там, в кустах, а я здесь посмотрю, осторожней только.

Раздвинув ветки лещины, Ляшков пораженно застыл, созерцая открывшуюся ему картину. Не часто раньше он мог наблюдать героя Фенимора Купера в натуральную величину. На земле, навзничь лежал человек одетый только в штаны из грубо выделанной звериной шкуры, странного пошива обувь из того же материала, и не менее странный головной убор, увенчанный перьями и рогами. Лицо и тело индейца было щедро размалевано черной и белой краской.

— Примерно так я себе это и представлял, и рога в наличии, и рыло пятнистое — пробормотал Егор — Афанасий, поди сюда.

— Боже святой — осенил себя крестом кормщик — точно как мой, только тот позеленее был и без перьев.

Осторожно подойдя к неподвижно лежащему телу, новгородец тронул его ногой, а потом, осмелев, стал переворачивать набок.

— Да ты никак хвост у него найти хочешь?

— Ага, нету, а это чего такое — мужик ткнул пальцем в шишку на лбу «черта».

— А это, наша вдовушка его так приложила, что у него разом хвост отпал, и третий рог расти начал — невозможно растолковал Ляшков.

— Ну, что тут у вас? — любопытствовал подошедший Савва — ого, эх она его сердешного, ровно конь копытом влепила.

— Идолище такое узришь, еще не так с перепугу шарахнешь — заступился за женщину Хлопотников — не то, что хвост, голова отскочит.

— Мелкий он какой то — засомневался Савва — баба говорила про здорового.

— Гы — ухмыльнулся Афоня — она же на него с низу глядела.

— Ну вот, что ребята, берем это чудище под белы ручки и потащили — распорядился

Егор, видя, что туземец начал шевелиться.

— Ага — заржал Савва — Аксинье отдадим, она огород разобьет, а это пугало на забор рядом посадит, воронье отгонять. Осторожней Ерема, рога не оторви, всю красу ему загубишь.

Возвращающуюся на бивуак процессию первой встретила вездесущая детвора. Толпа малышни с радостными воплями бежала впереди:

— поймали, поймали! Чертяку поймали!

Постепенно вокруг стали собираться колонисты. Люди с любопытством, смешанным со страхом разглядывали первого встреченного коренного американца. Некоторые крестились и шептали молитвы. Сквозь образовавшуюся толпу, яростно работая локтями, протолкались Емелин и Корнев.

— Так вот ты какой, северный олень? — задумчиво протянул Сергей — а шишка у него откуда, сопротивлялся сильно?

— Будет знать, стервец, как на хрупкую вдову набрасываться — пояснил «Вжик» — ну, что хвост то нашли у него?

— Шутник ты, однако, Лексей — покачал головой Савва — я уж было и впрямь подумал, что нечистую силу идем ловить.

— Серый, ты посты усилил? Кто его знает, сколько ту еще таких красавцев шастает, и вообще разберись, как он так близко смог мимо твоих ребят подобраться. Разойдитесь все — начал отдавать команды Егор — что вы аборигена ни разу не видели.

— Дак, где же батюшка мы его видеть могли, коли у нас на Руси почитай и нету таких — раздался рассудительный мужской голос из толпы.

— Ой, гляньте бабоньки, а маленький, какой, худенький, как же он Аксиньюшку то обротать хотел, бедный — сжалилась какая-то сердобольная женщина.

— А ты почем знаешь, чего он там с ней сотворить хотел? — подключился еще кто-то.

— Известное дело, чего вам кобелям от нас надо.

— Кто о чем, а голый о бане, все вы бабы только об одном думаете.

— Кто об одном, а кто и об двух.

— Да сожрать он ее хотел и всего делов, в ней одного мяса пудов восемь будет, а дикий этот вона тощой какой, голодный наверное.

— Святые угодники, неужто правду говоришь?

Неизвестно до чего дошли бы бурные дебаты, если бы снова не вмешался Ляшков.

— Ну все, хватит, идите все занимайтесь своими делами — разгонял он зевак — Леха, этого накормить, оказать первую помощь, не обижать, но и глаз с него не спускать.

— Тетка Аксинья, тетка Аксинья — неугомонная ребятня, с криками побежала дальше — черта дикого поймали, какой тебя съесть хотел, борей — геной зовется.

От этого известия, несчастная вдовица и так находившаяся в состоянии стресса, окончательно сомлела. Охнув, она мешком осела назад, придавив французского лекаря, который самоотверженно пытался оказать помощь «даме».

Добрый Лекье наверно так бы и погиб, погребенный под пышными телесами потерпевшей. К счастью для него рядом оказались Альберт и Валдис, которые сумели спасти жизнь выпускнику Парижского университета. Проходя мимо, они увидели распростертое на земле тело, и торчащие из под него, слабо подергивающиеся, ноги. Недолго думая, спасатели ухватились за оные конечности, и довольно бесцеремонно вытянули француза наружу.

Постепенно ажиотаж, вызванный пленением туземца начал стихать. Вернувшиеся

разведчики притащили оленью шкуру, по всей видимости, служившую одеялом, копье с каменным наконечником, и лук со стрелами и доложили, что следов других людей вокруг стоянки нет. Трофейный лук очень заинтересовал ребят. Собранный из гибких прутьев, обтянутых тщательно выделанной кожей и тетивой из оленьих жил, он представлял собой довольно грозное оружие. Вызванный в качестве эксперта Хлопотников заявил, что «супротив татарских, жидковат будет», но работа, в общем, не плохая. У берега в кустах обнаружили спрятанное берестяное каноэ с одним коротким веслом. К удивлению Сергея и Егора все сходилось к тому, что пойманный индеец был один. Допросить пленника оказалось невозможно, причем не только в силу непреодолимости языкового барьера. Дабы предотвратить побег, Емелин не нашел ничего лучше как до беспамятства напоить своего подопечного. Теперь под надежной охраной, «арестант» пребывал в объятиях морфея, и с размазанной физиономии его не сходила счастливая улыбка.

Люди между тем занялись своими делами. Все трудоспособное население было разделено на артели. Одна, самая большая, под руководством уже известного читателям плотника Степана отправилась валить лес для строительства. Другая, продолжила разгрузку судов. Третья, в основном женщины и дети занимались приготовлением пищи и обустройством лагеря.

Остров, длинной около 20 километров, располагался близ впадения широкой полноводной реки, омывающей его с запада, в достаточно удобную бухту. От материка на северо-востоке его отделяла узкая речушка. От небольшого острова на востоке и юго-востоке — узкий извилистый пролив. После недолгого совещания было принято решение о строительстве крепости на южной оконечности Манхеттена. Пушки этого укрепления по замыслу его строителей должны были наглухо запечатать вход чужим кораблям, как в реку, так и в пролив. Место оказалось очень удобным.

Основой будущих крепостных бастионов со стороны моря, должны были составить бревенчатые срубы- киты, снаружи заваленные землей и камнями. Для обороны поселения со стороны суши закладывались два больших блокгауза.

Вечером у костра снова собрался совет в расширенном составе. Кроме семерых пришельцев на нем присутствовали Савва, Афанасий, Фридрих и Андерс. Рядом отгоняя любопытных, огромной безмолвной тенью, маячил Валдис. На повестку дня были поставлены вопросы об органах власти новорганизуемого государства.

— Вопрос первый — начал как обычно Сергей — что мы хотим здесь создать, республику или монархию. Ну, как в Новгороде, чтобы вече правило, или князь, как в Москве или Литве? — разъяснил он для Саввы и компании.

— Я вот, что мыслю, если хочешь, чтобы порядок был, то веча не надо никакого. У власти, как в море у кормила, один должен стоять. И чтоб рука железная была — неожиданно заявил Афанасий- вона в Нова городе, все бояре да купцы промеж собой грызутся, и простых людишек стравливают, вот Москва его и подмяла. А где короли, да князья правят, там страна только силу набирает.

— Я, я — согласился с другом Фридрих, за последние восемь месяцев кое-как научившийся изъясняться на русском — правит должен один тщеловек.

— Я тоже так думаю, на корабль капитан всегда бит один — закивал головой голландец.

— А чего же ты Афоня от московской руки сюда убег, коли тебе княжеская власть по нраву? — поинтересовался Черный.

— Не об том речь, что мне по нраву — возразил кормщик — я говорю, что для страны, для людей полезней.

— Ну, коли Егор Михалыч такой груз на себя возьмет, я не против, и помочь всегда рад буду — согласился атаман — он об людях думает, зазря не обижает. Опять же, кровь вместе проливали, за товарищей жизни не жалел, ему доверяю.

— А, что фогтом был, теперь побудешь королем — высказал свое мнение Щебенкин — организаторские способности у тебя есть, голова варит, давай, правь.

— А как же демократия, права, свободы и все такое? — ехидно поинтересовалась Арсеньева.

— Понимаешь Света, здесь такое не прокатит — ответил ей Корнев — здесь нужно, чтобы решения принимал один человек, иначе крышка нам всем. Если индейцы скальпы не снимут, значит придут европейцы и под себя подомнут, колонизируют.

— В общем, быть тебе Егором I — улыбнулся Емелин — только надо определиться, как тебя величать: царем, королем, князем, или верховным правителем, а то и вовсе государем — амператором.

— Не Егором, а Георгием, бестолочь — поправила его Ленка — я думаю это правильная мысль. Вот блин кто бы сказал, что я окажусь такой яркой сторонницей монархии, ни за что бы не поверила.

— Я тоже согласна — улыбнулась Таня.

— Ну, вот и хорошо, значит, принято единогласно — подытожил Сергей — завтра утром соберем народ и объявим об этом всем. А теперь государь, говори, какие назначения сделать хочешь.

— Э, э — а вдруг я не согласен? Моим мнением они даже не поинтересовались. Мне это нравится, сами себе решили и все, а ты впрягайся и тяни лямку — подал голос новоявленный монарх.

— А кто тебя спрашивать будет? — улыбнулся Щебенкин — общество решило так тому и быть. Так, что не выделывайся твое величество, а давай, принимай бразды правления.

— Точно, точно — одобрительно загудело «общество».

— Кроме тебя некому — уже серьезно добавил Константин — ты взял на себя ответственность людей сюда привезти, тебе за них и отвечать. Ну а мы как всегда помогать будем.

— Верно он говорит, Егор Михалыч, ты уж уваж общество, не отказывайся. Люди тебе доверились, не подводи их — степенно огладил бородавку Афанасий.

— Выходит деваться мне некуда. Ну, раз вы сами так решили, не обессудьте. Все, что прикажу или потребую должно исполняться быстро и без рассуждений. Спрашивать строго буду.

— Эх, все таки надо было его конституцией ограничить, а то окажется, что посадили тирана себе на голову — проворчала Живчикова.

— Будет вам конституция, если я увижу в ней необходимость, а до тех пор, никаких мне, чтоб революционных брожений и демократий. По назначениям завтра все скажу. Да и вот, что времени терять зря не надо. Завтра, бабы пусть огороды разбивают на острове, репу, капусту, морковку и редьку высаживают. Думаю лета должно хватить, чтобы урожай вырастить, иначе нас ждет голодная зима. Савва, возьми десяток своих бойцов и семей пятнадцать поселян, будете ставить острог и село на том берегу реки севернее острова. С местными, старайтесь зря не задирать, если объявятся, дашь мне знать. И еще, клены

рубить строго настрого запрещаю, ослушников наказывать буду сурово.

— А поселян кого брать, может православных только?

— Ну вот уж дудки, всех подряд, и чтобы не разделять, ливонец, русский или еще кто. Чтобы не оказалось так, что в одном селе католики, в другом православные. Иначе у наших потомков большие проблемы будут.

— Чего будет?

— Резаться промеж собой начнут, да делиться. А так породнятся, переженятся, глядишь, одним народом станут.

— Это пожалуй ты верно подметил — задумчиво пробормотал атаман — драться да делиться нам никак нельзя, сожрут.

— Вот видишь, а я чего говорил — затряс бородой Афоня — мудрый, ученый человек, слова какие умные знает — «прамблемы». Запомнить надо. Да, а какой такой ституцией, да дермократией, прости господи, ты нам грозишься, с чем ее едят то?

— Я тебе сейчас попробую объяснить — предложил Емелин.

— Да, ты объяснишь, потом посмешищем у всего честного народа буду — махнул рукой кормщик — несерьезный ты Алексей человек.

Над притихшим, уснувшим лагерем повисла теплая майская ночь. Свежеиспеченный правитель долго еще сидел у костра, погружившись в свои мысли, пока подошедшая Татьяна, чуть ли не силой уволокла его в палатку.

ГЛАВА 15

Утро новой державы

Лучи восходящего солнца только, только начали заливать золотом воды залива Росс, когда Егор выбрался из своей палатки. Потянулся до хруста в суставах и окинул взглядом, начинающий шевелится лагерь. Взору открылось беспорядочное скопление шатров и шалашей, возле которых постепенно начали разгораться костры. Гремя посудой, засуетились женщины. Возле пункта централизованной выдачи продовольствия, которым заведовал Вольф, начала выстраиваться очередь.

Несколько селянок занялись утренней дойкой небольшого стада, состоящего из пары коров и нескольких коз, доставленных с собой. Изначально планировали привезти трех буренок, и бычка. Для этого еще в Ливонии отбирали самых здоровых и высокоудойных особей. Увы, одну так и не удалось довести. Лишенное движения в темноте и сырости корабельного трюма одно из животных заболело и вскорости издохло, та же печальная участь постигла и двух лошадей. Остальные, хотя и имели крайне изможденный вид, откормившись на свежей траве, постепенно стали оживать. Надаиваемое небольшое количество молока теперь выделялся строго по норме семьям, имеющим маленьких детей.

В отдельных загонах, под неусыпным надзором паслись три уцелевшие лошади и десятка полтора свиней, также являвшихся продуктами строжайшего отбора. Наличие небольшого поголовья скота открывало перед поселенцами радужные, но весьма отдаленные перспективы дальнейшего развития животноводства.

Отдельно складировался тщательно укрытый и не менее тщательно оберегаемый семенной фонд, предназначенный для посевов. Для его хранения спешно возводился первый из трех планируемых амбаров. Еще в первый же день приезда Ляшков распорядился разделить семена на три равные части и держать их отдельно. Эта мера предосторожности была жизненно необходима, дабы случайный пожар не мог уничтожить сразу все надежды на будущие урожаи.

От сельскохозяйственных мыслей парня отвлек подошедший Петер:

— Доброе утро Ваше Величество

— Доброе — кивнул Егор — погоди, как ты меня назвал?

— Не удивляйтесь Ваше Величество, хороший слуга должен видеть, слышать, и знать ровно столько, сколько ему положено.

— Ушлый ты парень, как я посмотрю.

— Я всего лишь ваш смиренный раб, который достоин немного большего, чем быть простым слугой.

— Интересно, и чего же, по-твоему, ты достоин?

— Вашему Величеству необходим камердинер, который бы взял на себя заботу о еде, одежде и прочих мелочах, которые могут отвлечь вас от государственных дел.

— Ага, значит, эту должность должен занять именно ты?

— Он прав — подошедшая сзади Таня ласково погладила Ляшкова по плечу — этот пройдоха, самая подходящая кандидатура.

— Ладно, уболтали, похоже, что действительно другой альтернативы нет — проворчал Егор, оборачиваясь и целуя девушку — Петер назначаю тебя своим личным камердинером. Считай, что ты вовремя прогнул, карьерист хренов.

— Клянусь святым крестом и гробом господним, что буду верно, служить вам до конца своих дней Ваше Величество — торжественно поклонился бывший ключник — какие будут приказания? Прикажете подавать завтрак?

— Да, мы пока пойдем, умоемся, а ты давай завтрак, а потом пригласишь людей, которых я тебе назову. Да, кстати, а откуда ты вообще это слово взял — камердинер?

— Слушаюсь ваше величество — Петер несколько смутился — вообще-то это его милость господин фон Штирлиц посоветовал мне так сказать.

— Вот шалопай — покачал головой Ляшков — и здесь без него не обошлось. А вот и сам, нарисовался, фиг сотрешь.

— Дорогой самодержец, прибыл по твоему приказанию — весело отрапортовал как всегда неунывающий Емелин.

— Ну, раз прибыл, садись завтракать будем.

— Нет спасибо, меня уже Ленка накормила.

— Ты чего там вчера Петеру напел, красноречивый ты наш?

— А, уже подходил к тебе? Я вчера, в шутку, назвал его камердинером, так он прицепился как репей, пока не растолковал, что это такое, не отстал.

— Как твой подопечный поживает?

— По крайней мере, слово «миот» этот фраер уже выучил, как продерет zenки с утра, так меду ему подавай, голова то болит.

— Прекращай спаивать местное население.

— А вот тут начинается самое интересное, не такое уж оно и местное. Насколько я помню, читал где то, что на момент прибытия голландцев здесь проживало племя делаваров. А этот товарищ, упорно именует себя, сейчас выговорю — онундагаоно. Вот блин, долго тренировался. Короче онандаго если на английский манер. Очевидно, с какой то недоброй целью наш пернатый друг, проник на чужую территорию и нечаянно нарвался на Аксинью. Кстати при слове «ленап», то есть делавар, военнопленный, шипит и плюется, что только подтверждает мою версию.

Подходили ко мне уже святые отцы, требовали выдать язычника, для немедленного приобщения его к истинной вере. Еле отмазался, сослался, на тебя, дескать, не могу без разрешения.

— Правильно сделал, если, опять будут доставать отправляй их прямо ко мне. Они как к тебе вместе подходили?

— Первый раз по отдельности, а потом так совпало, что в одно время оба подкатили. Это цирк был, чуть до драки не дошло, еле растащил.

— Надо будет, как-то на них повлиять, а то религиозных войн нам тут еще не хватало.

— А ты как хотел, привез представителей разных, можно даже сказать, противоборствующих религиозных концессий, и хочешь, чтобы все тихо и гладко было? Ты чего с назначениями решил?

— Свои обязанности ты уже знаешь. Помощники у тебя те же, Арунас и Донатис из Плуксне. Первый твой зам по разведке, контрразведке, и по совместительству силовое обеспечение, а второй начальник полиции, займется внутренней безопасностью. Личный состав — бывшие партизаны, их человек пятнадцать, ребята боевые, огонь и воду прошли, сам распределишь кого куда, по способностям. Твоя задача в перспективе, контроль над соседними племенами и агентурная работа: как среди аборигенов, так и в европейских странах. Будем внедрять технологии будущего, в частности перекачку мозгов. Позже сядем

все вместе составим список, кого из граждан старого света мы желали бы видеть подданными нашего государства. Два кандидата у меня уже есть, это некие Коперник и Да Винчи. На родине их не очень ценят, а мы им найдем здесь достойное применение. Так, что на будущий год готовься к проведению операции по их добровольно-принудительному изъятию. В Европу поедешь, в заграникомандировку.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Вот спасибо, твое величество, удружил сатрап.

— За сатрапа ответишь, господин капитан государственной безопасности. Иди, присваивай своим помощникам звания лейтенантов той же доблестной службы. Размер жалования, я определяю, когда с Ленкой посоветуюсь.

— А почему не генерал?

— Не заслужил еще, пока.

— Это кому тут генералов раздают? — поинтересовался подошедший Корнев.

— Серега, ты завтракал? — обернулся к нему Ляшков

— Нет еще, не до того было, пока посты проверил...

— Тогда садись, ешь и слушай меня.

— Угум — промычал Сергей, набивая рот жарким из мяса добытого вчера охотниками оленя.

— Ты получаешь звание гвардии полковника, и твои стрелки соответственно становятся первой ротой гвардейского грюненбургского полка. Подразделение будет называться в честь места, где впервые приняло боевое крещение. Ему придастся мобильная полубатарея, которой раньше командовал Андерс, скажешь, чтобы назначил им командира толкового. Для голландца я найду другую работу. Заместителя себе подберешь сам и звание ему дашь соответственное. Только не выше капитана.

— А чего тут подбирать, Альберт и будет. Только до капитана еще не дорос, в лейтенантах пока походит, или вовсе в прапорщиках.

— Вот и хорошо. И еще при твоём полку надо будет создавать военную школу, для подготовки сержантских и офицерских кадров. Но это в долгосрочной перспективе.

Кроме гвардейских, я планирую еще городские полки, в которые зачислим все относительно боеспособное мужское население, с дислокацией по месту проживания. Придется вводить всеобщую военную подготовку и создавать, что-то вроде национальной гвардии.

— А чем их вооружать будем? Против индейских луков у нас слишком мало аргументов.

— Помимо холодного оружия будем давать тем, кто посмышленней — пищали, а остальным арбалеты. Я с Титовым поговорю, думаю, какое-то количество огнестрелов, он сможет отковать из того запаса железа, что у нас есть. Это назначение, кстати, не снимает с тебя обязанностей военного министра.

— А Якоба куда пристроить хочешь?

— Он будет комендантом Южной крепости, и начальником артиллерийской школы, которую мы там позже построим. Костя, получит чин капитан — командора и будет командовать нашим флотом, со всеми полагающимися ему береговыми службами. Фридрих — мой советник по хозяйственной части. Савва просто первый советник и правая рука. Афанасию я пока должность не придумал, но скорее всего пойдет к Щебенкину в помощники. А из святых отцов создадим священный синод, полностью подчиняющийся правителю. Церковь берем под контроль государства, иначе бардак и межрелигиозная рознь

нам обеспечены. С Таней все понятно, будет медициной заведовать. Живчику — финансы поручим, а Светку назначим главной по начальному образованию, пусть детвору грамоте учит. Ну и вы все соответственно входите в государственный совет, высший правительственный орган, с правом вносить мудрому мне на рассмотрение и одобрение различные, дельные предложения и законопроекты.

— Все правильно рассудил — кивнул головой Корнев — только не правителю, а Великому Князю, и державу предлагаю назвать Великим Княжеством Новорусским.

— А как нерусская часть населения к этому отнесется — поинтересовался Емелин.

— Я думаю, мы никого спрашивать не будем, чай самодержавная монархия, а не демократия какая задрипанная. Как правящая верхушка, то бишь мы с вами решили, так и будет — заявил Ляшков.

— Слышу речи не мальчика, но мужа — согласно кивнул Сергей — с политическим устройством разобрались, теперь с экономикой надо, что-то думать.

— Экономическое и технологическое развитие обсудим позже. Сейчас нам придется решать более серьезную проблему, сюда надвигаются наши религиозные деятели. И судя по тому, как зверообразно они друг на друга смотрят, скоро грянет буря.

Постепенно вокруг стали собираться остальные «члены правительства». Пыхтя и отдуваясь, подошли священники.

— Бог в помощь, дети мои — могучим басом приветствовал собравшихся православный пастырь.

— Благослови вас господь — не отстал от него падре Бонифатий.

Оба священнослужителя скрестили взгляды так, что зрителям явственно послышался лязг железа. Отец Федор раздраженно буркнул:

— тьфу, прости господи, слова не дает сказать схизматик поганый.

Падре, смерил его злобным взглядом и выплюнул в ответ что-то не менее ядовитое.

— Тихо пастыри, тихо, агнцы смиренные — уже привычно влез между ними Емелин.

— Как провозглашенный волею божьей, Великий Князь Новорусский повелеваю вам святые отцы, примиритесь для блага народа нашего — торжественно объявил Егор — довольно уже делится то, вместе работать надо. Людям нужно трудиться, новую землю обустраивать, а вы, которые должны призывать к смирению и послушанию, что творите? Смуту и рознь сеете, крови людской хотите! Язычникам на руку играете!

— Дак, как же сын мой, э, э, э, государь — опешил от такого напора отец Федор — зачем же ты напраслину то наговариваешь.

Отец Бонифатий, которому Сергей коротко перевел гневную княжескую речь, тоже замотал головой и замахал руками, отрицая сказанное.

— Промеж собой грызетесь постоянно, власть делите, гордыню свою тешите, грешным делом до рукоприкладства едва не дошло! Миряне на все это непотребство смотрят. Ну как, на вас гляючи, за ножи, топоры возьмутся, да резать друг дружку пойдут? Все в крови захлебнемся. А тех, кто живые останутся, придут идолопоклонники и голыми руками заберут. И не будет здесь христиан, ни католиков, ни православных. Этого вы добиваетесь?!

— Да, что делать то нам княже? — окончательно пришли в смятение церковнослужители.

— Значит, слушайте мою волю, бог один и молится ему отныне на здешней земле каждый волен так, как хочет. Храмы здесь поставите оба, места укажу. Подчинятся, мне будете, не властны здесь ни папа, ни патриарх. Кто из вас не согласен, как говорится вот вам

бог, а вот порог, можете идти на все четыре стороны. Только места здесь дикие, если чего случится, не обессудьте. Ну а если сможете себя пересилить и рядом, дружно жить, милости прошу быть моими советниками.

— Отец Бонифатий говорит, что считает за счастье быть советником такого мудрого правителя — перевел Корнев.

— Истинно глаголет — прогудел отец Федор — молод ты государь, а умен не по годам, ишь как разложил все. Что же, коли так, согласен и я.

Дальнейшая беседа прошла уже в более спокойных тонах, Ляшков объявил всем о сделанных назначениях, и все вроде прошло гладко, но внезапно заартачился Афанасий.

— Дозволь государь Егор Михалыч сказать — начал он — просить хотел, чтоб от службы ты меня освободил. Я другую пользу принесу. Договорился сегодня с плотником Фомой Сухаревым, лодью заложим, как с неотложными делами покончим. А там соберу ватагу и буду на промысел ходить. Ты говаривал, здесь место рядышком рыбное есть, все немцы ловят, и нам значитца не грех.

— Хорошо Афанасий Никитич, промышленники тоже нужны, обговорим с тобой как лучше сделать. От службы освобождаешься, но советником все равно остаешься.

— Крутенько ты Егор со священниками. Рисковал сильно, а вдруг они обиделись бы, развернулись, да и свалили из лагеря. Представляешь последствия — покачал головой Емелин, когда все остальные советники разошлись.

— Ага, держи карман шире, свалят они как же, чтобы прихожан своих конкуренту оставить? Надо было их сразу в «стойло» ставить, иначе сядут на голову и начнут свои порядки наводить. Вот и пришлось их немного пригрузить. Показать кто здесь начальник.

— В принципе, ты правильно рассуждаешь, ну я пошел с нашим индейцем попробую пообщаться, на пальцах. И ребят своих, новыми назначениями порадую.

— Передашь Сергею, он остается за старшего, я пойду с Саввой, место для нового поселения присмотрим. И вообще разведку проведем.

— Не царское это дело по лесам шараться.

— А по твоему, я должен сидеть на стульчике, ковырять в носу, и начальственным оком, надзирать за подданными?

— Вот именно так я себе твою теперешнюю работу и представляю — уходя, ухмыльнулся Леха.

— Не дождетесь.

Через два часа небольшой отряд из семи новгородских бойцов, под руководством Саввы и Егора, на ялике двинулся проливом к северной оконечности острова. Туда же сухим путем направилась колонна поселенцев, нагруженных скудными пожитками и небольшим запасом продовольствия.

Тихо поскрипывали весла, позвякивал металл броней, журчала вода под килем. Ратники напряженно всматривались в густые заросли на левом берегу узкого извилистого пролива. На корме расположились «отцы- командиры», то и дело бросающие по сторонам внимательные взгляды. На носу, готовый к любым неожиданностям, сидел Ерема, недавно получивший чин полковника и должность воеводы городского полка, и коменданта будущего поселения.

— Тихо здесь, хорошо — негромко заметил атаман.

— Да, и для засады очень удобно — кивнул Ляшков — окажись сейчас на том берегу десятков, другой лучников, перестреляют нас как цыплят.

— Видал я ихние стрелы — откликнулся Хлопотников — если железо не снимать, ничего басурмане нам не сделают.

— С такого расстояния, хороший лучник и в глаз попадет, тебе самому это ведомо — успокоил его Савва

— Нет здесь засады — упрямо мотнул головой Хлопотников — птица непуганая поет, важенку с телком на взгорке приметил, значит нету рядом людей.

— Плохо ты людишек здешних знаешь, они всю жизнь в лесу, сами его частью стали, могут так ходить, что ни зверь, ни птица не услышит, на дереве лист не шелохнется.

— Нет княже, я мыслю, какой бы человек сторожкий не был, тварь лесная завсегда его почует — возразил опытный охотник.

— Где думаешь острог ставить, Егор Михалыч? — прервал беседу Черный.

— Чуть северней в пролив впадает речушка, скорее протока, назовем ее Лесной, что ли. По ней поднимемся вверх, до русла большой реки Благодатной, там и будем высаживаться. Место удобное, можно перекрыть подступы к северной оконечности острова. Тогда сверху незаметно никто не подойдет. Прибудем на место, мы пойдем с Еремой, окрестности обследуем, а ты с ребятами поможешь поселянам переправиться. Вот там и острог рубите и росчисть, под огороды и пашню делайте.

— А ну как бorigенам твоим не понравится, что мы на их земле хозяйствуем?

— Если встретятся, попробуем сперва, миром договориться, откупиться, а не выйдет, там поглядим, что дальше делать. Вообще с местными нам лучше дружно жить, где мы им поможем, где они нам.

Когда ялик достиг Лесной, и вошел в протоку, Савва указал на небольшой пригорок на мысу в устье:

— здесь можно поставить наблюдательную вышку и небольшую станицу, никто проливом не пройдет. Сигнал дымом если подавать далеко видно будет.

— Хорошо, сделаем, немного позже, как людей всех перевезем.

Прошло немного времени, и перед взглядами путешественников открылся плес реки Благодатной. Отряд высадился на берег и люди занялись его изучением. Подходящее место было найдено довольно быстро, метрах в ста от кромки воды, на вершине поросшего лесом пологого холма.

— Ладное местечко — восхитился один из ушкуйников — здесь и мордушу хорошо поставить и с бреднем пройтись, без рыбы точно не будем.

— Ну раз так, готовьте паром, людей перевозить, брони не снимать, оружие под рукой держите — объявил Ляшков — а мы с Еремой пойдем, оглядимся.

Разведчики отошли метров на пятьсот от места высадки, когда негромкий оклик шедшего впереди Хлопотникова задержал Егора:

— постой княже, не торопись, не одни мы здесь.

Парень застыл, наблюдая как из зарослей обступая плотным кольцом, на них с опаской выставив вперед копы и натянув луки, надвигаются раскрашенные бронзовокожие воины, сошедшие с иллюстраций приключенческих книг.

Глава 16

В которой, герои сталкиваются с первой опасностью нового мира

Не отводя взгляда от приближающихся индейцев, Ляшков негромко сказал:

— спокойно Ерема не дергайся, но если кинутся, поднимай как можно больше шума.

— Убьют — также тихо заметил Хлопотников.

— Убьют, но ребят предупредить успеем.

Один из туземцев — мускулистый малый неопределенного возраста с бритой головой и длинной прядью черных волос, украшенной пером, на макушке, выдвинулся из толпы своих собратьев. Не дойдя несколько шагов, он прицелился из лука и что-то выкрикнул на своем языке. Егор, молча, медленно приложил правую руку к своей груди и поднял открытой ладонью вверх, показывая, что не имеет враждебных намерений. Лицо аборигена казалось застывшей маской, но глаза смотрели остро и настороженно. Однако оружие он опустил, и сделав своим соплеменникам знак, очевидно обозначающий «всем оставаться на местах», осторожно приблизился, мягкой, скользкой походкой. Ляшков стоял неподвижно, скрестив руки на груди и сохраняя видимость полного спокойствия. Краем глаза он заметил, как Ерема плавно сместился на пару шагов, и застыл, прикрывая ему спину. Тесные ряды индейцев пришли в движение. Луки, и копья снова оказались направлены на пришельцев. «Вождь краснокожих» что то рывкнул не оборачиваясь, и шевеление снова прекратилось. Несмотря на внешнюю невозмутимость, было ясно, что туземец не знает, как поступить с непонятными чужаками. Угрозы для себя он не чувствовал, но и признаков слабости пришельцы тоже не проявляли. Очевидно, за ними, стояла какая то сила. Наконец абориген принял для себя решение. Положив лук на землю, он повторил жест Егора и встал напротив, приняв аналогичную позу.

Решив не затягивать «стояние на Угре», князь Новорусский хлопнул себя ладонью по груди и заявил:

— рус — затем указал на индейца и полуутвердительно спросил — ленап?

Его собеседник с тем же непроницаемым выражением размалеванного лица указал на Ляшкова:

— рус — а затем, ударив себя ладонью в грудь объявил — махикан.

Егор невозмутимо кивнул, преспокойно уселся на землю и сделал жест, приглашающий индейца сделать то же самое. Когда новый знакомый разместился напротив, парень вытащил небольшой нож, которым пользовался для еды, и подняв с земли веточку стал ее сосредоточенно обстругивать. Брови туземца поднялись вверх, но он быстро взял себя в руки, и достав из ножен на поясе грубовато сработанный медный клинок также стал кромсать найденный прутик. Теперь настала очередь Ляшкова удивляться. Он попросил у махиканина нож, некоторое время разглядывал его, а потом ударил по режущей кромке своим клинком. Изучив образовавшуюся щербину, удовлетворенно кивнул и протянул оба изделия своему «собеседнику». Если учесть, что вся эта пантомима проходила в полной тишине, со стороны это выглядело довольно забавно. Абориген внимательно изучил лезвия, пристально оглядел кольчуги и шлемы пришельцев, убедился, что все это сделано из одного материала, протянул Егору его нож. Парень отрицательно покачал головой, давая понять, что дарит его туземцу в подарок. Затем, поднявшись, он указал на индейца, потом на толпу

его соплеменников, показал два пальца и жестами изобразил приглашение следовать за собой.

Позвав за собой Хлопотникова, Ляшков повернулся спиной к индейцам, и направился к лагерю.

— Ерема, сколько их за нами идет? — не оборачиваясь, спросил он — только шибко головой не крути.

— Кажись трое, остальных не видать — негромко ответил новгородец.

— Хорошо, иди вперед, предупреди наших, чтобы вели себя спокойно, и что ни будь из снеди, приготовили.

— А ты как же один будешь?

— Все будет нормально, иди вперед.

Дикари, если и обеспокоились уходом ушкуйника, виду, однако не подали и продолжали идти следом, сохраняя внешнее невозмутимое спокойствие.

Процессия приблизилась к месту переправы. Предупрежденные переселенцы, старательно не обращая внимания на индейцев, продолжали заниматься своими делами. Только подошедший Савва слегка поклонился Егору, показывая туземцам, кто здесь главный, и указал на небольшую полянку. Там, на расстеленной холстине женщины спешно накрывали немудреное угощение. Пригласив гостей к импровизированному столу, Ляшков со своими офицерами занял места напротив. Между гостеприимными хозяевами и гостями завязалась «застольная беседа», заключающаяся в том, что один тыкал пальцем в какой либо предмет, и называл его на родном языке, второй в свою очередь переводил название на свое наречие. Обильная еда и баклага с вином, настроили аборигенов, на добродушный лад, и от былой настороженности не осталось и следа. Они с любопытством ощупывали холстину, разглядывали посуду, одежду и оружие. Зрелище того, как один из мужиков поплевав на руки, несколькими ударами топора свалил дерево, вызвало неопишное изумление и детский восторг. Подойдя к крестьянину, индеец знаком попросил у него топор, долго рассматривал, а потом показал товарищам. Те в свою очередь принялись изучать предмет, передавая его друг другу, и удивленно щелкая языками. Наконец вдоволь налюбовавшись, предводитель махикан, которого как выяснилось, звали Сатэ-ок, знаками попросил Егора подарить полюбившуюся игрушку. Ляшков покачал головой, затем указал на реку и видневшийся за ней остров, обвел рукой окрестности строящейся деревни и показал на себя. Затем ткнул в топор, нож и сверток холстины, и показывая каждый раз три пальца, давая понять туземцу, что готов отдать все эти богатства в обмен на означенную территорию. Неизвестно, понял абориген или нет, но явно о чем-то задумался, что впрочем, не сильно отвлекло его от процесса поглощения угощения и выпивки. Больше к спорному вопросу собутыльники не возвращались.

Когда изрядно поднабравшиеся индейцы покачиваясь, поддерживая друг дружку, и распевая какую то достаточно заунывную песнь скрылись в зарослях, Егор перевел дух:

— Уф, обошлось, ну вроде знакомство завязали.

— Ага, как они из кущей то выскочили, я уж думал все, смертушка пришла — согласился Ерема.

— Ох смотри, Егор Михалыч — покачал головой Савва, топор то ты басурманину не отдал. Как бы они всей ордой ночью за ним не пожаловали.

— Даст бог не пожалуют, но караулы на всякий случай усилим.

Мрачные прогнозы атамана не оправдались, после первой встречи с коренным

населением прошла неделя. Пахло рекой, деревом и дымом костров. Рядом группа мужиков, перебрасываясь немудрыми шуточками и беззлобными подколками, один за другим укладывала венцы первой башни нового острога. Другие подносили новые бревна. Дело продвигалось довольно быстро.

Ляшков отложил топор, и зачерпнув корец воды из стоявшей неподалеку бадейки стал жадно пить.

— Надо будет лесопилку здесь ставить, а то долго они так проваландаются — подумал он, глядя как двое парней, работая двуручной пилой, распускали на доски толстое бревно

— Умаялся, государь — заметил один из работников — не княжье это дело топором махать.

— Может и не княжеское — усмехнулся Егор — да только не твое это дело, государя поучать.

— Так то оно так, конечно — смущенно почесал в затылке плотник.

— Быстрее надо острог заканчивать, а там будем разбираться, где чье дело — хлопнул парень крестьянина по плечу — не ровен час, соседи заявятся. Кто знает чего у них на уме.

В подтверждение его слов разговор прервался криком дозорного с вышки:

— сверху давешние дикие идут! На трех лодках!

— Ну вот, накаркал — буркнул Ляшков — всем разобрать оружие, вздеть брони у кого есть.

Сам он насколько мог быстро одел кожаный поддоспешник. При помощи мужиков, стал натягивать колонтарь, который носил вместо изрубленного крестоносцами панциря. Один из плотников протянул еловец с личиной и бармицей. Затем последовал пояс с мечом и ножом, и воинская экипировка была завершена. На берегу все мужское население, вооруженное тем, что под руку попало, поспешно изобразило подобие боевых порядков. В это время причалили каноэ с десятком туземцев, среди которых Ляшков узнал старых знакомых. Поскольку за оружие индейцы не хватались и вели себя смирно, Егор приказал ополченцам разойтись по рабочим местам, и в сопровождении небольшой свиты двинулся навстречу прибывшим. Гости и хозяева привычными уже жестами приветствовали друг друга, а затем аборигены вытащили из каноэ тушу оленя, преподнесли ее в подарок поселенцам. Знакомый нам предводитель махикан предложил нашим героям садиться в челны и прокатится с ними.

— Ага, в гости значит зовут — понял Савва.

— Похоже на то, почему бы и не съездить. Нам с ними дружбу надо налаживать — согласился Ляшков — останешься за главного, приготовьте ялик и четырех гребцов, а то боюсь, эти скорлупки нас в бронях не выдержат. Ерема пойдет со мной.

— Позвольте и мне с вами ваша милость?

— Валдис? А ты откуда здесь взялся? Я же тебя на острове оставил.

— Только что на пароме переправился. Меня прислала госпожа, и велела никуда от вашей милости не отходить.

— Ладно, черт с тобой, поехали.

— Погоди Егор Михалыч, а вдруг они в ловушку заманить хотят? — предположил Черный.

— Хм, не думаю, хотя побережья надо. Пусть все кто со мной идет, как следует вооружаться, и железо оденут

Караван из трех индейских каноэ и одного ялика, неспешно двинулся вверх по

Благодатной. Плыли весь день. К вечеру туземцы, найдя удобное местечко, направили челны к берегу. На небольшой полянке разгорелся костер, путешественники наспех поужинали и улеглись спать. При этом индейцы просто завалились на землю, завернувшись в шкуры, служившие им и плащами, и одеялами. Русичи, наскоро соорудили пару довольно больших шалашей, где и расположились, не забыв выставить часового.

Не смотря на изнурительный дневной переход, Ляшкову не спалось. Он выбрался из шалаша и подошел к костру, возле которого, напряженно прислушиваясь, сидел караульный, молодой парень из ливонских сервов. На выпуклой пластине кирасы тускло мерцали красные отблески, рядом под рукой лежал натянутый арбалет.

— Ну, что слышно? — поинтересовался Егор

— Страшно тут ваша милость — поежился, лив — воет кто-то, а то словно младенец плачет, вот опять слышите. Не иначе, нечистая сила вокруг бродит. Гляньте вон глаза, огнем сатанинским светятся.

В указанном направлении действительно мелькнули две красные точки.

— Зверь лесной — успокоил гребца парень — ты, тех, которые красным светятся, не бойся, а вот если зеленые увидишь, будь начеку.

— Почему государь?

— Красные глаза у безобидной животины, а вот зеленые у хищника.

Из леса вновь раздался вой, а затем рычание. Один из индейцев спавших у костра поднял голову и стал настороженно всматриваться в чащу. Однако звук больше не повторялся и махиканин, подтянув к себе ближе оружие, снова успокоился. Еще раз оглядевшись, Ляшков вернулся в шалаш и забылся тяжелым сном, без сновидений.

Разбудил его негромкий разговор.

— Ну, чего тебе надо, отдыхает его милость, чего лезешь? — выговаривал кому-то Валдис.

— Так ведь это, часовой пропал куда то, господин полковник следы нашел, и велел государю сказать — оправдывался, чей то голос.

— Какие еще следы, кто пропал? — поинтересовался Егор, выглядывая наружу, и сию секунду разглядеть говорящего в обрывках утреннего тумана.

— Там батюшка, в кущах — указал рукой латник — Ере..., то есть, господин полковник отыскал, велел тотчас к тебе бежать.

Пройдя в указанное место, Ляшков действительно застал Хлопотникова в окружении пары гребцов и нескольких индейцев. Они сосредоточенно разглядывали, что-то на земле.

— Что тут у вас?

— Пропал часовой государь. А здесь, кровь на листьях, арбалет вон валяется. И следы княже, ровно кошачьи, только уж больно здоровая та кошечка, поболее рыси будет — сообщил Ерема, указывая палочкой на большие отпечатки кошачьих лап.

— Мда — задумчиво протянул Егор — киска что надо. Похоже, она караульного уволокла, жалко пацана, даже имени его не знаю. Какого черта он вообще в кусты поперся?! Сказал же ему, смотри в оба.

— Е-гор, пума, плохо — покачал головой Сат-ок, и показал в сторону лодок — рус, махикан, идти.

— Не пойму, чего басурманин толкует — пожал плечами новгородец — вроде пугает чем?

— Он говорит, уходить надо. Пума здесь бродит, кошка такая огромная, она нашего

лива, и сожрала.

— Прими господь его душу — закрестились пришельцы.

— Здоровая видно тварь, раз она его вместе с железом уперла.

— Да, не маленькая, человечины попробовала, от нас не отстанет. Надо идти искать ее.

— А чего Егор Михалыч — глаза опытного лесовика загорелись азартом — такую тварь промыслить, будет потом чем перед нашими похвалиться. Да и парня найти надо, похоронить хоть по христиански, что осталось.

— Сат — обратился Ляшков к индейцу, сопровождая жестами свои слова — мы пойдем, убьем пуму.

Туземец немного поупрямился, доказывая бестолковым пришельцам, что это не такое уж легкое и безопасное мероприятие. Через двадцать минут переговоров, и сборов, трое охотников, в сопровождении вездесущего Валдиса, двинулись по следам оставленным хищником. Звериная тропа привела их к большой груде валунов. Краснокожий шедший первым поднял руку призывая спутников к тишине и внимательности. Ерема повернулся к Ляшковскому телохранителю:

— Валдис, стой здесь и смотри в оба, а то ты так топаешь, не то, что пуму эту, всех медведей в лесу распугаешь. Ты княже, вместе с басурманином левее обходи, я с права пойду. Чую, здесь она, уж больно место для звериной берлоги подходящее.

Охотники разделились и в соответствии с планом Хлопотникова стали обходить предполагаемое логово с двух сторон. Егор до рези в глазах всматривался в камни, но упустил момент, когда серая тень метнулась к шедшему первым индейцу. Туземец успел среагировать и выставить навстречу врагу копьё, каменный наконечник лишь поцарапал шкуру животного, а древко хрустнув, сломалось как сухая ветка. Сбитый ударом мощной лапы, американец отлетел в сторону. Щелкнула тетива арбалета, но, болт просвистел мимо цели. Зверь развернувшись, молнией бросился на нового противника. Некоторое время они катались по земле, когти дикой кошки скребли по железным пластинам колонтаря. Страшные клыки клацали по наручу, на запястье левой руки, которой Ляшкову пока удавалось прикрывать лицо и шею. Наконец парню удалось достать нож, и несколько раз воткнуть клинок под левую переднюю лапу.

Раздался рев полный боли и ярости, и многокилограммовая туша рухнула, придавив охотника.

— Живой, княже? — запыхавшиеся товарищи с трудом оттащили в сторону труп хищника.

— Вроде целый, сейчас попробую встать. Ерема, глянь, что там с махгиканином, по моему ему сильно досталось.

— Кажись живой, шевелится, рука у него сломана, и бок когтями разодран, а так не смертельно, жить будет.

— Ох, ё-моё — поморщился Ляшков, делая попытку подняться — как будто целое стадо медведей на мне сплясало.

— Ну, ты скажешь Егор Михалыч, нешто медведи стадами ходют?

— Валдис, беги в лагерь пусть мужики сюда подойдут, помогут индейца отнести, да и зверюгу эту забрать надо. В ней весу килограммов двести наверное.

Через пол часа, Ляшков окончательно пришел в себя, и стащив броню и поддоспешник, рассматривал огромный кровоподтек на собственном теле. Хлопотников, тем временем оказал первую помощь Сат-оку, кое-как перевязав кровоточащий бок и зафиксировав в лубки

сломанную руку. Вскоре, прибежали на помощь поселенцы и туземцы.

Найденные останки несчастного караульного были захоронены здесь же на поляне. После импровизированного молебна за упокой души первой жертвы дикого края, проходившего под любопытными взглядами его коренного населения, стали собираться в путь. На импровизированные носилки загрузили раненного махиканина. Добычу привязали к срубленному стволу небольшого деревца и четверо дюжих носильщиков поволокли ее во временный лагерь.

Долго там не задерживались. Быстро освежевав огромную тушу горного льва, шкура которой в качестве законного трофея была с почетом преподнесена Егору, и свернув бивуак, путники двинулись дальше.

Глава 17

В которой, немного рассказывается о быте и нравах коренных обитателей Нового света

Индейское поселение располагалось, в километрах двадцати вверх по реке от места, где происходили вышеописанные события. Оно представляло собой довольно большое скопление хижин — шалашей сделанных из стволов молодых деревьев, кроны которых соединялись вместе. Образованные таким путём куполообразные остовы были покрыты кусками древесной коры. Вокруг них с визгом носились голые дети, лениво бродили большие лохматые псы. У костров копошились женщины, сидели старики. Внимание пришельцев привлекли большие участки возделанной земли рядом с деревней.

Пострадавшего соплеменника быстренько унесли в одну из хижин, где вокруг него тут же начали активно суетиться две туземки, очевидно, его родственницы.

Гостей встретили довольно радушно. Навстречу вышла целая делегация, состоявшая из представителей обоих полов, окруженная большой толпой аборигенов. В глаза бросилось одно интересное обстоятельство, в толпе практически отсутствовали мужчины «призывного возраста». Заметив это, Ляшков слегка удивился, но потом решил, что все мужское население находится на промыслах, или в походе.

При виде важно шествующего во главе ее пожилого махгиканина, и трех старух ковылявших следом, на плечи которых, был наброшены роскошные меховые плащи, Хлопотников, стоявший позади негромко охнул:

— Мать чесна, княже ты погляди только, сколько бобра, да куницы на них ушло, как на шубу боярскую. И мех знатный, уж мне поверь, в этом то я разбираюсь. Вот тебе и новый прибыток для нашей казны, зверья то здесь много должно быть всякого. Меха, здешние людишки, поди за бесценок отдавать будут, а немцы то хорошие деньги за них отвалят. Верное дело.

— Это ты Еремей правильно подметил. Ну, с торговлишкой развернемся, дай только обжиться на новом месте.

В самом большом вигваме, принадлежавшем вождю, путешественникам было предложены немудреные изыски здешней кухни: отварная и печеная на углях дичина и лепешки из кукурузной муки. В поданном в грубовато слепленных глиняных мисках вареве, Егор с удивлением опознал обыкновенную гороховую кашу.

Когда на «столе» появилось любимое лакомство туземцев: вываренные в патоке семечки подсолнечника и кусочки кленового сахара, стало понятно, они попали туда, куда нужно.

Если угощение, в целом, гостям понравилось, то последовавшая за ним процедура выкуривания трубки, понимания не встретила.

Егор принялся убеждать своих спутников, пришедших в смятение при виде извергающих дым аборигенов, что это совершенно необходимая процедура, и отказаться от участия в ней, значит смертельно обидеть хозяев.

— Помилуй княже, упирались они — это, что же за непотребство такое, дым из пасти известно у кого валит. Как можно христианину опоганиться?! Грех то какой! Навеки душу бессмертную загубить можно с язычниками!

— Ладно — в конце концов, махнул рукой Ляшков — возьму грех на себя, а вы потом

отмолите. Вот блин, в армии курить не научился, а сейчас придется.

Одна из почтенных матерей краснокожего семейства, самая древняя старушонка, в чем только душа держится, раскурила длинную трубку, изготовленную из кукурузного початка. Передавая ее, друг по кругу, хозяева затягивались табачным дымом, которым постепенно заполнился вигвам. Пришельцы, кашляя и протирая слезившиеся глаза стали по одному выбираться наружу. Их командир, позволить себе такого не мог и вынужден был нести свой крест до конца, хотя и представлял себе примерно последствия. Когда очередь дошла до него, Егор мысленно перекрестился, принял курительный прибор из рук вождя и осторожно, стараясь не затягиваться, набрал в рот дыма, а затем быстро выдохнул. Кажется, получилось.

Тем временем в «индейскую национальную избу» был вызван один из воинов, сопровождавших гостей в путешествии. Пританцовывая и подвывая, он в лицах поведал собравшимся душераздирающую историю путешествия по реке, и убийства горного льва, по крайней мере, как он себе это представлял. При этом молодой махгиканин всячески подчеркивая силу и неуязвимость вождя бледнолицых, сумевшего в одиночку одолеть грозного врага, шкура которого была выставлена на всеобщее обозрение. Оценив размеры животного, характер повреждений, старейшины уважительно покивали головами и с интересом рассматривали нож, которым вышеупомянутая пума была убита. Наконец процедура знакомства была завершена и уставших гостей препроводили в жилища для них предназначенные. Как оказалось кое, какие выводы вожди для себя сделали, в результате чего Ляшкову был предоставлен отдельный вигвам, с сюрпризом.

Когда парень постепенно привык к полумраку царившему в хижине, на груди звериных шкур, он обнаружил соблазнительные изгибы обнаженного женского тела. Блестящие черные глаза глядели на него с любопытством и некоторым испугом. Решив, что произошла ошибка, и хозяева перепутали шалаши, смущенно пробормотав извинения, Егор поспешил ретироваться.

— Случилось чего Егор Михалыч? — поинтересовался сидевший у входа в соседний вигвам Ерема — уж больно ты споро выскочил оттуда, нешто опять страшила какая подкралась?

— Ну, я бы не сказал, что страшила, только по моему, они чего то напутали. Там женщина.

— А, вон чего. Так это княже, басурмане тебя просят честь им оказать. Самоеды наши тоже так делают. Когда гость приходит достойный, они ему нарочно девку ладную подкладывают. Чтобы значит, воина сильного потом родила или дочку красавицу, свежую кровь в род добавить. И отказаться не моги, обида будет страшная.

В подтверждение слов Хлопотникова, две пожилые индианки, что-то ласково бормоча, мягко, но навязчиво, стали подталкивать бестолкового бледнолицего, обратно к отведенному для него помещению.

— Вот попал — проворчал, как-то не очень активно упирающийся парень — ты это, смотри, чтобы Тане не проболтался.

— Об чем речь, Егор Михалыч, будь спокоен. Ни словечка не скажу, вот тебе истинный крест — заверил его с серьезнейшей миной новгородец — так что ступай государь, уважь хозяев.

Прожив пару дней среди махикан, внимательно наблюдая за ними, Ляшков стал более, менее понимать уклад жизни и обычаи. В племени царил жесточайший матриархат.

Мужчина, вступавший в брак, переходил жить в дом жены и участвовал в хозяйственных

работах этой общины. Он продолжал в то же время сохранять принадлежность к своей родовой общине, выполняя общественные, религиозные и другие обязанности со своими родичами. Дети принадлежали к роду матери. Мужчины сообща охотились и ловили рыбу, вырубали лес и расчищали почву, строили дома и воевали. Женщины совместно обрабатывали землю каменными мотыгами, сеяли и сажали растения, собирали урожай и складывали запасы в общие кладовые. Сельскохозяйственными и домашними работами распоряжалась старейшая женщина, она же распределяла съестные припасы.

Вся власть в доме принадлежала женщинам. Главой была правительница, выбиравшаяся женщинами-матерями. Кроме правительницы, женщины-матери выбирали военного вождя и «старшину для мирного времени». Последнего, называли сахемом. Правительница, сахем и военные вожди составляли совет племени, управлявший всей его жизнедеятельностью.

На своих полях, индейцы выращивали кукурузу, которую именовали маисом, бобы, горох, подсолнечник, табак и еще какие то растения. Не очень подкованный в вопросах сельского хозяйства Егор, тем не менее, в предъявленных ему семенах опознал арбуз и тыкву.

Очень просто объяснилось и малое количество мужского населения. Всему виной был неудачный военный поход во владения соседей. Месяц назад довольно крупный отряд махикан попал в засаду, и был практически весь истреблен мохоками. Лишь несколько уцелевших воинов сумели вырваться из смертельной ловушки и поведать племени о приключившемся несчастье. Теперь старейшины ожидали ответного хода врага, противопоставить которому они ничего не могли. Появление сильных и дружелюбно настроенных соседей вожди восприняли как дар Маниту, призванный спасти племя. Они решили воспользоваться предоставляющимся случаем и завязать союзнические отношения, пусть даже путем уступки части своих земельных владений.

Прошло еще несколько дней и нагруженные подарками белые, поблагодарив гостеприимных хозяев, стали собираться в обратный путь.

Спускаться вниз по течению гораздо легче и приятней, поэтому обратная дорога заняла совсем немного времени, и вот, наконец ялик, стукнулся бортом о деревянные мостки нового причала. За то время, которое Ляшков и его спутники провели у гостеприимных туземцев, строительство продвинулось довольно далеко. Одна из башен была практически готова, бригада плотников приступала к закладке второй.

Решив долго не задерживаться, Егор оставил Хлопотникова руководить дальнейшим строительством, а сам в сопровождении Саввы и Валдиса паромом переправился на Манхеттен.

На холмах расположенных в северной оконечности острова во всю кипела работа. Два десятка свободных от службы гвардейцев и слуги во главе с Петером под общим руководством Корнева расчищали площадку. Группа каменщиков и нескольких солдат, отбирала валуны необходимого размера и подтаскивала их к месту строительства. Здесь же, оказалась и Таня, развернувшая временный медпункт.

— Что у вас происходит — поинтересовался Ляшков, когда схлынули первые эмоции встречи.

— Да вот, решили не терять времени и начать строительство княжеского подворья. Тут еще будут гвардейские казармы и военная школа — пояснил Сергей — там, в городе Леха с Живчиком распоряжаются.

— А Щебенкин где?

— Когда выяснилось, что почва здесь каменистая и нормальной пашенной земли нет, Костик оседлал «Звезду» и ушел на юг, обследовать побережье.

— Ясно.

— Ну, как там предки Чингачгука вас встретили? Договорились о чем?

— Нормально, но до заключения каких либо договоров еще далеко, языковой барьер, будь он не ладен. Но в принципе, приняли хорошо, настроены дружелюбно, кое что про них удалось узнать. Правда без «ЧП» не обошлось, пума сожрала одного из наших парней. Так, что проинструктируй разведчиков, что бы были осторожней. В общем, завтра все расскажу подробно, когда весь совет соберется. Сейчас перекусим, и поедem, посмотрим как в Форте дела.

Через час Егор хозяйским взглядом окидывал панораму строящегося города, которую ему с гордостью демонстрировал довольный Емелин. Все запасы зерна уже были перенесены в свежестроенные амбары. Теперь, часть трудников занималась возведением срубов предназначенных для размещения продовольственных складов. На расчищенной от зарослей площадке были размечены прямые, ровные улицы будущей столицы нового государства. Постепенно начинали вырисовываться и грозные очертания бастионов Южной крепости. Работа была проделана не малая, но конца и края ей видно еще не было.

ГЛАВА 18

В которой рассказывается о трудовых буднях колонизаторов

В бесконечных трудах и заботах поселенцы не заметили, как пролетело жаркое и влажное лето. Погожим сентябрьским днем 1501 года, Ляшков в сопровождении Емелина, Вольфа, и неразлучного Валдиса, совершал инспекционный обход по строящемуся Форту Росс. Прямая центральная улица, по которой они проходили, начиналась у северных городских ворот, другим своим концом упиралась в ворота Южной крепости. На главной площади, уже практически вымощенной обломками камня, ушедшего на отделку крепостных бастионов, возвышалось пока единственное двухэтажное здание. Главная резиденция Емелина, гордо именуемая Управлением Государственной Безопасности, служила одновременно и временным жилищем для его сотрудников и единственным законченным административным зданием. Справа от него доводился до готовности сруб небольшой православной церквушки, слева католического костела. На противоположной стороне площади группа рабочих завершала закладку фундамента городской ратуши. Другая группа крыла обожженной черепицей крышу расположенного рядом здания госпиталя. Черепица естественно была местного изготовления, выпускалась кирпичным заводиком, который с Лехиной подачи, открыл на правом берегу Благодатной, один предприимчивый крестьянин, ставший первым местным промышленником. Сам заводчик и члены его семьи, трудившиеся на производстве, были освобождены от других работ и поставляли стройматериалы по твердой цене, установленной Живчиковой. Поскольку деньги у нового государства практически отсутствовали как таковые, оплата за поставляемые стройматериалы, велась долговыми обязательствами. Согласно этим документам, казна должна была погасить всю задолженность по мере появления в ней наличности.

— Ну, Церетели рассказывай чего тут у тебя? — поинтересовался Егор у «Вжика».

— Мимо, твое величество, пальцем в небо попал, Церетели это скульптор насколько я помню — парировал «подкованный» Леха.

— Какая на хрен разница, ты мне зубы не заговаривай, умник, площадь камнем вымостили это конечно хорошо, только вода, куда деваться будет? Скоро дожди начнутся, и будет здесь бассейн имени Алексея Емелина.

— Обижаешь, мы сделали по краю сточную канавку, и уклон специально.

— Надо сделать единую водоотводную систему, и чтобы дождевая вода в пролив, что ли уходила, а заодно и грязь с городских улиц вымывалась. Да и не забудьте канавы сточные накрыть керамическими решетками, а то народ не сознательный, быстро их в помойку превратит. Как дела обстоят со строительством обывательских домов, зима на носу? Вон в Еремеевке уже и острог поставили, и избы крестьянские заканчивают.

— Тем семьям, что остаются жить в городе, выделили земельные участки в соответствии с планом застройки, кто землянку себе соорудил, а кое-кто уже и домишки построил. Те, которыми планируем заселять другие пункты, пока перезимуют в казармах городского полка, они уже закончены. Гарнизон, два отделения гвардейцев, базируются в крепости и блокгаузах у северных ворот. А что ты хочешь, рабочих рук не хватает, у меня вон еще частокол на городском валу не закончен. А еще причалы, склады портовые до ума доводить, там пока Костик со своими морячками управляется. Схватились сразу за все, силы распылили, а теперь не знаем, что быстрее закончить. Ты же сам забрал пять семей, с

Саввой отправил в махгиканскую деревню, торговый пост устраивать. Нафига он нам сейчас нужен?

— Нужен Леха, нужен. Я ему еще и отделение гвардейцев дал, и у Еремы пару семей забрал туда же. Пойми, им сейчас угрожает реальная опасность. Уже неоднократно замечали следы разведывательных отрядов мохоков недалеко от деревни. Найдут ее, и мы потеряем единственных союзников. А Савва поставил там острог, посадил своих бойцов глядишь, отобьем супостата, и индейцев к рукам приберем в подданство. Нам к приходу купеческих когтов надо кровь из носу заготовить первую партию сахара. Да и пушиной неплохо запастись. На следующий год вы с Серегой здесь останетесь, а мы с Костей пойдем в Европу, будет у нас козырь в рукаве в виде бобровых, беличьих и куньих шкурок.

— Ты же меня хотел отправить, а сейчас сам собираешься, не доверяешь что ли? — обиделся Емелин — думаешь, не справлюсь?

— Не обижайся, но первую ходку лучше я сам сделаю, все же меня кое-чему учили в армии, какой никакой опыт имеется. А ты пока только теоретик. Вот посмотрю, что к чему, а потом поделюсь с тобой опытом и будешь сам работать. А пока тебе и здесь дел хватит, с местными контакты надо налаживать. Кстати, что там с твоим онандагом?

— А — махнул рукой Алексей — анекдот ходячий, более менее научился лопотать по нашему, и поведал душещипательную историю. Он оказывается изгой, поперли его за аморалку. Короче был замечен в связях с замужними скво, после чего раздосадованные рогоносцы мужья, поклялись спустить с него шкуру, спасая которую, он и вынужден был бежать. И имечко у него подходящее, если на наш язык переводить, что-то вроде Похотливого Бизона получается, хотя какой там бизон, на кролика больше похож. Так вот сей озабоченный товарищ, вспылал пламенной, но увы, безответной страстью к нашей Анисье. Видать сильно она его в лоб приложила, были бы мозги, было бы сотрясение, а так обошлось...

— Подожди, ее же Серега забрал на Княжью горку, гвардейцам кашу варить.

— Вот, с тех пор, и затосковал Ромео по своей, необъятной Дездемоне. Сегодня с утра уже смотался следом за ней, так, что я думаю, ты его сегодня там встретишь. Кстати ты знаешь, что наши немцы твою резиденцию Кенигсбергом зовут?

— Слышал, а ты его одного спокойно отпускаешь?

— А куда он нафиг денется с подводной то лодки, идти ему все равно больше некуда. Опять же, любовь у него, даже крестился парень.

— Так, с этого места поподробнее.

— О, это отдельный анекдот. Наши святые отцы решили назначить единственного имеющегося в поле их досягаемости язычника первой жертвой своей миссионерской деятельности. А поскольку на насильственное крещение ты наложил табу, батюшки вприпрыжку и наперегонки кинулись зазывать к себе нового прихожанина, наперебой суля ему щедрые дары, как в загробной, так и в настоящей жизни. Сей, морально неустойчивый индивидуум, оказался падок на лесть и подарки и принял святое крещение. При этом по простоте душевной, желая получить как можно больше гешефта, он в тихую, поучаствовал в обряде сначала в одном храме, а потом в другом, и зовут его теперь: Елпидифор-Иоганн. Но как я подозреваю, в душе он все равно остался верен религиозным взглядам своих предков.

— Вот прохиндей — покачал головой Егор — узнают об этом смиренные слуги господни, быть кому-то битым по наглой раскрашенной морде. Ну вот, легок на помине.

— Государь Егор Михайлович, постой, дозволю слово молвить — от церкви навстречу

Ляшкову спешил порядком запыхавшийся отец Федор.

— Здравствуй святой отче — приветствовал священника Егор — случилось чего? Или помочь чем надо?

— Попенять тебе хочу князь, ты вот давеча слова правильные говорил, а сам то, какой пример прихожанам моим подаешь? Ближник твой, боярин Алексей — священнослужитель, гневно указал перстом на смешавшегося Емелина — во грехе живет, с женой своей, не венчанные. У девки вон скоро пузо на нос полезет, народ то уже шушукается по углам.

— Тут ты прав, отче, тянуть не будем, вот с неотложными делами управимся, сразу же и повенчаешь. А чего это ты там говорил про пузо на носу?

— Да я просто пока говорить не хотел, да и времени на откровенные разговоры особо не было, сам знаешь, текучка — еще больше смутился «Вжик».

— В общем, вы молодцы, давно пора, рад за вас.

— О, скоро ми будем гулять — весело поинтересовался державшийся позади Фридрих.

— Точно — поддержал его Ляшков — закатым знатную пьянку, с делами только разберемся, вы готовьтесь, а я возвращаюсь к себе.

Хорошо утоптанная широкая тропа, которой со временем предстояло стать дорогой, привела нашего князя и его телохранителя к северной оконечности острова. Там на возвышенности, называвшейся в старом Нью Йорке — Мраморным холмом, возвышалось строение, которому со временем предстояло стать главной правительственной резиденцией нового государства. Внезапно из распахнутых створок ворот проездной башни крепости, пулей вылетел красный как вареный рак Лекье. Следом один из гвардейцев, пинками придавших ускорение щуплому телу француза, выбросил его котомку.

— Отставить пинать интеллигенцию, что здесь происходит? — рявкнул удивленный Егор.

Оба солдата, завидев грозное начальство, молча вытянулись «во фрунт», и принялись дружно «есть его глазами».

— Я кого спрашиваю, бойцы?

— Это я приказала ребятам, этого идиота взащей вытолкать, а что? — с вызовом заявила появившаяся следом Татьяна.

— Так, стесняюсь спросить, с чего это ты на парня такие репрессии обрушила?

— Один из мальчишек — Таня кивнула в сторону стоявших по стойке смирно гвардейцев — простыл и слег с температурой. Этот придурок, по-другому я его назвать не могу, взялся лечить его кровопусканиями и поить какой то гадостью, золой из летучих мышей, или из лягушек, не знаю, чуть не уморил пациента. Такого недоучку, к больным на пушечный выстрел нельзя подпускать.

— Ну, а что ты хочешь от уровня средневекового образования, а лягушек французы вообще, любят странною любовью, может это их национальное лекарственное средство. Зачем же кадрами разбрасываться. Ты у нас специалист, наставь его на путь истинный.

— Издеваешься, да? — уже успокаиваясь, поинтересовалась Таня — а может действительно попробовать его переучить. Я, наверное, погорячилась немного.

— Ладно, пусть пока переждет в городе, остынете оба, а потом поговорим. У меня хорошая новость, скоро Емелина с Ленкой поженим, отец Федор обещал обвенчать.

— Только их?

— Ну да, а ты еще кого-то хочешь женить? — удивился Егор.

— Ничего я не хочу — непонятно почему обиженно фыркнула девушка и резко

развернувшись, пошла в терем.

— Чего это она — недоуменно пожал плечами Ляшков — хрен поймешь этих женщин, чего им вообще надо.

— А вы чего стоите, как дубы деревянные, заняться нечем — отыгрался он на продолжавших стоять на вытяжку солдатах — кругом, бегом марш, чтобы глаза мои вас не видели.

«Дубы» не заставили себя долго упрашивать и моментально исчезли из поля зрения. Кивнув, откозырявшему согласно уставу, часовому, раздосадованный загадочным поведением подруги, правитель Новороссии прошлепал в свои апартаменты.

От сильного удара распахнулась дверь кухни и мимо его носа «на бреющем полете» просвистело какой-то неопознанный объект, своим приземлением среди двора распугавший стайку кур. При ближайшем рассмотрении тело было все-таки опознано. Выяснилось, что принадлежит оно все тому же Похотливому Елпидифору-Иоганну, а в полет он отправился отнюдь не по своему хотению, но был направлен в путь нежной ручкой или ножкой, что впрочем, одинаково «приятно», своей дамы сердца. Вышеозначенная гражданка выглянула из дверного проема, и обзрев дело рук своих, смущенно улыбнувшись своему начальству, спряталась обратно.

— Летят перелетные птицы — продекламировал невесть откуда появившийся Корнев — осень, на юг собрался сердешный.

— Низковато пошел, к дождю, наверное — философски отметил Ляшков, задумчиво созерцая распростертый в пыли организм и утешаясь от мысли, что еще кто-то кроме него не может найти общий язык со своей избранницей — блин, что за день сегодня такой. Все подданные на пинках летают, интересно, чем она его так?

Но данный риторический вопрос так и остался без ответа, и друзья, решив, что «милые бранятся, только тешатся» и не стоит вмешиваться в чужую личную жизнь, продолжили свой путь, осторожно перешагнув через слабо шевелящуюся тушку незадачливого любовника.

— Я вообще то с тобой посоветоваться хотел — продолжил между тем Серега — по части личной жизни. Только не смейся, все не могу решиться к Аленке Титовой подойти.

— Во как — удивился Егор — что то раньше я не замечал у тебя подобной нерешительности. Да чего там далеко ходить, недалече как вчера своими глазами видел растрепанную служанку ранним утром выходящую из твоих покоев, немочка такая симпатичная.

— Ты сравнил — обиделся Корнев — Лизка это так минутное увлечение, а там все серьезно.

— Раз все серьезно, тогда у тебя два варианта, первый это начать оказывать знаки внимания в виде подарков, пряников, бус, колечек всяких, ну чего там еще девчонки любят. И второй вариант, на мой взгляд более верный, просто заслать сватов к ее отцу. Жених ты завидный, при чинах, я думаю, срыва не будет.

— Да, а вдруг она не согласна?

— Рассмешил блин, кто в нынешнее время девку спрашивает, согласна она или нет? Как батя с мамкой решат, так и будет.

— Я так не могу.

— Ну, значит остаются пряники, а вообще пойдем ко мне, есть в заначке пара бутылочек винца, посидим за жизнь потолкуем.

Мокрые от пота гребцы работали веслами так, что они гнулись и скрипели. Небольшой

отряд «оседлав» все имеющиеся в наличии плавсредства, спешил на помощь своим товарищам, осажденным в махиканской деревне. Известие о нападении крупного отряда мохоков принес в Еремеевку молодой индеец, почти мальчишка, примчавшийся на небольшом каноэ. Ляшков собрал всех, кто был под рукой, и почти полусотня бойцов устремились вверх по реке. Когда над вершинами деревьев завиднелся дым от горящих вигвамов и стали слышны хлопки пищальных выстрелов, Егор дал команду высаживаться на берег, и повернулся к стоящему рядом Корневу:

— лодки оставляем здесь, сами пойдем лесом. Думаю, на берегу возле деревни ждет засада. По крайней мере, на месте мохоков, я бы так и поступил.

Сергей молча кивнул и стал отдавать соответствующие распоряжения. Вытащив суденышки на берег, небольшая колонна быстро построилась и ведомая проводником углубилась в лесную чащу. Когда до цели оставалось около полукилометра, Егор приказал остановиться и готовиться к бою. Вперед была направлена группа разведчиков во главе с Хлопотниковым, из его доклада стало известно, что около двухсот ирокезов осаждают острог, в котором кроме Саввы и его людей заперлись жители деревни. Само поселение обращено в пепел, горит и часть построек за стенами укрепления. Судя по внушительному количеству трупов перед частоколом, его защитникам удалось отразить как минимум одну атаку. В настоящее время мохоки пытаются, спрятавшись за большими плетеными из веток щитами, обстреливать крепость горящими стрелами. Гарнизон, очевидно, занят тушением пожаров и активного ответного огня не ведет. Еще около сотни индейцев, как и предполагалось, сидят в кустах на берегу возле поселка, в самом подходящем для высадки месте.

— Что делать будем командир? — задал вопрос Корнев, выслушав доклад разведчиков — мы имеем в своем распоряжении: отделение стрелков, десятков ушкуйников, и двадцать восемь ополченцев, десятков пищалей, три лука и тринадцать арбалетов. Все бойцы либо в бронях или кожаных куяках, шлемы тоже у всех, в этом наше преимущество. Жалко щитов у нас нет, можно было бы показать дикарям, что значит правильный строй.

— У меня единственный вариант, подать сигнал Савве и нанести одновременный удар с двух сторон, пока те, что у реки не опомнились — предложил Егор — вот только пока не знаю, как это проделать на практике.

— До ночи подождем, а там кому то надо будет в острог идти, по другому никак — задумчиво отметил Хлопотников.

— Тогда вот, что — решительно заявил Ляшков — как стемнеет, я попытаюсь пробраться в крепость. Серега сколько на твоих «командирских»?

— Двадцать сорок.

— Хорошо, значит ровно 5 утра, наносим одновременный удар по основной группе осаждающих, а сейчас выставить секреты и всем отдыхать, костров не жечь, соблюдать тишину.

— А что кроме тебя некому пойти? — заартачился Корнев.

— Верно говоришь, Сергей, мне надо идти — поддержал его Ерема — а ты Егор Михалыч, здесь нужен.

— Отставить дебаты, приказ не обсуждается — прервал их Егор — здесь вы и без меня справитесь, к тому же у меня есть специальная подготовка в отличие от вас, так что все свободны.

Спустились вечерние сумерки, разведчики доложили, что лагерь мохоков стал

успокаиваться. На безопасном расстоянии от пищалей и луков осажденных, загорелись огни. Воины подкреплялись нехитрыми припасами и укладывались спать на земле возле костров.

Ляшков решил взять с собой только длинный широкий кинжал и кистень. Все остальное оружие и снаряжение за исключением толстого, кожаного поддоспешника парень оставил на хранение своему верному телохранителю. Несчастный Валдис чуть ли не со слезами на глазах настаивал на своем намерении следовать за своим господином, но тот был непреклонен.

— Ну, с богом княже — перекрестил Егора встревоженный Хлопотников, ты уж поберегись там, или может, я пойду?

— Пойдешь, когда время придет, давай удачи. Серега не забудь, чтобы к пяти ноль, ноль все были готовы, как только услышите пальбу и увидите, что ворота открываются, атакуйте и постарайтесь выбить в первую очередь их вождей. Если со мной вдруг что случится, не дай бог конечно, Сергей, ты принимаешь на себя управление государством, дальше действуете по обстоятельствам. Я пошел.

Бесшумной тенью лазутчик скрылся между деревьями. Осторожно пробираясь в полной темноте Ляшков внимательно прислушивался к окружающим звукам и запахам. Он без приключений прошел уже метров четыреста, когда нехорошее предчувствие заставило его неподвижно застыть перед густыми зарослями орешника. Внезапно кусты раздвинулись, и перед лицом нарисовалась раскрашенная физиономия индейца. Глаза краснокожего воина удивленно расширились, он хотел закричать. Из раскрытого рта раздались только негромкий хрип и бульканье, хлестким ударом костяшек согнутых пальцев, Егор перебил ему кадык. Быстрое резкое движение и ирокез мягко осел на землю со свернутой шеей. Осторожно переступив через труп, парень бросил быстрый взгляд по сторонам, слева мелькнуло что то темное, и сильный удар бросил его на землю. Некоторое время враги сцепившись молча катались по земле, наконец, Ляшкову удалось поджать ноги и упершись коленями в живот индейца перекинуть его через себя. Несколько ударов зажатой в кулаке гирькой кистеня и тело второго противника безвольно обмякло. Откатившись в сторону, Егор некоторое время лежал, прислушиваясь и переводя дух, и только спустя минут десять-пятнадцать продолжил свой путь. Еще через несколько минут, он осторожно обполз горящий костерок, лежащих вокруг него туземцев и одинокого часового, внимательно вглядывающегося в темноту. Взгляду открылось зрелище сожженной махгиканской деревни, метрах в трехстах белели заостренные бревна частокола, над которыми горели огоньки факелов. Перед укреплением валялись темными грудями трупы мохоков, погибших при дневном штурме. Оставался последний рывок, и цель достигнута, однако опять все пошло не так как было запланировано. Внезапно вокруг раздалось легкое шевеление, и десятки индейских воинов безмолвными призраками устремились к крепости.

Лежа в тени большого валуна Ляшков лихорадочно пытался сообразить, что делать дальше. Вариантов было немного, и он принял единственное возможное для себя решение, слегка приподнявшись, завопил во все горло:

— гарнизон к оружию!

От оравы атакующих моментально отделился десяток силуэтов, и развернувшись в цепь рысцей двинулся к источнику шума.

Усилия лазутчика, однако, не пропали даром. Караульный гвардеец, из последних сил боровшийся с дремотой на стене острожка услышал громом прозвучавший в ночной тишине призыв. Боец встрепенулся и выглянув наружу с ужасом разглядел в густой темноте

движущуюся на него темную массу. Солдат заорал, высунул ствол пищали, нажал скобу. Грохнул выстрел, тут же заглушенный многоголосым воем. Тревожный крик часового резко оборвался, и он стал заваливаться на спину. В правой глазнице торчало древко стрелы.

Подбежавший на шум махгиканский воин обрушил удар томагавка на голову ирокеза, первым вскарабкавшегося на стену. Своего врага он пережил ненадолго и в следующую минуту его тело, пронзенное двумя копьями сразу, уже летело вниз.

В крепости поднялся переполох, но бывалый воин Савва, быстро сумел организовать вокруг себя гвардейцев и ополченцев и стремительно атаковал заполонивших укрепления мохоков. Боевые топоры новгородцев, гизарды и мечи ливонцев, большие полумесяцы гвардейских бердышей и прочие смертоубийственные инструменты пришельцев, начали кровавую жатву среди неорганизованной толпы туземцев. Медные наконечники копий и каменные томагавки индейцев оказались не очень эффективны против защищенных железом латников, но на их стороне было явное, подавляющее численное превосходство. Положение слегка выровнял подоспевший на помощь отряд махгикан.

Между тем Егору тоже пришлось несладко. Противники поразительно точно определили нужное направление, и теперь быстро двигались в его сторону, пытаясь взять в кольцо. Парень стал поспешно отступать в лес, увлекая за собой преследователей.

Выскочив на небольшую полянку, Ляшков остановился, переводя дыхание. Позади, раздался шорох ветвей, из кустов выскользнули трое наиболее шустрых аборигенов. Один из них, не останавливаясь, метнул копье, Егор пластом рухнул на землю и смертоносное оружие, просвистев над головой, ударило в толстый ствол старого вяза.

Поднявшись на одно колено, он метнул нож и уменьшил количество противников. В груди другого краснокожего внезапно, диковинным цветком выросло белое оперение стрелы. Третий ирокез развернулся и собрался ретироваться, когда ему на спину дикой кошкой прыгнул проводник махгиканин. Несколько взмахов каменного ножа и с торжествующим воплем молодой воин поднял вверх окровавленную руку со своим первым военным трофеем. Что, что, а обычай украшать пояса скальпами убитых врагов, для здешних жителей, еще никто не отменял. Через пару минут окрестные заросли наполнились бойцами корневского отряда, которые быстро покончили с остальными преследователями.

— Живой Егор Михалыч — Хлопотников, а следом и Корнев подскочили к своему командиру — как шум поднялся, мы уж думали все, пропал наш князюшка.

— Живой, спасибо, что вы вовремя подоспели. Они на штурм пошли, выручать наших надо, поторопитесь ребята.

Подгоняемое своими начальниками небольшое войско быстро двинулось на помощь отчаянно сражающемуся гарнизону острожка. Неожиданная, яростная атака, сопровождаемая пальбой из пищалей, обратила орду мохоков в повальное бегство. Теряющая десятки воинов нестройная человеческая масса докатилась до выдвинувшегося было к месту боя засадного отряда, и заразив его паническими настроениями, устремилась дальше. Возле вытащенных на берег каноэ произошла давка, увеличившая и без того солидные потери агрессоров. Разгром был полный. Остатки вражеского воинства, наконец разместившиеся по суденышкам, активно работая веслами, улепетывали вверх по реке, оставив победителям убитыми, ранеными и пленными почти две сотни своих соплеменников.

ГЛАВА 19

Хождение за три моря

Утром 20 апреля 1502 года, стоя на юте «Северной Звезды» Ляшков смотрел на медленно тающий в тумане берег, и вспоминал, как почти год назад они впервые ступили на эту землю. С тех пор многое изменилось. Люди, которых поначалу пугало и настораживало все в новом для них мире, постепенно обживались, обустраивались, приглядываясь к окружающему их богатству. К весне в семьях колонистов появилось первое пополнение. На прошлой неделе благополучно появился на свет и наследник в недавно образовавшемся семействе Емелиных.

Егор улыбнулся, вспомнив первую свадьбу сыгранную здесь. Венчание было проведено без особой помпы, однако сопровождалось множеством магических обрядов. Перед женихом и невестой разметали дорогу по церкви веником, под ноги им расстилали платок, чтобы избежать «голой жизни». При этом по настоянию сваты, роль которой играла Настена Титова жених и невеста старались наступить друг другу на ногу. Поскольку Ленка успела это сделать первой, посчитали, что она и будет «иметь верх» в семье, в чем собственно никто из присутствующих и так не сомневался. Стоя перед венцом, невеста по требованию отца Федора крестилась «покрытой» то есть не голой рукой, чтобы богато жить.

В церкви при обряде присутствовали только самые близкие друзья, но когда молодожены вышли на площадь, встречала их там огромная толпа. Едва по городу прокатился слух о свадьбе все население форта независимо от вероисповедания и национальности, собралось у церкви, чтобы поздравить или хотя бы поглазеть на молодых. Последовавший за этим трехдневный свадебный пир перерос во всенародные гуляния и практически положил конец имевшимся у поселенцев запасам спиртного. Кульминационным моментом гуляний на Княжьей горке, стала похабная русско-немецкая песня в исполнении дуэта пьяных до изумления святых отцов, и участие крайне нетрезвых жениха и его дружек в ритуальном свадебном танце индейцев махгикан, делегация которых присутствовала на празднике.

Только утром четвертого дня, пришедшему в себя князю удалось волевым решением пресечь поползновения подданных продолжить банкет, и вернуть жизнь колонистов в нормальное русло.

В синей дымке таяли серые очертания законченных, отделанных камнем бастионов Южной крепости. За истекшие месяцы столица нового княжества значительно отстроилась, обзавелась мощными укреплениями в виде земляного вала с косым острогом по верху и шестью выдающимися вперед приземистыми двухэтажными срубами башен. На верфи расположенной в западной части острова артель Фомы Сухарева готовила к спуску на воду небольшую лодью. Примерно через месяц ватага Афанасия должна была направиться на ловлю трески к Ньюфаундленской банке.

На нескольких хуторах, уютно расположившихся на правом берегу Благодатной, крестьяне готовились корчевать выделенные под пашни куски леса. Увы, отсутствие тягловой силы серьезно тормозило этот процесс.

Прошедшая зимовка хотя и была достаточно тяжелой, но против ожиданий обошлась без жертв, среди поселенцев. Благодаря тому, что удалось собрать неплохой урожай овощей, цинга, бич колонистов в северных широтах, обошла наших героев стороной. Немало

способствовала этому и помощь махгикан. Конечно, много уделить из своих скудных запасов туземцы не могли, но их содействие в снабжении свежим мясом и рыбой было поистине неоценимым.

После памятного сентябрьского сражения, и удачного зимнего похода во владения мохоков вожди нескольких махгиканских деревень признали власть бледнолицых. В обмен на гарантии военной помощи при нападениях соседей, новые подданные, коих насчитывалось уже четыре поселения, самым большим из которых была, уже известная читателю Чернышовка должны были платить князю ежегодный оброк в размере десятой части выращенного урожая и добытой дичи. Внутренние вопросы в туземных селениях решались, как и прежде советами вождей и старейшин, насильно менять жизненный уклад и традиции аборигенов пришельцы пока не стремились. Единственным исключением стал призыв, двух десятков индейских юношей на службу в гвардейский полк. Вначале этот пункт договора вызвал панику среди новонабранных рекрутов, но после того как им была выдана одежда, снаряжение и железное оружие как у белых, «шкурные» интересы перевесили страх неизвестности и проблема была частично решена. Свежеиспеченные стрелки проходили обучение в Кенигсберге. Среди соплеменников, время от времени наезжавших в город, новоявленные солдаты прослыли сказочными богачами. Правда, тяжело пришлось унтер-офицерам. Им пришлось изрядно помучиться, чтобы привить своим новым подчиненным хотя бы первичные навыки владения европейским оружием, не говоря уже о дисциплине, о которой сии наивные дети природы имели весьма отдаленное понятие.

Приятным известием стало появление в казенной торговой лавке Чернышевки делегации делаваров. Индейцы с удовольствием меняли не очень практичные и нужные бобровые и куны шкурки, а также рассматривавшийся как лакомство и баловство кленовый сироп, на гораздо более полезные в хозяйстве скобяные и текстильные изделия. Таким образом, на складах Форта Росс, удалось создать запасы вожделенного для ожидаемых со дня на день, ганзейских купцов сахара, а трюм уходящей в Европу «Северной звезды» был забит «мягким золотом». Причем почти половина товара была получена в качестве ясака с побежденных мохоков.

Январь не зря был выбран самым подходящим временем для ответного визита к соседям. Когда двадцатиградусный мороз и выпавший снег сделали из реки достаточно удобную дорогу, Егор мобилизовал на военную службу все имеющееся в наличии поголовье лошадей. Плотники смастерили трое легких саней и два отделения стрелков, возглавляемые Корневым, в сопровождении полусотни туземных союзников на плетенных из ивовых ветвей снегоступах, были направлены в карательную экспедицию. Не ожидавшие подобной выходки врага ирокезы как выяснилось, были не готовы к оказанию какого либо сопротивления и после нескольких коротких стычек поспешили сдаться на милость победителя. По условиям заключенного мирного договора побежденные становились данниками «большого белого вождя» и обязались каждую весну выплачивать ясак мехами и сахаром. Со своей стороны пришельцы пообещали, что будущим летом в верховьях реки Благодатной будет построена фактория, в которой мохоки смогут беспрепятственно приобретать колониальные товары.

Ляшков решил идти в Европу, не дожидаясь прибытия ганзейцев, поскольку меховую торговлю он планировал вести самостоятельно без посредников. Помимо экипажа на каракке разместились двое гэбэшников во главе с Арунасом, Валдис и новгородец Охрим, составлявшие группу захвата. Кроме того, для охраны судна и силового обеспечения

операции было привлечено отделение стрелков.

Подгоняемая попутным ветром «Звезда» держала курс на восток к побережью Франции. По истечении сорока двух дней пути судно отшвартовалось в порту Ля Рошели и пополнив запасы воды и продовольствия направилось на юг, огибая побережье Пиренейского полуострова. Наконец по левому борту показались обрывистые скалы Геркулесовых столбов и пройдя около 15 миль против приливного течения каракка достигла Средиземного моря.

Прошло еще несколько дней, прежде чем монотонная безмятежность путешествия была нарушена воплем вахтенного матроса.

— Парус на горизонте — на пороге кормовой каюты возник Валдис.

— Какой парус — подпрыгнул мирно дремавший на рундуке Егор.

— Ваша милость, на горизонте корабль, направляется в нашу сторону, господин капитан- командор отдал приказ привести «Звезду» в боевую готовность.

Действительно палуба судна наполнилась топотом десятков ног и резкими выкриками команд. Подхватив пояс с оружием Ляшков выскочил за дверь, и взлетев по трапу очутился рядом с Константином, внимательно разглядывающим в бинокль видневшиеся в дали белые точки парусов.

— Что там?

— Похоже, в нашу сторону направляются две галеры. Ну вот, а то я уже начал было переживать. В книжках читал, что эти места должны буквально кишеть мусульманскими пиратами, а мы так ни одного не видели до сих пор. Теперь все становится на свои места, как у нормальных людей — мрачно пошутил Щебенкин.

— А может это и не пираты вовсе.

— Они это, я с некоторых пор неприятности нижней частью организма чувствую. Ганс, в оптику посмотри, что ты можешь сказать вон о тех корытах.

Шнитке некоторое время разглядывал очертания приближающихся судов, а потом сообщил, что первым идет неф вероятно генуэзской постройки. Следом за ним примерно в полукабельтове движется мавританская галера. Оба корабля по случаю слабого ветра идут на веслах и через пару часов должны настигнуть практически обездвиженную каракку. Старый морской волк поспешил успокоить друзей, заявив, что волноваться не о чем. По всей видимости, генуэзцы захватили в плен пиратскую посудину и тащат ее «на буксире».

На «Звезде» объявили отбой тревоги, и экипаж занялся своими делами. Только Костя которого не оставляли плохие предчувствия продолжал время от времени поглядывать на приближающиеся суда. Примерно через час, он снова окликнул Егора, протягивая ему бинокль:

— Иди, глянь на шканцах нефа. Это, что так и должно быть?

Сильная немецкая оптика услужливо приблизила искомую цель, и Ляшков удивленно присвистнул. У румпеля генуэзского корабля стоял пузатый чернокожий детина одетый только в широчайшие шаровары и шишак, обмотанный белой тканью чалмы. За широким алым поясом торчал устрашающего вида кривой нож. Через пару минут его заменил худой бородатый мужик, наряженный в европейского вида одеяния, и мавр быстро спустился вниз. При более подробном рассмотрении на борту нефа стали хорошо заметны следы недавнего артиллерийского боя, сбитая стенга, проломленный в нескольких местах планшир фальшборта

Непродолжительное время капитан переваривал полученную от Егора информацию, внимательно разглядывал палубу торговца, а затем разразился серией команд вперемишку с

проклятиями и забористой морской бранью. Палуба каракки вновь наполнилась беготней матросов и канониров.

Теперь даже неискушенному в морском деле Ляшкову стало понятно, какая опасность им угрожает. Однако судьба, и научно-технический прогресс в виде старого емелинского бинокля благоволили нашим героям, позволив вовремя разглядеть хитрую ловушку, приготовленную врагами. Увы, никакой возможности уйти от преследования у надежно заштилевшей «Северной Звезды» не было, нужно было принимать бой.

Постепенно суэта на корабле улеглась. Палубные матросы заняли свои места. Готовые к бою канониры напряженно застыли у орудий. За высокими бортами спрятались стрелки с заряженными пищальми. Потянулись томительные минуты ожидания. Вскоре приближающиеся суда можно было хорошо рассмотреть уже невооруженным глазом. Когда расстояние сократилось до трех кабельтовых, на галере ударом топора обрубил связывающий корабли канат, и она стремительно набирая ход, стала обходить «Звезду» с правого борта. Неф также прибавил «оборотов» и начал заходить слева, беря кажущуюся беспомощной добычу в клещи.

Выждав удобный момент, притаившийся за фальшбортом Ляшков, резко опустил руку. По его молчаливому сигналу, оба борта «Северной звезды» украсились огненными цветами выстрелов. Сноп картечи рассерженными осами пронесся над низкими бортами галеры, сметая приготовившихся к abordажу пиратов и поражая сидящих у противоположного борта прикованных к веслам, беспомощных гребцов. С высокого шкафута «Звезды» Егору хорошо было видно, как железный град буквально выкосил приготовившийся было к стрельбе расчеты расположенных на баке вражеской посудыны кулеврин. Рев бомбард заглушил крики раненых и умирающих, а затем раздался треск ударившихся бортами судов. С палубы нефа, abordажная команда которого хотя и была несколько прорежена залпом из шести орудий правого борта, но пострадала значительно меньше, посыпались десятки яростно вопящих врагов. Нахлынувшую толпу встретил дружная пальба из десяти пищалей. Поле боя покрылось густыми клубами порохового дыма, в котором слышался лязг железа и вопль сотни дерущихся людей. Внезапно из этого облака на верхних ступенях трапа появился пират, размахивающий кривым широким клинком. Не долго думая Ляшков рубанул мечом поперек бородатой, дико оскаленной рожи и вслед за падающим трупом кинулся вниз. Оттолкнув его, вперед со свирепым ревом устремился машущий словно косой, своей любимой совней, здоровяк Валдис. Позади пыхтел и тяжело топал Щебенкин, вооруженный тяжелым палашом. Внизу к ним присоединился умело работающие клинками Арунас и двое его парней. Тем временем нападающим уже практически удалось захватить палубу. Только у грот-мачты, встав спиной, друг к другу, держались четверо матросов и Охрим с хаканьем, как заправский лесоруб, работающий огромным боевым топором. Спрыгнув вниз, Егор ткнул в живот зазевавшегося бородача в легкой кольчуге, и отпихнул ногой оседающее тело, освобождая клинок. С диким визгом к нему подскочил мелкий, но до ужаса вертлявый молодой араб, кривая сабля сверкала в его руке как молния. Ляшков, едва успевал отражать, сыпавшиеся на него казалось одновременно и со всех сторон удары. Положение спас Арунас, мимоходом отрубивший ловчаку свободную руку. С воем, зажимая обрубок, из которого струей хлестала кровь, тот упал на колени, а потом закатил глаза и завалился набок. Обнаружив перед собой чью то смуглую голую спину, парень ударил поперек нее мечом и оказался лицом к лицу с тяжело дышащим, залитым чужой кровью Охримом, и двумя все еще остававшимся на ногах его товарищами. Под ноги подкатился живой клубок сплетенных

человеческих тел. Это Костя, отбросив оружие, сцепился в объятиях с тем самым чернокожим толстяком, которого они видели раньше на шкафуте нефа. Некоторое время противники катались по палубе, хрипя и ругаясь каждый на своем языке, пока новгородец не улучшил момент и не тюкнул негра по бритому черному затылку обухом топора.

Вдруг, со стороны полубака раздался резкий выкрик команды и одновременно блеснул десяток бердышей. Собравшиеся вместе и сообразившие некоторое подобие правильного строя гвардейцы, стремительно расчищая себе путь, двинулись вперед, увлекая за собой оттесненных было на бак оставшихся в строю канониров и палубных матросов. Совместными усилиями удалось очень быстро переломить ситуацию и остатки мавров были окончательно выбиты с палубы каракки. Десятка полтора уцелевших моряков и стрелков во главе с Охримом, в горячке боя перескочили на палубу нефа продолжили истребление спасающихся бегством немногочисленных врагов.

Тем временем на палубе галеры кипела отчаянная схватка. В переполохе, последовавшем, за обрушившимся на нее с палубы «Звезды» ливне картечи, части гребцов удалось вырваться на свободу и обзавестись оружием. Горстка смельчаков атаковала не пришедших в себя после убийственного града мучителей и на некоторое время отвлекла на себя внимание пиратов, не позволив им прийти на помощь товарищам, погибавшим на борту каракки. Однако силы были явно не равны, и взбунтовавшиеся рабы медленно отступали на полубак. Жилистый, худощавый, дочерна загорелый мужик с крючковатым носом и медным крестиком на шелковом гайтане ловко орудовал двумя трофейными саблями, прикрывая отход своих собратьев. На него наседали сразу трое противников, но они ни как не могли пробиться через сплошную стену из стали. Клинки со звоном ударялись и отскакивали, плетя изящное смертоносное кружево.

— Костя тащи ствол — рявкнул Егор, с трудом отрывая взгляд от завораживающей картины схватки.

Сзади раздался топот и рядом «нарисовались» Щебенкин и один из гвардейцев с пищалями, третью приволок верный телохранитель.

— Валдис бегом, найди Арунаса. Собирайте всех, кто может драться и сюда. Выручать надо мужиков, а это мне давай — скомандовал Ляшков, отбирая у парня огнестрел.

В спину сражающимся на палубе галеры пиратам слитно грохнул залп, за которым последовала атака десятка бойцов, всех, которых удалось собрать на палубе «Звезды». Получив помощь, бывшие пленники руководимые крюконосым, приободрились и прекратив пятиться в свою очередь усилили натиск. У попавших между двух огней мавров практически не оставалось никаких шансов, и вскоре с ними было покончено. В плен никого не брали, да собственно сдаваться никто и не собирался.

Переводя дыхание, Егор с любопытством разглядывал сгрудившихся на полубаке и бросающих настороженные взгляды неожиданных союзников.

— Давно с Дону — православный? — поинтересовался он у их хмурого вожака, который так и стоял, крепко сжимая рукояти сабель.

— Слава тебе господи, неужто свои — перекрестился тот — да уж больше года, как у басурман в плену маюсь боярин.

— Ну пойдем, потолкуем, да своим скажи, чтобы не дергались, худого мы никому не сделаем. Пусть остальную братву освобождают пока, а там решим, как дальше быть.

— Как звать то тебя, казаче — спросил Ляшков, поднявшись с новым знакомцем на шкафут галеры.

— Прохором кличут, а еще Кольцом, серьга золотая в была, да поганые вместе с ухом едва не ободрали. А ты боярин, откуда будешь? Не могу по говору понять. Не то с Московии, али из Литвы?

— О том, откуда я, это позже расскажу. Ты мне вот о чем поведай, среди гребцов, земляков твоих много?

— Дак нету земляков, то — озадачился вопросом казак — литвин есть, ляхов двое, рязанский один был, царство ему небесное. А то все франки, фрязины да другие немцы всякие, и магометане тоже есть. Да, диких трое, язычники, черные, что твой деготь, но силушкой господь хлопцев не обидел. А вот с головой шибко плохо у них, по людски совсем не понимают.

— А дальше то, что делать будете? Мы силой никого держать не собираемся, отдадим вам галеру да идите с богом. Вот только у меня предложение есть. Потери у нас большие, люди нужны. Ты поговори со своими? Может в команду на «Звезду» желающие найдутся? Жалованием и кормежкой не обидим.

— Погутарить, то можно — степенно заметил Прохор — да только об чем? Я же не знаю кто вы? Куда путь держите? Чего людям то сказывать?

— Купцы мы. Идем с товаром в Венецию. Издалека идем. Расторгнемся там, а дальше видно будет.

— Так значитца на том и порешим боярин. Пойду я.

— Давай, как закончишь, найдешь меня на каракке.

Вернувшись на свой корабль Егор застал Шнитке с перевязанной головой, но по-прежнему деятельного и крикливого. Под его чутким руководством остатки команды в авральном порядке приводили судно в надлежащий вид. В ходе боя погибло двенадцать из сорока членов экипажа «Северной звезды», еще четырнадцать были ранены, из них шестеро «тяжелых», четверым из которых, скорее всего, грозила смерть. Гвардейцы также потеряли одного бойца убитым и еще двоих ранеными, к счастью не тяжело.

Щебенкин вместе с Охримом и группой стрелков находились на палубе нефа, изучая доставшийся трофей. К нему подошел как всегда хмурый и сдержанный Арунас, подталкивая впереди себя невысокого, круглого как колобок человечка, в изрядно потрепанной, но сохранившей следы бывшего богатства одежде.

— Вот ваша милость, в трюме нефа нашли людей, а этот главный у них — доложил жмудин.

— Кто вы? — сделав суровую физиономию, грозно спросил Ляшков.

— Позвольте представиться — Джузеппе Пальцонне, негоциант из славного города Генуи — отрекомендовался толстяк — следовал вот на этой, принадлежащей мне старой посудине из Испании с грузом меди. Но к несчастью мы не смогли уйти от проклятых магометанских дьяволов, и попали в плен. Божественный промысел и счастливая судьба послали нам чудесное спасение в вашем лице...

— Хорошо синьор Пальцонне, я согласен вернуть вам ваше судно и весь груз, но взамен прошу оказать мне одну услугу — прервал Егор славословия генуэзца.

— Я весь внимание синьор э, э...

— Блад, Георг Блад.

— Да, да, я готов всеми силами помочь вам синьор Блад.

— Прощу, пройдемте в каюту. Вам приходилось бывать в Венеции?...

После примерно часовой беседы из каюты выкатился донельзя довольный торговец,

продолжая горячо увещевать собеседника:

— Ни в коем случае синьор не сбавляйте цены на ваш товар ниже той суммы, что я назвал. Эти пройдохи из братства Морозини будут всеми способами пытаться сбить цену, но вы стойте на своем. Поверьте мне, они достаточно богаты, чтобы уплатить нужную сумму и все равно выиграют на этом деле гораздо больше.

— Благодарю вас синьор Джузеппе. Надеюсь, мы еще не раз сможем быть полезны друг другу.

— О да, Пальцонне не забывает добра, когда вы будете в моей прекрасной Генуе, двери моего дома будут всегда открыты для вас. Прощайте друг мой и помните, вы всегда можете рассчитывать на мою помощь.

— Счастливого пути синьор. Желаю вам больше не попадать в подобные передраги.

Расставшись со словоохотливым купчиной, Ляшков поднялся на шкафут где застал Щебенкина и новгородца неторопливо беседующих с Прохором. Как выяснилось, следовать в Венецию вызвались 18 бывших гребцов. Разглядывая собравшийся на палубе «Звезды» оборванный, но вооруженный до зубов трофейным оружием интернационал Егор качал головой. В его распоряжение попали: венецианец, литовец, два поляка и чех. Кроме того, к ним присоединилась пара французов и один испанец, которым по каким-то причинам было противопоказано появление на исторической родине. Почти все остальные были мусульманами, которым по большому счету было все равно куда отправляться. Убедившись, что новый хозяин не собирается в срочном порядке крестить их, эти ребята изъявили желание преданно служить новому господину. Ну и в конце строя скромно примостились три дегтярно-черных африканца, которые ни фиги не понимали «по людски», но скалились крайне дружелюбно и были готовы моментально и беспрекословно выполнить любую порученную им работу. Остальные их товарищи по несчастью, как пояснил Прохор, вознамерились на великодушно подаренной им пиратской посудине следовать в недалекий Марсель. Откуда собирались разойтись по домам. Сам казак решил также идти со своими спасителями, поскольку, как он заявил: «... мужики сказывали, с той Венеции, мне до дому ближе добираться будет».

Вот с этой пестрой командой «Северная звезда» и продолжила свой путь, который обошелся без дальнейших приключений.

ГЛАВА 20

В которой герои вновь играют в шпионские игры

Богатейший и цветущий город-республика встретил гостей лазурью моря и бездонной синевой чистого неба, столпотворением судов у причалов, пестротой лиц и нарядов. «Звезда» встала на рейде, и в ее комовой каюте собрался совет, на котором кроме пришельцев присутствовал только Арунас.

— Ну вот, что — начал Ляшков — мы достигли промежуточной точки маршрута. Дальше действуем по следующему плану. Ночью меня вместе с Валдисом, Арунасом, двумя его ребятами, венецианцем Паоло, и всеми нашими неграми ялик высаживает в городе. Утром вы входите в порт, общаетесь с таможенной или кто там у них есть и занимаете место у причала. Дальше все как уговорились. Костя, ты и Охрим представляетесь купцами. Ведете торговые переговоры, продаете товар, по цене мы определились, вам Ганс поможет. Встречаемся в таверне «Веселый моряк» через два дня, найдете сами, расспросите местных. Наша часть операции секретная, вы нас не знаете, мы вас не знаем. Передаете нам часть денег и следуете дальше в Кафу. Только Костян я тебя прошу, води себя благоразумно. Ты парень горячий смотри не влезь, в какую ни будь историю. Выкупаешь рабов, Прохор подскажет, что и как. Потом грузитесь и возвращаетесь обратно. Думаю, к вашему возвращению мы уже управимся. Если нас не будет, выходите на связь с Паоло, все инструкции будут у него.

— Один вопрос командир — поднял руку Щебенкин — почему именно эта таверна?

— Она принадлежит двоюродному дяде нашего венецианца.

— Ты думаешь, ему стоит доверять?

— Да, сообщаю тебе по секрету, поскольку ты еще не раз сюда будешь хаживать. Паоло дал согласие работать на нашу разведку. На часть вырученных денег мы приобретаем небольшое поместье в окрестностях города и оборудуем там перевалочную базу. Формально она будет принадлежать итальянцу, но чтобы он не вздумал глупить, при нем будет находиться Янис — один из гэбэшников. Парень толковый, я его более или менее азам оперативной работы научил, дальнейшее ему придется постигать на практике. Будет играть роль компаньона, ну заодно и мозгового центра. В качестве прислуги и охраны с ними останутся трое наших чернокожих. Легенда для легализации разработана. Будут собирать информацию торгового и политического характера, подыскивать специалистов для вывоза в Америку. Знать об этом будет ограниченный круг лиц: мы с тобой и Арунас, ну и естественно Емелин. Еще вопросы есть?

— А вы, что делать будете?

— Тебе это знать пока не надо, ты главное свою работу делай. Все мы пойдем готовиться к высадке, а ты поговори с Охримом, только ни во что его не посвящай.

На залив опустилась темная и ранняя, южная ночь. От левого, невидимого из города борта каракки тихо отделился ял. Пользуясь темнотой, под аккомпанимент шелеста волн и едва слышный плеск обмотанных ветошью весел суденышко устремилось к берегу.

Выпрыгнув первым на теплые, нагретые дневным, ласковым солнцем камни причала Егор огляделся. Вокруг царила тишина, нарушаемая звуками моря, скрипом покачивающихся на волне судов. Парень негромко свистнул, давая сигнал своим спутникам. Небольшой отряд быстро высадился на берег и скрылся в черноте одной из улиц. Никто так и не заметил

небольшой человеческой фигуры, серой тенью растворившейся на фоне глухой стены двухэтажного дома.

Ляшков «со товарищи» быстро двигались по темным улицам города ведомые венецианцем Паоло, не скрывавшим своей радости от того, что вновь оказался на родине.

— Ваша милость, за нами кто-то идет — доложил Валдис — жмудин говорит, что уже два раза замечал, человека, скрывавшегося в переулках.

— Арунас, возьми одного из своих ребят и вон Азиза, устройте в следующем переулке засаду, а потом нас догоните.

Повинуясь приказу, три бойца отделились от отряда и скрылись в небольшом переулке. Через несколько минут туда же бесшумно скользнула фигура мужчины в неприметном сером плаще с низко надвинутым капюшоном. Дальнейшее происходило в полной тишине. Столкнувшись нос к носу с противниками человек бросился было назад, но поняв, что окружен, прижался спиной к стене. Оказавшийся от него на расстоянии вытянутой руки гэбэшник получил удар кинжалом в бок. Завязалась короткая потасовка, точку в которой поставил Азиз, стукотом тьмы возникший за спиной шпиона и обрушивший на его голову удар короткой дубинки.

Через полчаса засадная группа нагнала основной отряд.

— Ну, что там у вас? — поинтересовался Ляшков.

— Один из моих парней ранен, у змеи оказалось слишком длинное жало. Чужака живым взять не удалось. Азиз — дубина перестарался.

— Ладно, пошли дальше. Паоло далеко еще?

— Нет, господин, уже почти пришли. Моя матушка будет рада.

Действительно минут через двадцать, венецианец уже стучался в дверь небогатого домишки.

Рассветное солнце золотило синие волны Адриатики. Высокий худощавый мужчина в черном колете с худым аскетичным лицом восседая в резном кресле, неторопливо поглощал скромный завтрак. Перед ним в поклоне согнулся невзрачный серый человек.

— Ну, что нового слышно в городе?

— В порт пришли новые купеческие суда, господин. Одно из них довольно интересное. Каракка фламандской постройки несет флаг, которого мне не доводилось видеть.

— Вот как?

— Да, синий Андреевский крест на белом фоне.

— Интересно, постарайся узнать, что за люди, какой товар привезли, откуда.

— Да мой господин. Еще ночью произошло три убийства, несколько ограблений...

Высокий господин вяло махнул рукой:

— Это мне не интересно. Больше ничего?

— Есть еще одна мелочь, господин. Я ночью был на рыбацкой пристани, своими глазами видел, как группа людей тайно высадился в городе. Эти тупицы из городской стражи просто проспали. Возможно, это просто контрабандисты, но я на всякий случай велел Жаколо проследить за ними.

— Труп твоего Жаколо нашли сегодня в канале. Вы стали плохо работать.

— Я найду этих людей мой господин.

— Хорошо, ступай.

Таверна «Веселый моряк» не относилась к числу заведений посещаемых «чистой», денежной публикой. Богатые купцы, законопослушные горожане и высокородные господа

предпочитали места поспокойнее. Зато пьяные матросы, портовые грузчики, нищие, и прочих подозрительный сброд чувствовали себя здесь как рыба в воде. Господин Карлуччио владеец сего учреждения платил щедрые отступные городским стражникам. Поэтому, а также во избежание некоторых неприятностей они предпочитали, как можно реже здесь появляться.

Трое хорошо одетых посетителей появившихся одним прекрасным днем на пороге таверны сразу привлекли внимание не только ее хозяина, но и пары оборванцев, сидевших в углу, пустого по случаю раннего времени, зала. Вошедшие прошли внутрь, огляделись вокруг, не скрывая брезгливости, и выбрав стол почище уселись за него, предварительно скинув со скамьи на заплесанный, грязный пол мирно храпевшего со вчерашнего вечера мертвеца пьяного грузчика. Один из них необычайно высокий, здоровый молодой парень окинул помещение презрительным взглядом и щелкнул пальцами, подзывая хозяина.

— Эй, уважаемый — на немецком языке крикнул его спутник, судя по виду, старый моряк — подай вина.

— Сию минуту господа — откликнулся трактирщик, подходя к гостям и вытирая руки таким же грязным и засаленным, как и все остальное в этой забегаловке, фартуком.

Третий из гостей невысокий русоволосый крепыш огладил небольшую только начавшую пробиваться бородку и окинув окружающую обстановку подозрительным взглядом недовольно буркнул, что-то на незнакомом языке.

— Что желают почтенные синьоры?

— Подай вина, только хорошего, и присядь с нами. У нас есть предложение, от которого ты не сможешь отказаться.

— Один момент синьоры — хозяин среагировал быстро, притащив пузатый кувшин и четыре глиняных кружки — клянусь мадонной это прекраснейший напиток из того, что вам доводилось пробовать.

«Прекраснейший напиток» на поверку оказался слабеньким кисленьким винцом. Однако, к чести трактирщика стоит заметить, что оно действительно было лучше той прокисшей гадости, которой он потчевал остальную, к слову сказать, менее притязательную публику.

Когда вино было выпито, здоровяк положил перед носом хозяина серебряную марку.

— Как тебе зрелище? — небрежно поинтересовался немец.

— Чудесно — радостно осклабившись закивал головой итальянец — господь свидетель я готов любоваться им вечно.

— Еще бы, за эти деньги мы вполне могли выпить бочку того пойла, что ты нам выставил — ухмыльнулся посетитель — так вот, если ты в точности исполнишь поручение, получишь еще одну такую же. Ну а если вздумаешь дурить, этой же ночью твой «Веселый моряк» сгорит вместе со всем своим содержимым. Как тебе наше предложение? Не правда ли, трудно отказаться?

— Синьоры умеют уговаривать — сглотнул слюну трактирщик, взглянув в мрачное лицо верзилы и встретив его тяжелый взгляд — почему-то я вам верю. Не извольте волноваться, поручение будет выполнено в точности. С такими хорошими клиентами мне лучше дружить.

— Я рад, что мы поняли друг друга — кивнул головой немец, и что-то сказал своим спутникам на том же непонятном языке.

Прошло примерно два часа после ухода странных посетителей. Зал постепенно начал заполняться завсегдатаями. К сидевшим в углу оборванцам присоединилось трое их

приятелей. Группа грузчиков заняла соседний стол, радостными криками приветствуя, потерянного вчера под ним товарища.

Появление двух новых персонажей не вызвало особого ажиотажа. Мельком глянув на очередных клиентов, синьор Карлуччио опытным взглядом определил в них парочку «солдат удачи», которые отнюдь не были редкими гостями в его заведении. Высокий, жилистый, молодой парень с украшенной старым шрамом, загорелой физиономией и крепкий мужик средних с лет с пышными рыжими усами, одетые в неброские но добротные дорожные костюмы между тем прошли напрямик к стойке за которой властвовал трактирщик.

— Добрый день синьор Карлуччио — на ломаном итальянском языке, приветствовал хозяина рыжеусый — недавно у вас были наши друзья, и они кое-что для нас оставили.

— О чем вы говорите синьор? — сделал удивленные глаза венецианец.

— Возможно, вот это оживит вашу память — блестящий кругляш монеты покатился по столу и исчез в ладони трактирщика.

— О да я припоминаю, именно так вас и описывали ваши друзья — оживился старый пройдоха. Он достал из под стойки увесистый сверток, тщательно упакованный и запечатанный восковой печатью с изображением кленового листа — вот это они велели передать высокому синьору со шрамом.

— Благодарю вас — сдержанно кивнул наемник, забирая сверток — с вами приятно иметь дело.

— Буду рад видеть вас в своем заведении синьоры — приторно улыбнулся хозяин трактира.

Незнакомцы двинулись, было к выходу, но дорогу им преградил один из оборванцев. Он был уже изрядно пьян, и поэтому довольно нахален.

— Одну минутку синьоры, неужели вы не угостите пятерых хороших парней? Вы так щедро разбрасываете серебро, очевидно пара лишних монет для нас у столь богатых господ всегда найдется — развязно заявил он под одобрительные ухмылки своих собутыльников.

— Пшел прочь негодяй — рыжеусый с брезгливой миной небрежно оттолкнул оборванца в сторону.

Это послужило сигналом, четверо приятелей наглеца вскочили из-за стола и бросились в драку. Дальнейшие события показали, что отнюдь не всегда численный перевес играет решающую роль. Первого из атакующих Егор «выключил» мощным прямым в челюсть. Его напарник, подхватив со стола обалдевших от такого поворота событий грузчиков кружку с вином, разбил ее об голову второго бандита. А затем, уцепив бесчувственно оседающую тушку за шиворот и штаны, отправил его в непродолжительное путешествие вдоль стола. Раздался грохот падения тела и звон разбитой посуды. Столь фривольное обращение с выпивкой и закуской вызвало справедливое недовольство портовых тружеников, которые с восторгом присоединились к потасовке, не особо «фильтруя» противников.

Один из них занял позицию в тылу и принялся с методичностью осадного орудия метать в гущу сражения разнообразные предметы, попадающиеся под руку. Однако, поскольку сам «стрелок» ни мало не был озабочен выбором целей, один из его коллег и пал первой жертвой «артобстрела». Он растянулся на полу, получив по хребту тяжелым деревянным табуретом. Зачинщик драки был сражен наповал прямым попаданием в голову, чудом уцелевшего при падении со стола, глиняного кувшина. Остальные бойцы под градом летящего в них хозяйского добра вынуждены были рассредоточиться, и искать укрытие. К счастью «боеприпасы» быстро закончились, и грузчик с боевым кличем ринулся в

рукопашную, которая впрочем, завершилась довольно быстро. Набегающего противника Ляшков встретил ударом ноги в грудь. Поражение его довершил Арунас, хорошенько приложив атакующего предусмотрительно отломанной от перевернутого стола ножкой по затылку. Поле боя осталось за нашими героями, только в углу катались по полу, старательно охаживая друг друга кулаками еще двое драчунов. Любящий порядок жмудин завершил «операцию по принуждению к миру», успокоив их двумя точными ударами своего грозного оружия. Вежливо раскланявшись с робко выглядывающим из-под стойки трактирщиком, победители неспешно и с достоинством покинули злополучное заведение.

Серая лента дороги легла среди холмов поросших тенистыми оливковыми рощами и густыми виноградниками. Едущий впереди на норовистой саврасой кобылке Ляшков с огромным интересом разглядывал их сочную веселую зелень и прячущиеся в ней постройки. Общую благостную картину цветущей природы северной Италии, портили время от времени попадающиеся на глаза следы недавних боевых действий. Позади, негромко насвистывая какой то мотивчик, рысил Арунас на довольно крепком гнедом мерине. Валдис, мерно покачиваясь в такт неспешного движения своего смиренного и сонного мула, завершал походную колонну. Вышеозначенные животные, приобретенные за достаточно приемлемую цену на рынке в Венеции, отдохнув, и как следует, откормившись в уютных конюшнях недавно приобретенной виллы Паоло, неторопливо, но уверенно несли своих седоков во Флоренцию. Время близилось к вечеру, и это обстоятельство заставило наших путешественников в срочном порядке заняться поисками ночлега. За отсутствием более подходящих вариантов в качестве такового была избрана полуразрушенная каменная постройка на вершине небольшого холма, метрах в двухстах от проезжего тракта. Некогда очевидно здесь располагалась процветающая таверна, но прокатившаяся по здешним краям война не пощадила ни здания ни его хозяев. Выбрав более или менее уцелевший угол, путники развели костер. Жмудин доставал из мешка нехитрую снедь, а Валдис принялся расседлывать и кормить лошадей. Егор отошел к узкому оконному проему и стал наблюдать за дорогой. Появление на ней двух новых персонажей вызвало у него определенную настороженность. Тем более, что, заметив дымок костра, незнакомцы свернули к развалинам, недвусмысленно выражая намерение, присоединится к компании.

— Добрый вечер синьоры — обратился к ним итальянец лет тридцати, спешиваясь и ведя в поводу серого мула — не откажите в гостеприимстве двум усталым путникам.

— Кто вы, и что вам надо? — не очень вежливо поинтересовался Арунас на своем жутком итальянском.

— Лодовико ди Вартема, к вашим услугам синьоры — весело откликнулся незнакомец — возвращаюсь из вечного Рима домой в прекрасную Венецию, а это мой старый слуга Николо.

— Проходите и держите руки подальше от оружия — хмуро предупредил осторожный жмудин.

Надо сказать, что предупреждение было не лишним, поскольку пояс новоприбывшего оттягивали ножны шпаги с изящной гардой и примерно метровой длинны клинком. У седла ведомого слугой мула был приторочен небольшой арбалет. Вошедшие разместились у огня, и получив приглашение присоединились к трапезе, сопровождавшейся светской беседой

— Я покинул Вечный Город, поскольку не сметлив и совершенно не расположен учиться по книгам — рассказывал ди Вартема — на мой взгляд, лучше собственными глазами увидеть различные места этого мира, ибо свидетельства даже одного очевидца стоят больше

чем все разговоры, вместе взятые, основанные на легендах и слухах.

— Мудрая мысль — кивнул Ляшков, когда Арунас перевел ему слова итальянца — и куда вы намерены направить свои стопы?

— Хочу навестить мою веселую Венецию — мечтательно улыбнулся собеседник — а после, попытаюсь устроиться на службу, к какому ни будь владельческому синьору или богатому купцу. Для путешествий нужны деньги, а у вашего покорного слуги, увы, они водятся не часто.

— Как вы думаете, синьор Лодовико, путешествие по этим дорогам таит в себе много опасностей? — поинтересовался Егор — проезжая мы видели множество следов прошедшей здесь не так давно войны.

— О да — оживился словоохотливый венецианец — еще совсем недавно по здешней земле огнем и мечом прошли солдаты Чезаре Борджиа, и только вмешательство французского короля спасло Флоренцию от захвата и разграбления. Кстати сейчас монсеньор Борджиа стоит лагерем возле Ареццо. Когда я въезжал во Флоренцию, к нему направлялась делегация во главе с синьором Макиавелли. В его свите я познакомился с весьма интересным господином. Зовут его Леонардо да Винчи. Говорят, монсеньор пригласил этого да Винчи на службу в качестве инженера, чтобы построить крепость в Пьомбино...

— Ваша милость — прервал беседу голос Валдиса — у нас новые гости.

На дороге действительно показалось около полутора десятков до зубов вооруженных людей.

— Интересно кто бы это мог быть? — пробурчал Ляшков, разглядывая бодро топчущих дорожную пыль вояк — бандиты?

— Скорее дезертиры — поправил его Арунас — или отряд, какого ни будь здешнего синьора. Слишком хорошо вооружены. Боюсь государь, в обоих случаях нам добра от них ждать не приходится.

— И то верно. Валдис доставай из поклажи пицаль и тащи ее сюда.

— Похоже, будет драка синьоры — жизнерадостно заметил неунывающий итальянец — я вижу вам не впервой попадать в такие переделки.

— В таких, еще не бывали — хмуро буркнул жмудин, не отрываясь от оконного проема.

От остановившейся на тракте толпы между тем отделилась пара человек и приблизилась к развалинам. Один из них сложил ладони рупором и что-то прокричал.

— Чего ему надо? — поинтересовался Егор, заряжая принесенную телохранителем пицаль

— Предлагает отдать лошадей и все добро, и убраться на все четыре стороны.

— А больше ничего не хочет?

— Вроде нет.

— Переведи, если они пройдут мимо, так и быть, мы никого не будем убивать.

Ответ, почему-то очень не понравился грабителям и они, отступив в заросли на другой стороне дороги, принялись совещаться, очевидно, обдумывая план атаки.

Первый залп из трех аркебуз не нанес никакого вреда обороняющимся. К счастью, они вовремя успели заметить характерные дымки, поднимающиеся над кустарником, и укрыться в развалинах. Однако под прикрытием стрелков, десятку их товарищей удалось преодолеть половину отделяющего их от вожаков добычи расстояния. Ответным выстрелом Ляшкову удалось уложить двоих противников поднимавшихся по склону холма, ранив

одного и убив наповал другого, и заставить остальных рассыпаться и попрятаться за камнями. Еще один имел неосторожность высунуться из своего убежища и тут же получил в грудь арбалетный болт. Увы, это был последний выстрел сделанный стариком Николо, в следующий момент пуля снесла ему пол головы. Под прикрытием нового залпа атакующие практически достигли вершины холма, и очередной выстрел Егор произвел уже в упор. Весь заряд принял на себя здоровяк в помятой кирасе. На дистанции в один метр жребий буквально разорвал его пополам. Ворвавшийся разбойник со звоном скрестил клинок со шпагой ди Вартема. Следующему, Валдис проломил череп ударом моргенштерна. Разрушенный двор бывшей таверны наполнился звоном оружия. Нападавшие, хотя и оказались опытными бойцами, встретили не менее опытных противников. При этом они практически лишились своего единственного козыря, численного преимущества, а сидевшие в кустарнике аркебузиры не могли поддержать их огнем из опасения поразить своих товарищей.

Не прошло и пары минут, как Арунас ударом палаша наискосок рассек грудную клетку своего оппонента. Примерно в это же время шпага оказавшегося неплохим фехтовальщиком итальянца проткнула бок второго. Трое уцелевших атакующих оставшись в меньшинстве, поспешили ретироваться. Выскочить же за полуразрушенную ограду удалось только одному. Остальные двое пали под ударами моргенштерна Валдиса и пищали Ляшкова, который использовал свой разряженный огнестрел, как достаточно длинную и увесистую дубину. Однако когда наши герои сунулись, было преследовать бежавшего врага, выстрелы снизу быстро заставили их вернуться в укрытие. На некоторое время между осаждающими и осажденными возникла патовая ситуация. Обе стороны засели в своих укрытиях и не решались высунуться. Наступившее в сгущающихся сумерках затишье нарушалось лишь стонами раненого, лежащего на склоне холма. Остальные два подранка были безжалостно добиты жмудином. Быстро наступившая ночь положила конец противостоянию. Воспользовавшись темнотой, оставшиеся в живых разбойники решили не искушать судьбу и поспешили скрыться.

Ночь прошла спокойно, даже позабытый своими товарищами бандит перестал стонать и причитать. Наступившее солнечное утро казалось, разогнало тревоги вчерашнего вечера, о событиях которого, однако, напомнили валявшиеся вокруг трупы. Похоронив несчастного Николо, путники стали собираться в дорогу. Егор положил руку на плечо стоящему возле свежей могилы итальянцу.

— Ну, что синьор ди Вартема, вчерашние события не охладили вашей страсти к путешествиям и приключениям?

— Увы, синьор Блад, как бы тяжела и опасна ни была жизнь путешественника, боюсь, что другой моя непоседливая натура просто не потерпит.

— Раз так, приедете в родной город, зайдите в таверну «Веселый моряк» и оставьте хозяину адрес, по которому вас можно будет найти. Думаю, я смогу предложить вам службу, которая в некоторой мере исправит ваше финансовое положение, а заодно утолит страсть к скитаниям и познанию мира. Прощайте синьор ди Вартема.

— Прощайте синьор Блад, не скрою, ваше предложение заинтересовало меня. До встречи в Венеции.

Распровавшись таким образом с новым знакомым, Ляшков даже не подозревал, что недавние события и его договор с Лодовико ди Вартема, лишили португальскую корону одного из самых перспективных ее шпионов, отодвигая таким образом на неопределенное

время захват португальцами колоний в Индии и падение торгового могущества Венецианской республики.

ГЛАВА 21

В которой рассказывается о том, к каким неприятностям иногда приводят, эти самые, шпионские игры

Ляшков очнулся в темном, сыром помещении, прислушался. Где-то гулким эхом отдавался звон и плеск от падения тяжелых капель воды, нестерпимо болела голова.

— Вот блин, дежавю что ли — страдальчески морщась, пробурчал парень — только в отличие от прошлого раза, теперь у меня связаны руки. Ну, это дело поправимое, ноги то эти придурки не связали.

Егор завозился, пытаясь перевести стянутые веревкой кисти рук в «переднее положение». Некоторое время было слышно шуршание соломы и пыхтение ворочающегося на ней узника. Потом раздался облегченный вздох.

— Ну, теперь живем. Осталось только развязать зубами узел, и руки свободны, тогда посмотрим кто кого. Зло берет, захотелось идиоту, в гордом одиночестве насладиться красотами города. Сам же с утра отправил Арунаса в таверну, а Валдиса в порт, встречать «Звезду», да еще радовался, что избавился от их опеки.

А ведь так все хорошо начиналось. После расставания с ди Вартема, Ляшков, обдумав полученную от венецианца информацию, решил, что вариант с вербовкой да Винчи в этом году отпадает. Вряд ли ученый пожелает менять место службы, за которую ему, скорее всего уже уплачено. Да и господин Борджиа, едва ли одобрит попытки переманить у него из под носа хорошего специалиста. А если учитывать недобрую славу и ставший притчей во языцех, злопамятный характер этого синьора и немногочисленность Егорова воинства, то лучше уж подождать год, когда Леонардо вернется во Флоренцию.

Придя к такому выводу, он дал команду поворачивать лошадей и двигаться в Падую. Необходимо было отработать запасной вариант, будущее светило астрономии, господина Коперника. По имеющейся весьма скудной информации в данный момент он изучал медицину в Падуанском университете.

Встреча состоялась через несколько дней после приезда в город, в небольшой таверне расположенной недалеко от университета. После недолгих расспросов и небольшой mzды, трактирщик указал на одиноко сидящего за столом мужчину приблизительно двадцати пяти лет отроду.

— Добрый день синьор, разрешите составить вам компанию? — вежливо приветствовал его Арунас.

— Прошу вас синьоры, буду очень вам признателен. Вы я вижу иностранцы? — приподнявшись, поклонился молодой человек.

Дальнейшую беседу вел Егор, используя жмудина в качестве переводчика.

— Да и в некотором роде ваши земляки, ведь вы господин Коперник если я не ошибаюсь?

— Он самый, к вашим услугам — несколько удивленно поклонился будущий великий ученый

— Я буду краток. У меня есть предложение, которое будет наверняка вам интересно как будущему медику и богослову. Ведь, насколько мне известно, на будущий год вы намерены защитить диплом богослова в Ферраре?

— Да, но откуда...? Кто вы? Человек или дьявол посланный мне во искушение? Никто

кроме меня не может знать о моих планах.

— Не переживайте синьор Коперник, я человек из плоти и крови, немного необычный но все-таки человек — улыбнулся Ляшков — да и для чего по вашему дьяволу может понадобиться ученый богослов? Для теологических дискуссий? А впрочем, я вам сейчас все расскажу, а вы решите, стоит ли принимать мое предложение.

По мере того как Егор рассказывал о жизни в новообразованном княжестве, о природе и богатствах дикого края, подозрительность и недоверие в живых глазах ученого сменялись любопытством, и каким то детским восторгом.

— Все, что вы рассказываете синьор настолько удивительно и интересно, что в это трудно поверить, я заинтригован — заявил он по окончании рассказа.

— А вы только представьте, какие перспективы открываются перед вами, целый мир открыт для познания и изучения. Кроме того, со своей стороны я обязуюсь всецело поддерживать и способствовать вашей научной деятельности в различных областях знаний-видя, что «клиент поплыл» продолжал «дожимать» Ляшков — предлагаю вам после сдачи экзаменов в Ферраре приехать в Венецию и оставить сообщение о своем приезде у хозяина таверны «Веселый моряк». Через него мои люди свяжутся с вами. И так я могу рассчитывать на ваше согласие?

— Да синьор Блад, со своей стороны я постараюсь ускорить процесс завершения обучения и сдачи экзаменов так, что к лету будущего года буду полностью в вашем распоряжении. Только одно синьор для путешествия мне будет необходимо закупить книги, приборы и инструменты, а в данный момент я несколько стеснен в средствах.

— Об этом можете, не беспокоится господин Коперник, вот здесь небольшая сумма, примите ее в качестве части вашего будущего жалования, надеюсь, этого будет достаточно, чтобы оплатить все необходимые расходы.

— Вы настолько доверяете мне синьор? Возможно, следует заключить какое то обязательство?

— Думаю, достаточно будет вашего слова. Я вижу вы достаточно умны и дальновидны, чтобы не пытаться его нарушить, а кроме того — улыбнулся Ляшков — ваша очевидная заинтересованность в моем предложении служит лучшей порукой, вашему обещанию.

— Но вы так и не объяснили, откуда вы узнали о моих планах? — вдруг вспомнил его собеседник.

— Видите ли, господин Коперник, с некоторых пор я способен предвидеть будущее — наклонившись к ученому заговорщицки прошептал Егор. Обалдевший от такого признания переводчик, вытаращив глаза на свое «начальство» запинаясь перевел фразу — можете считать это божественным даром, но впрочем, об этом я думаю, у нас еще будет время поговорить. Да, и попрошу никому не рассказывать о нашем договоре, в целях вашей же собственной безопасности. Прощайте, буду с нетерпением ожидать нашей следующей встречи.

С этими словами Ляшков поднялся, и сделав вид что не замечает удивленного лица своего собеседника и вытянувшейся физиономии Арунаса пошел к выходу. Теперь он был совершенно уверен, что его следующая встреча с Николаем Коперником точно состоится.

— Прошу прощения государь — заговорил жмудин, после недолгого молчания, когда они, не спеша прогулочным шагом, возвращались в свою гостиницу — все-таки кто вы?

— Человек, всего лишь человек — рассеяно усмехнулся погруженный в свои мысли Егор — есть такая пословица «меньше знаешь — крепче спишь», для твоей профессии она

подходит как никакая другая.

Возвращение в Венеции прошло без всяких приключений. Также спокойно тянулись дни ожидания. При повторной встрече с Лодовико ди Вартема, этот великий авантюрист подтвердил свое согласие пойти на службу, таким образом, Егоров отряд увеличился еще на одного человека. За прошедшее время Янису и Паоло удалось собрать кое какую информацию по ценам на различные товары, и нанять мастера — литейщика, у которого возник конфликт с братьями по цеху. Теперь бедняге ничего не оставалось, как покинуть родной город, работать в котором ему все равно никто бы не дал. Возвращения каракки ждали со дня на день, и каждое утро Ляшков отправлял одного из своих людей в порт, встречать судно. Воспользовавшись вынужденным бездельем, он решил посмотреть город.

Гуляя по улицам, разглядывая причудливые строения, гондолы скользящие по тихой глади каналов, парень не сразу заметил за собой слежку. Прошло достаточно много времени, прежде чем взгляд упал на то и дело мелькающего среди пестрой толпы горожан невзрачного человечка, праздно прогуливающегося по берегу канала. В голову закрались нехорошие подозрения, чтобы проверить их Егор неожиданно развернулся и направился в обратном направлении, проходя мимо краем глаза он заметил, что серый субъект забеспокоился и выждав некоторое время двинулся следом.

Похоже, опасения начинали сбываться. Внезапно остановившись и облокотившись на каменный парапет, парень сделал вид, что любуется каналом и довольно красивым зданием расположенным напротив. Управляющий проплывавшей мимо гондолой разбитной венецианец, почувствовав потенциального клиента, приглашающее замахал руками и бойко затараторил, что-то на своем языке. Не долго думая Ляшков перескочил через ограждение и спрыгнул в опасно закачавшуюся лодчонку. Обернувшись, он увидел, как на берегу засуетился его «опекун». Издевательски поклонившись ему и изобразив руками довольно распространенный в 21 веке неприличный жест — пожелание, парень на непонятную, но явно вопросительную реплику гондольера неопределенно махнул рукой, указывая вперед. Проплыв пару кварталов он расплатился с гребцом и выбрался на берег, убежденный, что ушел от слежки. Увиденное, заставило выругаться и сплунуть от досады, на верхней ступени лестницы опершись спиной на перила и сложив руки на груди стоял еще один шпик по виду чуть ли не точная копия предыдущего.

Несколько раз Егор менял направление движения, резко сворачивал в переулки, еще раз воспользовался услугами одного веселого, и довольно навязчивого гондольера, все было тщетно. «Хвост» возникал позади как по мановению волшебной палочки с завидной регулярностью. Преследователи, поняв, что обнаружены, стали вести себя наглее. Они уже не пытались прятаться, и вели себя как охотники, загоняющие жертву в ловушку. Поэтому произошедшая, в конце концов, встреча в одной из безлюдных подворотен с группой подозрительных типов не стала для парня неожиданностью. Удивило только количество народа, привлеченное для его захвата. Ляшков понял, что попался, когда навстречу ему вышли три мордоворота, сзади раздался шорох и «нарисовалась» еще парочка. Не раздумывая, он выхватил из ножен шпагу, которую недавно приобрел в лавке оружейника и по примеру ди Вартема носил вместо тяжелого и громоздкого меча.

В руках нападающих были лишь короткие дубинки, Егор явно нужен им был живым и относительно целым. Только теперь он понял свою ошибку, шпага не меч и требует совершенно других навыков, а вот их то, как раз и не было. Одного врага, правда, все-таки удалось достать рубящим ударом, после чего тот осел на мостовую, обливаясь кровью, но в

следующий момент клинок с жалобным звоном переломился под ударом тяжелой дубинки. В ходе отчаянной, но увы непродолжительной потасовки, оставшийся безоружным Ляшков ухитрился сломать ногу еще одному противнику, прежде чем в голове вспыхнул огненный шар...

Пока пленник барахтался на своем жестком соломенном ложе, пытаясь обрести вожаделенную свободу, в небольшом скромно обставленном кабинете двумя этажами выше решалась его судьба. Возле распахнутого настежь окна, жадно вдыхая свежий утренний воздух, стоял уже знакомый нам высокий худощавый господин.

— И так Джузеппе, это все? — наконец вдоволь налюбовавшись красотами площади Сан Марко, он скользнул отсутствующим взглядом по склоненной фигуре своего помощника.

— Да, монсиньор. Осмелюсь доложить, я выполнил ваше повеление и разузнал все, что смог о той неизвестной каракке.

— Ну, и что же ты разузнал?

— Торговцы монсиньор, пришли с севера. Груз — меха, которые они за достаточно хорошую цену продали этим пройдохам Морозини. Команда сборная в основном немцы и ливонцы. Это кажется невероятным монсиньор, но все указывает на то, что корабль принадлежит москвитам.

— Вот как? Интересно, ты считаешь, что москвиты начали продавать свой товар в обход Ганзы?

— Похоже, что все идет к этому монсиньор — подобострастно закивал головой Джузеппе — сейчас «Северная Звезда», а посудина называется именно так, по моей информации ушла в Кафу, это только подтверждает мои предположения.

— Ты закончил?

— Да монсиньор.

— А почему ты ничего не сказал мне о человеке, который со вчерашнего вечера украшает собой подвал этого дома?

— Но монсиньор — замаялся шпион — я осмелился предположить, что этот негодяй будет вам не интересен. Это один из тех людей, которые убили Жаколо. Тогда в порту я плохо разглядел его лицо. Но рост, фигуру и походку запомнил очень хорошо. Вчера я случайно, увидел его в городе. Мои люди пытались проследить за ним, но мерзавец заметил слежку и попытался удрать. Нам ничего не оставалось, как схватить его и привезти сюда.

— Так кто же он?

— Прошу прощения монсиньор, но пока узнать это не удалось. За все время он не проронил ни звука. Даже дрался молча, хотя убил одного и ранил другого моего человека.

— Что же, я думаю, ты еще не научился развязывать языки разного рода молчунам? Ступай Джузеппе. Да и еще, запомни на будущее в следующий раз уж будь добр дозволю мне самому решать, что мне интересно, а что нет. Ты понял?

— Да монсиньор — побледнев, поклонился шпик. Ледяное спокойствие, с которым хозяин сделал ему замечание, напугало его больше, нежели гневные крики и угрозы — прошу простить меня за эту оплошность.

— Ступай — небрежно махнул рукой его господин и вновь повернулся к окну и стал с задумчивым видом созерцать просыпающийся город.

Джузеппе семеня и кланяясь, покинул кабинет, а затем двинулся вниз по лестнице. Здесь походка и манера поведения его резко поменялись. Плечи распрямились и из

покорного, испуганного слуги он превратился в уверенного в себе человека, облеченного властью. Возле толстой дубовой двери он остановился и поманил к себе бородатого громилу в толстой кожаной безрукавке.

— Марко, как себя ведет наш гость?

— Куда он денется синьор Джузеппе — ухмыльнулся здоровяк — связанный то.

— Открывай и тащи его в пыточную. Парень, наверное, замерз и хочет погреться. Да и мастер Горацио, уже заждался.

— Это мы быстро синьор — заржал бородач — так согреем, мало не будет.

Загремел засов, Марко зашел в камеру, и наклонившись над неподвижно лежащим узником, ухватил его за шиворот. Егор перехватил протянутую руку, раздался легкий хруст ломающейся кости и дикий рев, который оборвался, когда удар ноги перебил незадачливому здоровяку кадык. Заглянувший на шум шпион побледнев, отшатнулся и выхватил стилет, когда к нему быстрой тенью метнулся освободившийся пленник. Длинным, узким лезвием он попытался снизу ткнуть противника в живот. Ляшков сделав шаг в сторону, ушел с линии атаки и круговым движением руки продолжил удар противника, перенаправляя клинок в грудь его же владельца. Взгляд удивленно расширенных глаз итальянца остановился, из уголка полуоткрытого рта потекла тонкая струйка крови. Тело Джузеппе мешком осело на пол. Осмотревшись и убедившись, что шум схватки не привлек к себе излишнего внимания других обитателей черезчур гостеприимного дома, парень быстро обыскал трупы своих тюремщиков, забрал оружие и поясные кошель, и двинулся вверх по лестнице в поисках выхода.

Счастливо избежавший встречи с неким мастером Горацио и благополучно покинувший свое узилище Ляшков, путая следы и опасаясь возможного преследования, блуждал по незнакомому городу. Спустя некоторое время наконец выйдя к порту, к своему великому счастью усталый беглец обнаружил мирно приткнувшуюся у причала «Северную звезду».

ГЛАВА 22

В которой к нашим героям пожаловали незваные гости, и что из этого получилось

«Северная звезда» вернулась из своего европейского вояжа в начале октября, привезя в своих трюмах помимо шести десятков новых поселенцев, двадцать аркебузных стволов и три бомбарды, закупленные в Генуе при посредничестве Джузеппе Пальцоне, а также некоторое количество других весьма необходимых колонистам грузов. Сейчас судно одиноко стояло у причалов торгового порта, устало качаясь на неспешной речной волне, отдыхая от странствий, штормов и сражений.

Пришедшие сразу после отбытия каракки в Европу, ганзейские купцы привезли еще сорок добровольцев, основную массу которых составляли разного рода авантюристы и наемники. Среди этой разношерстой толпы искателей приключений оказались также и несколько ремесленников по различным причинам покинувших родину и отправившихся искать счастья на диком берегу. В обмен на загруженный в трюма сахар, Кугель и его компаньоны привезли поселенцам несколько голов скота, порох, железо и разнообразные товары, предназначенные для торговли с туземцами.

Форт Росс и окружающие его хутора и поселки застраивались мастерскими и жилыми домами. Открылись гончарная, столярная и портняжная мастерские, появилась пара частных лавок. На специально отведенной для этого площади возле восточной стены образовался небольшой рынок. Сам Форт являл собой причудливую смесь средневекового русского и европейского города, пестрое население которого, несмотря на разницу языков, вероисповеданий и менталитетов мирно уживалось друг с другом.

Трудами неутомного Емелина, на острове, за городской стеной был построен небольшой бумажный заводик. Правду сказать, качество выпускаемой продукции, мягко говоря, оставляло желать лучшего. Производимая бумага по плотности и цвету сильно напоминала оберточную, но зато был решен вопрос с материалом для артиллерийских картузов. Введение в обиход этого, в общем-то, нехитрого новшества, в свою очередь значительно увеличило скорострельность крепостных и полевых орудий и ручных пищалей. Немного отдохнувший после дальнего похода и европейских приключений Ляшков с энтузиазмом взялся за строительство в Еремеевке литейной мастерской, хозяином в которой должен был стать привезенный из Венеции мастер Джованни Павелетти. Место для данной мануфактуры было выбрано не случайно, поскольку в этой деревушке ранее уже была построена и успешно функционировала водяная мельница.

Жизнь постепенно налаживалась и входила в размеренное русло.

Судостроительной артелью Фомы Сухарева было спущено на воду уже две одномачтовые лоды, по конструкции и парусному вооружению, похожие на поморские кочи. Одно из суденышек активно эксплуатировалось промысловой ватагой Афанасия, а второе совершало каботажные, исследовательские рейсы вдоль побережья. Вот тут как раз и не обошлось без некоторых неприятностей. Небольшая торгово-разведывательная экспедиция, направленная к северным соседям и союзникам махгикан — абенакам едва не подверглась атаке с их стороны. Только благодаря вмешательству Сатэ — ока, шедшего в качестве проводника, удалось избежать кровопролития. Вскоре удалось выяснить причину агрессивности туземцев. Оказывается год назад, летом 1501 года их прибрежное поселение

подверглись нападению белых, приплывших на трех «больших каноэ». Разорив вигвамы, захватив в плен и заточив в темные, зловонные, корабельные трюма семерых их обитателей, пришельцы вскоре ушли, оставив после себя недобрую память.

Второе посещение злобных бледнолицых произошло совсем недавно. Однако в этот раз Гичи Маниту защитил своих детей, разбив корабль врагов о береговые скалы. Команда, которая смогла спастись при крушении, той же ночью подверглась нападению и безжалостному поголовному истреблению со стороны жаждущих справедливой мести абенаков. Естественно, что появление ладьи с увешанными железом людьми у своих берегов индейцы восприняли как очередное вторжение, и приготовили чужакам «теплый» прием, устроив засаду в прибрежных зарослях.

Острым глазом опытного следопыта, махгиканин, первый заметил признаки присутствия людей. Быстро подойдя к Савве, он тронул новгородца за плечо и указав рукой в сторону берега безапелляционно заявил:

— Дальше идти нет. Другой люди.

Выслушав индейца атаман некоторое время безуспешно вглядывался в указанном направлении, после чего скомандовал кормщику:

— а ну Игнат возьми чуть о шуйцу, видишь, чего-то басурманин наш неладное почуял.

Резко сменив курс, слегка накренившись на левый борт, суденышко отошло на безопасное расстояние и легло в дрейф. Коротко посоветовавшись с атаманом, проводник спустил с борта ладьи свое небольшое каноэ, соскочил в него и направился к берегу. Достигнув цели краснокожий с кошачьей ловкостью выпрыгнул на сушу, и вытянув легкий челнок на прибрежные камни углубился в лес, скрывшись из поля зрения наблюдателей. Выйдя на небольшую поляну, он присел на поваленное дерево, и раскурив трубку стал невозмутимо ждать. Прошло несколько минут, прежде чем из густых зарослей появились два надо сказать довольно живописных персонажа. Грудь немолодого коренастого воина с начинающими седеть волосами и изборожденными старыми шрамами лицом, шедшего первым защищала натянутая на голое тело железная кираса с богатой серебряной насечкой, поверх которой висело длинное ожерелье из медвежьих когтей и клыков. На плече он нес двухметровый протазан-ранкону с широким обоюдоострым лезвием. Оружием шедшего следом его соплеменника был более традиционный томагавк, изогнутая деревянная палица с шарообразным утолщением на боевом конце. Но зато на голове красовался морион, не очень гармонирующий с голым торсом и набедренной повязкой. Несмотря на все неудобство и непривычность своих нарядов, оба аборигена имели весьма важный и самодовольный вид и скорее бы позволили содрать с себя шкуру, чем нелепые железяки.

— Приветствую тебя Белое Перо — подняв в знак приветствия раскрытую ладонь торжественно провозгласил старший из подошедших — что привело тебя на военную тропу алнанбалов?

— Приветствую тебя Медвежий Коготь — кивнул махгиканин — я пришел повидать своих братьев абенаков и рассказать им хорошие известия.

— Белое Перо великий воин, он смог сбежать от бледнолицых врагов и это наполняет мое сердце радостью — заметил туземец.

— Я привел к моим братьям не врагов — возразил Сатэ-Ок — со мной пришли воины белого вождя, они друзья махгикан и ленапов, и привезли много хороших вещей, чтобы отдать их абенакам в обмен на шкурки бобров и сладкий сок деревьев. Если вы захотите, бледнолицые братья будут помогать вам сражаться, с вашими врагами. Они уже помогли

махгиканам победить трусливых мохоков.

После столь продолжительной речи проводник сделал хорошую затяжку и замолчал, выжидательно глядя на собеседника.

Медвежий Коготь покачал головой:

— я не верю, что язык моего брата может произнести лживые слова. Наверное, хитрые враги обманули его, заставляя лгать алнанбалам. Белые люди приходили на нашу землю, мы встретили их как гостей, но духи злобы и жадности одолели бледнолицых. Они сожгли наши вигвамы и убили наших людей. А тех воинов и скво которые не успели спастись схватили и увезли на своих больших каноэ.

Некоторое время Сатэ — Ок обдумывал слова военного вождя абенаков, а затем, придя к конечному выводу, уверенно заявил:

— воины белого вождя никогда не были на земле твоего народа. Наверное, это были бледнолицые из другого племени. Надо сказать о них моим друзьям и когда враги придут в следующий раз они вместе с абенаками прогонят их. Мы вместе ходили на тропу войны, убивали мохоков и онейдов. Мой брат должен верить моим словам.

— Хорошо, я поверю тебе Белое Перо, пусть военный вождь бледнолицых придет сюда и говорит со мной.

Заклучив это соглашение, краснокожие переговорщики разошлись. Медвежий Коготь вместе со счастливым обладателем мориона растворились в зарослях, а Сатэ-Ок направился к лодье, дрейфующей метрах в трехстах от берега. В ходе последовавших за тем переговоров с участием Саввы удалось убедить вождей абенаков в миролюбивых намерениях пришельцев, решив миром встречу, исход которой мог бы закончиться серьезным кровопролитием.

Неизвестные корабли появились на траверзе Южной крепости ранним пасмурным октябрьским утром 1502 года, через несколько дней, после отбытия атамана и его отряда. Спасаясь от надвигающегося шторма, две каравеллы зашли в залив и бросили якорь примерно в двух кабельтовых от берега, под дулами орудий центрального укрепления. На полубаке одной из них вспухло белое облако холостого пушечного выстрела, и на грот мачте взвился флаг.

— Португальцы — коротко пояснил Андерс стоящему рядом Емелину, наблюдая как от борта головного судна отделилась, и двинулась к острову шлюпка.

— Приперлись. Чего им здесь надо? — поеживаясь на прохладном ветерке, недовольно ворчал вырванный с утра спозаранку из под теплого бока молодой жены, заспанный «Вжик» — в Кенигсберг гонца отправил?

— Та, тумая госутар скоро бутет — кивнул головой голландец.

— Ну, что тут у вас? — к Алексею торопливо подошел заспанный Корнев — вот те на. Я и не знал, что португальцы появлялись у здешних берегов. Думал они только на юге плавали, и до здешних мест не добирались.

— Как видишь, добрались — буркнул Емелин — чует мое сердце, ничего хорошего от их визита ждать не приходится.

— Мда — протянул Сергей — они сейчас обладают серьезными военными возможностями, и могут попытаться наложить лапы на маленькую ничейную колонию.

— Может, все-таки, удастся по хорошему разойтись? — с надеждой заметил «Вжик».

— Ох, не знаю, чего-то я сильно сомневаюсь. И Егор как назло в Еремеевке остался пока еще гонец до него доберется.

— О, а это, что за индюк там красуется? — неприязненно проворчал Алексей, указывая

на блистающую металлом лат и богатым плюмажем шлема, худошавую фигуру на носу лодки.

Словно услышав его слова вышеупомянутый «индюк» выпрямился во весь рост и картинно поставил ногу на планшир шлюпочного борта, приняв горделивую позу. Между тем, повинуясь дружным усилиям гребцов, посудина приткнулась бортом к небольшому пирсу у подножия бастиона. Португалец, с ловкостью опытного моряка перескочил на доски причала и остановился в ожидании, с любопытством разглядывая вал и грозно выглядывающие из его бойниц стволы орудий.

— Ну, что начальства нет, будем вести дипломатические переговоры сами — пожал плечами Сергей — пойдем Леха потолкуем с этим павлином, послушаем, что он нам споет. Якоб, ты португальский знаешь?

— Нет толко немного по испански.

— Ну пойдем с нами, может он тоже по испански говорит — предложил Емелин.

К счастью, как выяснилось, гость неплохо говорил на испанском языке. Надменно задрав голову, он заявил:

— Я Пауэло Агейра, капитан флота его христианнейшего величества короля Португалии Мануэла. Кто вы такие и как посмели самовольно поселиться в его владениях?

— Здрасте сзади новый год — искренне удивился Алексей, когда голландец перевел ему вопрос — мы же первые сюда приплыли.

— Как это скажат? — невозмутимо поинтересовался Андерс.

— Скажи ему, что это наша земля.

— Эти земли лежат восточное папского меридиана, следовательно, должны принадлежать Португалии — нахально заявил Агейра — его величество простит вам ваши заблуждения и возьмет ваше жалкое селение под свою отческую опеку и защиту, если вы согласитесь признать его власть над собой. Кроме того, вы должны немедленно снабдить нас пресной водой, и в знак покорности отдать мне все имеющееся золото, серебро и драгоценности. А так же предоставить моим людям своих женщин, пищу и кров. В противном случае, ваша судьба не завидна. Милость нашего доброго короля велика, а гнев его страшен.

— Во наглец, да он с нами как с какими ни будь дикарями разговаривает — изумился «Вжик» — у парня похоже крыша поехала от жадности. Внезапно возникшая и быстро прогрессирующая мания величия. Да плевать я хотел, чего ему там папа наобещал. Это наша земля и он нас сильно недооценивает, если думает, что так легко можно эту землю к рукам прибрать.

— Да не совсем — покачал головой Корнев — похоже, он вполне трезво успел оценить наши возможности и сравнить их со своими, и теперь считает, что может диктовать нам свою волю. У него больше орудий. Если весь огонь они сконцентрируют на центральном бастионе, перевес в бортовом залпе будет один к трем в его пользу. А пока они не сунутся в реку или пролив два других наших укрепления их не достанут. Ему достаточно заткнуть пять наших бомбард, затем высадить десант (а на борту у них около сотни головорезов) и захватить бастион. Он ключ ко всей обороне города. А у нас населения здесь всего две с половиной сотни, считая баб и детишек.

— А вот хрен ему — возмутился Емелин — видно он не правильно нас оценил. Пусть проваливает отсюда вместе со своим величеством и его милостями. Якоб, переведи, что такие требования мы считаем оскорбительными, и они должны немедленно уйти отсюда.

Папа никакой власти над нашими владениями не имеет.

В ответ португалец только криво ухмыльнулся и заявил, что он уйдет, но потом вернется, и не оставит от крепости грязных язычников оскорбивших короля и папу, камня на камне, а затем погрузился в шлюпку и отбыл восвояси.

Пауэло Агейра поднялся на борт своего корабля. Праведный гнев душил португальского капитана. Эти грязные язычники не признают над собой власти папы, они должны быть наказаны и наказаны немедленно. Проклятье, как не хватает сейчас каравеллы Мигела Кортириала. Его судно отстало и бесследно исчезло, где-то на севере. Теперь в его распоряжении всего две каравеллы и около трех десятков пушек. Но ничего, в противостоящем форте их всего пять, к тому же он прекрасно видел их расположение. Кажется, ему удалось усыпить бдительность язычников, они поверили, что португальцы уходят, а значит не готовы к бою. В голову капитана пришла внезапная приятная мысль. Ведь его величество Мануэл I обещал братьям Кортириалам, подарить им открытые земли и острова. Быть может и ему — Пауэло Агейре удастся урвать себе кусок здешней земли. К тому же крепость и поселение, судя по всему не очень велики, а значит, есть шанс внезапным ударом сломить сопротивление немногочисленных защитников. Риск есть, но он вполне оправдан. Осталось только передать соответствующий приказ на соседний «Бальтасар».

Придя к такому выводу, Агейра больше не колебался ни минуты. На португальских судах подняли якоря, и провожаемые тревожными взглядами с бастиона каравеллы покинули бухту.

На притихший залив опускалась темная штормовая ночь. Зябко кутаясь в плащи под пронизывающими порывами ледяного ветра, двое национальных гвардейцев городского полка Форты Росс тщетно пытались согреться у небольшого костерка. Старший наряда худой седоусый крестьянин, отложив в сторону заботливо укрытую от дождя рваной дерюгой пищаль, протянув руки к скудным язычкам пламени, ворчал себе под нос, проклиная сержанта Лациса. Именно благодаря проискам этого злокозненного гончара, (которого глупые горожане очевидно по недоразумению избрали сержантом) он, должен торчать на наблюдательном посту, расположенном на крошечном, открытом всем ветрам острове у входа в залив вместе с этим бестолковым долговязым скандинавом. Конечно же это месть, за то, что в воскресенье на ярмарке прижимистый хуторянин отказался покупать его жутко дорогие и кривобокие горшки, да еще и обхаял товар на весь рынок. И теперь вместо того, чтобы, как и полагается почтенному главе семейства, отцу трех детей, владельцу хутора пожалованного государем на правом берегу Благодатной, сидя в своем новом доме, пить теплое пиво перед очагом, приходится трястись здесь от сырости и холода. Черта с два он полезет на эту проклятую вышку. Кого бояться в такую погоду?

Напарник старого ворчуна белобрысый молодой парень, из гренландских переселенцев завернувшись в форменный шерстяной плащ (за неимением форменной одежды, служивший отличительным признаком национального гвардейца) дремал, безуспешно пытаясь свернуться в калачик и прижавшись спиной к большому камню. Его алебарда лежала метрах в полутора от правой руки. Замерзшему часовому было лень менять позу и терять с большим трудом накопленное тепло, чтобы подтянуть оружие к себе.

Легкий шорох заставил ворчуна поднять голову. Привыкшими к свету костра глазами он стал пристально вглядываться в темноту, но так и не смог разглядеть темную фигуру, скользящую к нему с другой стороны. Блеснуло кривое лезвие ножа, и горе охранник

булькая перерезанным горлом, стал заваливаться набок, невидяще глядя в темноту стекленеющим взглядом. Его товарищ умер, так и не успев открыть глаза.

Их убийца невысокий, жилистый человек, полуобнаженное тело которого тускло, поблескивало в темноте от густого слоя жира, и стекающих по нему капелек воды быстро вытер лезвие ножа об одежду покойников. Вытащив из костра горящую ветку, он спрятался за камнями так, чтобы его не видно было с берега, и повернувшись в сторону моря, сделал ею несколько взмахов. В густой темноте вспыхнул и быстро погас ответный огонек.

Португальские корабли огромными серыми тенями скользнули в беззащитную бухту. Свист ветра и грохот накатывающего об берег прибоя надежно заглушали скрип такелажа и негромкие, отрывистые команды. От бортов отделились две переполненные вооруженными матросами шлюпки и стремительно понеслись к темнеющей впереди громаде крепости.

Уныло бродивший по брустверу караульный, с тоской прислушивался к завываниям бури. Время от времени он окидывал взглядом кремешную темноту за бастионом и перекинув древко гизарды на другое плечо продолжал свое путешествие. Внезапно раздавшийся за спиной лязг железа, тяжелое дыхание и топот множества бегущих ног заставили оглянуться. Увиденное зрелище, повергло парня в ужас. Со стороны лестницы ведущей к причалу прямо на него бежала толпа вооруженных людей. Часовой только успел издать пронзительный вопль, когда арбалетный болт пробил его грудь. Дальнейшее походило на страшный сон. Мирно спавшая крепость, гарнизон которой состоял из почти четырех десятков канониров, проснулась от звона оружия и криков сражающихся и умирающих бойцов. Хотя численность нападающих не превышала двух десятков, внезапность подлой атаки сделала свое черное дело. Прежде чем переполошенные и вооруженные чем попало, защитники крепости смогли организовать хоть какое-то подобие сопротивления, они потеряли половину своих товарищей убитыми и ранеными. Положение гарнизона спас Андерс. Голландец, как всегда в минуту опасности обретший невозмутимость и присутствие духа, сумел пробиться к заряженному дежурному орудью. Сорвав закрывавший его от дождя и сырости кожаный чехол Якоб, ткнул тлеющим фитилем в запальное отверстие.

Оглушительно рывкнула бомбарда. Яркая вспышка пламени осветила силуэты вражеских каравелл и скользящие к ним за новой партией десанта шлюпки.

Небольшая группа нападающих, пользуясь общей суматохой, попыталась прорваться к крепостным воротам, ведущим в город, чтобы лишить гарнизон помощи извне. Однако удача в этот раз повернулась к португальцам спиной. Им буквально не хватило пары минут, прежде чем на бастион ворвался дежуривший рядом в казарме десяток национальных гвардейцев. Ценой гибели нескольких товарищей, они сумели оттеснить противника от ворот и несколько переломить ситуацию в пользу защитников Форта, позволив им продержаться до подхода подкреплений. Смешанный отряд из вооруженных горожан и емелинских подчиненных, вели «Вжик» и случайно заночевавший в гостях у друга Корнев.

Совместными усилиями новороссам удалось выбить неприятеля с бастиона, и теперь о сопротивляющиеся с отчаянием обреченных остатки вражеского десанта были прижаты к морю и безжалостно добивались.

Прорвавшиеся к бомбардам уцелевшие канониры открыли, было огонь по португальским судам, когда страшный грохот потряс батарею. Одно из орудий, очевидно порядком изношенное и не выдержавшее интенсивной стрельбы разорвало после очередного выстрела, и весь расчет ее валялся рядом неподвижными изломанными куклами. Мощный

удар бросил Алексея на землю. Некоторое время парень лежал, обхватив руками голову приходя в себя и пытаясь понять, что с ним произошло.

— Печи, печи разжигай! Леха, живой? — в дыму мелькнула крупная фигура Корнева, убедившись, что друг в целости и сохранности он заорал — Вжик, твою мать, чего разлегся? Вставай и бегом к печам!

Окончательно придя в себя, Емелин подскочил и опрометью бросился к калильным печам, которые по предложению Сергея были построены на каждой батарее, и про которые впопыхах совершенно забыли. Трясущимися руками он нащупал в поясном кошельке коробок и стал торопливо чиркать спичками. С пятой попытки, ломая драгоценные спички, ему удалось зажечь маленькие язычки пламени.

Сергей метнулся к молчавшей бомбарде, возле которой беспомощно суетился Янис, самый толковый из учеников и правая рука голландца. В одиночку парень не мог осуществить вертикальную наводку орудия и выпущенные из него ядра ложились с большим перелетом. Вдвоем, при помощи небольших железных правил, удалось поднять казенную часть орудия, и добившись нужного положения ствола, заменить правила деревянным клином. Деревянными рычагами передвигая заднюю часть лафета, они поправили горизонтальную наводку. Корнев извлек из цилиндрического кокора картуз с порохом и запихал его в ствол. Затем последовали пыж из сена и деревянная пробка, еще один пыж, и наконец ядро. Забив все это поплотнее деревянным прибойником, Янис протравником — специальной иглой, снабженной делениями и ручкой через запальное отверстие проткнул картуз и таким образом освободил путь для воспламеняющего пороха. Еще раз, проверив правильность наводки, он ткнул в запальное отверстие фитилем пальника. Оглушительно грохнул выстрел, нелепо подпрыгнув всей своей тяжелой тушей, бомбарда извергла густое облако дыма. Вытянув шеи, канониры с замиранием сердца проследили за полетом увесистого черного шара и разразились радостными криками, когда он с треском проломил борт португальского флагмана, сея смерть и разрушения на своем пути. Немного полюбовавшись на дело рук своих, они поспешно стали готовить орудие к следующему выстрелу.

Поняв, что афера с внезапным нападением провалилась, и опасность угрожает уже его кораблям, Агейра приказал открыть отвлекающий огонь по бастиянам, прикрывая повернувшие обратно шлюпки со второй партией десанта. Он понимал, что большого вреда защитникам крепости это не принесет, но другого выхода уже не видел.

— Бам — с грохотом в парашют ударяет снаряд и тяжелым мячиком рикошетирует в море. Со свистом в разные стороны летит крупная каменная крошка. Что-то больно резануло по щеке, но Сергей не обращая внимания, продолжает банить ствол. Сзади подбегает Емелин, таща большими щипцами раскаленное ядро. Янис повторяет всю процедуру заряжания, заталкивая вслед за деревянной пробкой щедро смоченный здесь же в бочке с водой пыж. Пыхтящий, чумазый от крови и копоты Леха закатывает в жерло свою горячую ношу. Выстрел. Снаряд с плеском падает в воду, не долетев до цели. Яростно матерясь, оглохший Корнев снова берется за правила, поправляя наводку. Внимание привлекает Андерс, который, что-то говорит и отчаянно жестикулируя, показывает в море.

Между тем все уцелевшие бомбарды перешли на обстрел противника калеными ядрами, вызвав пожар на «Бальтасаре» то тут, то там появляются языки пламени, горит парус на фок мачте. Ее артиллерия практически прекратила пальбу и видно невооруженным глазом как мечутся по палубе матросы, пытаясь справиться с огнем.

Яркая вспышка и грохот сотрясла окрестности, перекрывая гул стрельбы. Пылающая каравелла начала оседать на разрушенную корму, быстро погружаясь в пучину, с борта ее горохом посыпались в воду человеческие фигурки. На «Сан Пауэло» бешено засуетились люди, ставя дополнительные паруса белыми крыльями распускающиеся над мачтами. Судно предприняло отчаянную попытку уйти, но на перерез ему, огибая громаду речного бастиона, на полном ходу, хищной птицей устремилась «Северная звезда», попутно круша форштевнем не успевшую увернуться неприятельскую шлюпку, все еще пытающуюся проскочить к своему кораблю. Было хорошо видно, как стоящий на ее шкафуте Щебенкин машет рукой, и каракка дает бортовой залп из семи орудий. Огненный смерч пронесся над палубой португальца, разбрасывая в разные стороны обломки планшира, затрещал ломаемый рангоут, со скрипом обрушилась грот мачта, повиснув на вантах. Под торжествующие крики с крепостных бастионов Шнитке повел свой корабль на абордаж. Железные крючья кошек мертвой хваткой вцепились в борт неприятельской каравеллы, и корабли с грохотом ударились бортами. Костя во главе абордажной команды перескочил на заваленную обломками и скользкую от крови палубу португальца. Далее последовала короткая и кровопролитная схватка, которую немногочисленная и ошарашенная артиллерийским огнем португальская команда безнадежно проиграла. Не прошло и получаса, как «Сан Пауэло», поврежденная, но тем не менее, прекрасно держащаяся на плаву, благополучно перешла в руки новых хозяев.

ГЛАВА 23

В которой герои по мере сил, двигают вперед прогресс

Совещание подходило к концу, Ляшков поднялся с широкой дубовой лавки во главе стола и подошел к распахнутому окну, подставив лицо свежему вечернему ветерку.

— Значит, все делаем как решили. Идете двумя отрядами. Первый во главе с Сергеем и Ди Вартема на малой ладье поднимается вверх до истоков Благодатной. С вами пойдут два проводника махгиканина, и два десятка добровольцев из наших поселенцев. В селениях мохоков соберете отряд воинов и вместе с ними через владения онейдов выйдете к озеру Онтарио. По ходу дела продемонстрируете онейдам наши товары и предложите заключить торговые договоры. Я думаю, господин Кугель обеспечит экспедицию необходимым количеством товаров для подарков и обмена?

Сидевший в кресле у камина купец важно кивнул. Прибывший на американское побережье еще летом прошлого года ганзеец имел долгую беседу с Егором и Корневым, после которой, дал согласие на основании в Форте Росс торгового дома «Кугель и сын». В ходе разговора пришельцы дали купцу прогноз состояния европейской, а частности германской политики и экономики на последующие десятилетия, суля в ближайшее время церковные расколы, рассвет всевозможных ересей и последующие за ними религиозные войны. Мудрый купчина может и не поверил бы мрачным обещаниям своих странных компаньонов, но в последнее время он и сам стал обращать внимание, что обстановка в германских княжествах и вольных городах стала накаляться. Католическая церковь до того времени бывшая единоличной властительницей душ в западной Европе, постепенно стала утрачивать доверие верующих, все чаще подвергаясь нападкам и критике со стороны ересиархов различного толка. Усиливающиеся под их влиянием брожение в неокрепших умах паствы, ни к чему хорошему естественно привести не могло. Под давлением этих обстоятельств наш осторожный толстосум и принял решение о переводе на новый более спокойный континент, части своих свободных капиталов. С этой благой целью он приобрел за городом большой земельный участок, для возведения просторного, роскошного особняка и подворья, а также построил в порту несколько больших складов. С тех пор дальновидный торговец жил, что называется на два дома, ежегодно навещаясь в Новороссию, и оказывая значительную помощь во многих экономических и технологических начинаниях правительства нового государства, естественно не без выгоды для своего кошелька. Но впрочем, речь об этих самых начинаниях пойдет несколько позже, а сейчас сей важный господин, сидя в кресле у камина и потягивая подогретое по случаю дождливой и сырой погоды вино, украшал своей персоной очередное заседание правительства.

— Можно вопрос — поднял руку стоявший у стола Корнев — а почему нельзя взять с собой отряд побольше из махгикан или ленапов? Они то понадежней чем мохоки будут?

— Боюсь, что появление крупного отряда алгонкинов на своей территории ирокезы воспримут как агрессию, а очередная война нам не нужна. Я надеюсь у всех в памяти прошлогодний набег кайюгов. Хорошо еще, что мы вовремя о нем узнали, пострадало только селение делаваров. Да ты же сам ходил их замирать.

— Да помню я — мрачно буркнул Сергей — двенадцать бойцов потеряли, это только из наших, не считая ленапов. На засаду нарвались. И грамотно же сволочи ее устроили, даже разведчики делавары не заметили. Правда, мы им тоже хорошо навалили, долго еще чесаться

будут.

— Ладно, не отвлекайся. Задачу свою, уяснил?

— Да, выходим к озеру, строим там крепостицу, и дожидаемся Савву со второй группой. Затем вместе направляемся дальше. Попутно обследуем и наносим на карты побережье. И так до тех пор, пока не выходим во владения оджибвеев, и закрепляемся в верховьях Миссисипи.

— Все правильно, смотри с тобой пойдет рудознатец Евлампий, ну которого в прошлом году Важенин к нам с ганзейцами прислал. Береги его как зеницу ока. Ваша задача наладить хорошие отношения с туземцами, установить источники, откуда они берут медь, ну и попутно разведывать месторождения других полезных ископаемых. На Онтарио мы должны, как следует укрепиться, создать форпост для дальнейшей колонизации материка. С этой целью позже направим к вам полуроту наемников, с легкой артиллерией, и под командой надежного офицера. Ну, в общем если всем все понятно, то совещание закончено, все свободны.

Давно ожидавшие этих слов, порядком притомившиеся за день советники шумно выражая облегчение, разошлись. Егор, наконец-то остался один. Плеснув себе вина в высокий серебряный кубок, он с видимым удовольствием сделал большой глоток и задумчиво уставился в темное окно.

Прошло уже два года с памятной стычки с португальцами. Два насыщенных событиями, стремительно промчавшихся года. Население колонии значительно выросло за этот, в общем-то, небольшой срок. Тут, что называется, не было бы счастья, да несчастье помогло. Все началось с того, что осенью 1502 года бесследно исчезла, ушедшая на промысел артель Афанасия. Рыбаков уже сочли погибшими и оплакали, но вместе с весенним теплом пришла и неожиданная радость. Исхудавшие и измученные промышленники все-таки вернулись к ставшим родными берегам. Уже позже, напарившийся в бане, хорошенько накормленный и отдохнувший кормщик смог обстоятельно ответить на все вопросы князя. Как выяснилось артель, увлекшись помыслом, не успела вернуться до начала сезона штормов, и разыгравшийся ураган много дней таскал утлое суденышко по бушующим водам Северной Атлантики. Когда несчастные, в конец измученные и умиравшие от истощения рыбаки уже отчаялись остаться в живых, на горизонте показалась белая полоска покрытой снегом суши. На неведомом берегу, который как выяснилось позже, назывался Гренландией, была обнаружена колония, состоявшая из норвежцев и датчан, потомков свирепых мореходов викингов некогда обосновавшихся на этой земле. Предоставленная самой себе колония постепенно пришла в совершеннейший упадок и постепенно вымирала. К моменту прибытия Афанасия и компании она насчитывала около семисот обитателей живших за счет рыбной ловли и охоты на морского зверя.

После рассказа кормщика в голову «Вжика» пришла светлая мысль. Он предложил заняться спасением терпящих бедствия потомков скандинавов, а заодно и попутно увеличить за их счет население Новороссии. С этой целью на следующий год к берегам Гренландии была направлена каравелла, некогда носившая имя «Сан Пауэло», и переименованная поселенцами в «Надежду». Совершив за два года несколько экспедиций, новороссам удалось вывезти в Америку все население бывшей скандинавской колонии. Причем сложности возникли только с набором первой группы добровольцев, после того, как делегаты, направленные гренландцами на разведку вернулись и в ярких красках расписали все преимущества цветущего зеленого материка перед суровым мрачным островом, от

желающих переселиться под руку новоросского князя не было отбоя. Таким образом, благодаря неудачной рыбалке Афанасия и светлой голове Емелина европейское население колонии увеличилось более чем в два раза. Кроме того, весной 1503 года Щебенкин совершил еще одно путешествие в Венецию на «Северной Звезде». Итогом похода стало приобретение по сходной цене совершенно нового полакра получившего гордое имя «Аскольд». Соответственно, удалось привезти в два раза большее количество выкупленных на восточных базарах русских невольников, а также солидного груза меди приобретенной в Испании при участии генуэзца Пальцонне.

Путешествие, предпринятое уже в этом году, прошло также успешно. Правда, не обошлось без очередной стычки с алжирскими пиратами. Однако два больших корабля вооруженных стараниями Ляшкова и К. новой, более мощной артиллерией, без труда смогли отразить нападение трех галер мусульманских разбойников. При посредничестве заинтересованных в дальнейшей торговле представителей достаточно влиятельного братства Морозини, удалось добиться признания княжества правительством Венецианской республики. Однако трудности и опасности каждый раз подстерегающие корабли новороссов в западном средиземноморье стали в последнее время вызывать у Ляшкова сомнения в целесообразности торговли с венецианцами. Взгляд его в последнее время все чаще стал обращаться к портам атлантического побережья набирающего силу Кастильского королевства, где мореплавание, а следовательно и торговля были не в пример безопасней.

Установление первых торговых контактов с испанцами планировалось только на весну — лето будущего 1505 года. В поход планировалось отправить все имеющиеся суда кроме «Надежды», появление которой в опасной близости от португальских берегов на очередном военном совете сочли крайне нежелательным. Вместо этого каравеллу решили отправить на Балтику. Там, при помощи Евстафия Теглева, через новгородского воеводу, планировалось наладить дипломатические отношения с Московским княжеством, а заодно и набрать добровольцев для переселения.

От переполнявших голову государственных мыслей, Егора отвлекло появление супруги. Подошедшая сзади Таня ласково взъерошила его волосы.

— Весь то ты в трудах батюшка, аки пчела — улыбнулась она, вспомнив расхожую фразу из любимого в прошлой жизни фильма

— Точно, нам царям за вредность молоко давать надо — подыграл ей Ляшков.

— Ага, особенно таким вредным как ты. Пошли спать твое величество, поздно уже.

— Мелкий то спит?

— Спит, спит, наследник твой. Зубки режутся у ребенка, Аксиныя еле утолкла его.

— Ну, раз спит, значит и нам пора, а то правда, завтра рано вставать. Работы много.

С рождением наследника престола в виду общественной занятости обоих родителей остро встал вопрос о присмотре за подрастающим поколением. После недолгого семейного совета на должность няни была выбрана Аксиныя сменившая свой статус и из вдовы вновь превратившаяся в замужнюю женщину. Счастливый избранник молодухи — Елпидифор, он же Иоганн, взявшись за дело с присущим его народу упрямством, все-таки сумел достичь желаемого результата и завоевать сердце женщины. Нельзя сказать, что он полностью излечился от своей неумной тяги к женскому полу, но солидные габариты и «нежная» ручка супруги в значительной степени удерживали его от свершения новых подвигов на других любовных фронтах. Приблудный индеец так и остался жить вместе со своей новой скво при княжеском дворе выполняя нехитрые хозяйственные обязанности и снабжая кухню

свежей рыбой и дичью.

Утро началось как обычно с появления в княжеской опочивальне лоснящейся, физиономии Петра. Вымучивший для себя хлопотную, но довольно престижную и прибыльную в его понимании должность камердинера, бывший грюненбургский ключник явно преуспевал. Этот факт весьма красноречиво подтверждала его округлившаяся «личность» и раздобревшая фигура. Ляшков давно подозревал, что Петер слегка подворовывает, но делает это весьма умеренно и осторожно. Кроме того, с возложенными на него обязанностями, пройдоха справлялся превосходно и дворню держал в строгости. Да и вообще сам Егор, и Таня занятые повседневными государственными делами были без расторопного малого как без рук, за что ему и прощались мелкие шалости.

— Доброе утро ваше величество — подобострастно поклонился слуга — вы велели разбудить. Для умывания и завтрака все готово.

— Хорошо, иди, я сейчас встану — шепотом, чтобы не потревожить жену заверил камердинера Ляшков.

Вскоре после легкой зарядки, умывания и плотного завтрака Егор взгромоздился в седло и в сопровождении неразлучного Валдиса направил коня в Еремеевку. Прodelав поистине титаническую работу, при деятельном участии прибывшего из Италии год назад Николая Коперника, там удалось построить сверлильный станок, приводящийся в движение огромным водяным колесом. Это нововведение позволила рассверливать жерла отливаемых из испанской меди пушек, что значительно увеличило прочность, а следовательно мощность и дальнотойность оружия. Такими орудиями как раз и были вооружены оба корабля совершающие регулярные рейсы в Европу. Именно их применение и позволило отразить нападение мавров. Прежде чем галеры смогли подойти на расстояние достаточное для стрельбы их бомбард, одна из них была в хлам расстреляна дружными бортовым залпом «Звезды», и «Аскольда» и благополучно затонула. Две другие пиратские посудины, получив свою долю «угощения» поспешили покинуть поле боя, даже не пытаясь оказать помощь гибнущим товарищам.

Вскоре наши герои переправились на левый берег Лесной, и галопом пронесшись по пыльным сонным улочкам Еремеевки достигли места назначения. Остров и деревню со временем ставшую крупным промышленным центром княжества связывала надежная паромная переправа. Само поселение уже насчитывало почти четыре десятка дворов в которых проживали почти две сотни жителей главным образом из бывших обитателей Гренландии, основная масса мужского населения была занята на работах в литейных мастерских и на построенной здесь же лесопилке. Чуть дальше километрах в двадцати вверх по течению Благодатной располагалась деревушка углежогов, снабжавшая необходимым сырьем металлургическое производство.

Возле раскрытых ворот помимо застывших каменными изваяниями часовых гвардейцев, начальство уже ожидали остальные участники эксперимента. Кроме итальянского мастера, здесь же присутствовали: Николай Коперник, Илларион Титов с одним из своих сыновей и упакованным в промасленный холст увесистым свертком. Рядом с любопытством поглядывая на оружейника и его ношу, толклись Корнев с Емелиным и Щебенкин. Всем присутствующим предстояло ни много, ни мало принять участие в рождении нового вида оружия.

Очевидный успех в создании артиллерии нового образца навел Егора еще на одну счастливую мысль. Он предложил по той же технологии производить из привозимого

немецкими купцами железа мушкетные стволы. Изготовленный, таким образом мушкет при значительном уменьшении веса был гораздо прочнее пищали, обладал большей точностью и дальностью стрельбы. Кроме того, значительно ускорился и сам процесс производства оружия. В мастерской Титова в свою очередь был размещен заказ, на производство кремневых замков для новых ружей. Конструкцию замка неоднократно виденную в книгах и краеведческом музее Ляшков воспроизвел по памяти. К счастью опытный оружейник сумел разобраться в корявых чертежах и рисунках предоставленных ему начальством, и работа закипела. Вот теперь по довольной и слегка загадочной физиономии оружейника нетрудно было догадаться, что находится в изгвазданной масляными пятнами холстине.

— Ну, что все готовы — спешиваясь и бросая повод телохранителю, весело поинтересовался Егор у столпившихся соратников — можно начинать?

— Да ваше величество — поклонился итальянец — прошу вас пройти в мастерскую.

Здесь возможно следует заметить, что по прошествии четырех лет пребывания в прошлом наши хронопутешественники все-таки научились всерьез воспринимать те титулы, которыми их величало местное население. Они, наконец, прекратили фыркать и кривляться когда кого-либо из них называли «вашей милостью» или тем паче «вашим величеством».

Получив приглашение мастера, вся делегация шумно и торжественно прошествовала в просторное помещение цеха, где несколько работников заканчивали подготовку оборудования.

— Прошу прощения государь — еще раз поклонился Павелетти — но я сомневаюсь в успехе. Боюсь, что сверло слишком тонкое, а ведь обрабатывать железо гораздо труднее, нежели мягкую медь.

— Ништо, не бойсь Ваня — ободряюще хлопнув коллегу могучей дланью по плечу, прогудел Титов, после того как перевели смысл сказанного — мы его маслицем поливать будем, чтобы не перегревалось, даст господь, выдержит твоя механизма. Я то сверло из доброй стали ковал, от деда секрет знаю.

Итальянец, колени которого подогнулись от этого дружеского похлопывания, с опаской посмотрел на здоровяка оружейника, и развел руками пробормотав что-то вроде: «дело, конечно ваше, но я предупредил».

— Ну, коли Илларион Филипыч ручается, тогда начинай — махнул рукой Ляшков.

— С богом — перекрестились присутствующие.

Павелетти запустил ременной привод, двое дюжих работников навалились на рычаги, опуская шпиндель, третий принялся добросовестно охлаждать механизм, поливая его льняным маслом. Раздался свист и скрежет, из-под сверла поползла тонкая железная стружка. Экспериментаторы затаили дыхание.

Наконец процесс был завершен и изделие, еще горячее пошло по рукам, пока не оказалось у новгородца.

— Дай ко сюда зятек — пробасил он, забирая у Корнева заготовку и передавая ее сыну — ну все, полюбовались, и хватит, мы с Мартыном сейчас отшлифуем, ложу и замок приладим, а там будете готовую пищаль спытывать.

Оставив мастеров а «доводить до ума» оружие, Ляшков с друзьями направились обедать на Княжью горку, пригласив с собой Коперника, дабы не теряя времени решить еще один важный вопрос. Только они расселись за стол, возле которого, разнося блюда, проворно сновали служанки, появился Петер.

— Ваше величество, господин Кугель просит принять его по неотложному делу —

торжественно провозгласил он.

— Знаю я, его неотложные дела — проворчал Егор — опять выпрашивать чего-нибудь будет. Хорошо, зови и пусть еще один прибор принесут.

— Я даже догадываюсь о чем речь пойдет — хитро усмехнулся Емелин — то-то он вчера крутился возле восточного склада.

— Там же у нас моржовый клык хранится — поперхнулся Щебенкин — как он пронюхал?

— Ага, и клык, и ворвань, и китовый ус — заметил Ляшков — пронюхал таки зараза. Профессионал, ничего не скажешь. Послушаем, что он нам посулит, кстати, у меня тоже есть к нему несколько предложений.

Тем временем в дверном проеме возникла грузная фигура торговца.

— День добрый, герр Кугель — улыбнулся Егор, отвечая на его приветствия, прошу, присоединяйтесь к нашей трапезе, и за едой поведаете, что за нужда привела вас ко мне.

— Благодарю вас ваше величество — вежливо раскланялся ганзеец, усаживаясь на лавку — я хотел предложить вам выгодное предприятие.

— Я весь внимание — кивнул Ляшков — продолжайте.

— Видите ли, на складах Форта Росс мертвым грузом лежат рыбий зуб и ворвань, которые, как мне стало известно, казна за бесценок скупил у переселенцев из Гренландии. Компания «Кугель и сын» могла бы приобрести этот, совершенно не нужный вам товар для реализации его в Европе. Конечно, прибыли эта операция принесет небольшие, едва, едва окупится доставка, но лучше уж такой доход, чем вообще никакого.

— Шаман ты, однако, все знаешь — фыркнул Корнев, толкая в бок Емелина.

— А ты как думал — заважничал «Вжик» — работа у меня такая.

— Это не серьезный разговор, герр Кугель — покачал головой Егор, когда купец назвал ему сумму, предлагаемую за вожденный товар — нам известны европейские цены, и вы практически занизили их втрое. Кроме того, ваша оценка прибыльности предприятия неверна, я удивлен, как такой опытный негодант мог так ошибиться. Уступив вам, казна понесет серьезные убытки, и допустить такого безобразия мы естественно не можем. Вместо этого, я могу предложить вам совместное предприятие. Мы отдаем вам товар под реализацию, и вы сбываете его в Старом свете. После покрытия расходов вам остается двадцать процентов чистой прибыли, а остальная часть, передается в казну.

— Из уважения вам я согласен на тридцать пять процентов — покачал головой купец.

— Побойтесь бога герр Кугель — запротестовал Ляшков — больше двадцати пяти, это чистый грабеж. Мы ведь можем и сами продавать товар, тогда вы вообще не получите никаких прибылей.

— Хорошо, тридцать процентов должны окупить все риски. Но ваше величество, вы не допускаете компанию до прямой торговли с туземцами, запрещаете вывозить меха, я боюсь, такая политика очень быстро разорит меня.

— Ну, раз так, я думаю, что мы договорились — подытожил Егор, поднимаясь из-за стола — господин Коперник пройдемте в мой кабинет, нам есть о чем поговорить.

— Мне кажется, разорение вашему торговому дому в обозримом будущем не грозит — тем временем убеждал ганзейца Емелин — разве построенные вами лесопилка в Еремеевке и типография в Форте приносят маленький доход? Казна стабильно размещает немалые заказы на ваших предприятиях. Взять хотя бы заказ на печать учебников для школы и пиломатериалы для корабельных верфей. Не говоря уже о весьма прибыльной сахарной

торговле, на которую согласно договору мы предоставили вашей компании монополию. Кроме того, вы же прекрасно знаете, что на торговлю с туземцами казна имеет почти исключительное право. Частные лица могут продавать им свои товары только на территории Форта Росс. Такова наша государственная политика и она является одной из гарантий хороших отношений с индейцами.

— Ах, герр Алекс- всплеснул руками купец — политика политикой, но об интересах торговли тоже нельзя забывать, ибо благодаря ей, наполняется княжеская сокровищница. Вот вы говорите о доходах типографии, а сами ломите такую цену на бумагу, выпускаемую вашей же бумажной мельницей. А ведь мне стоило немалых денег привезти хорошего печатника из Ганновера. Лесопилка Майера в Грюнвальде, на Коннектикуте, постоянно сбивает мне цены на пиленный лес. Торговля сахаром, бесспорно, приносит некоторую выгоду, но вы ведь не понаслышке знаете, через какой риск и трудности приходится проходить, доставляя товар в Европу. Ко всему прочему ваши полицейские каждый раз перед отплытием дотошно досматривают корабли, словно мои люди преступники или контрабандисты.

— А вам известно герр Кугель — прищурил глаза «Вжик» — что не далее как неделю назад в трюме одного из ваших коггов мои люди нашли бочонок с бобровыми шкурками, хотя вся меховая торговля, это монополия княжеской казны. Конечно, я могу допустить, что капитан пытался вывезти их без вашего ведома и, что возможно приобретены они на территории Форта. Но разрешить их вывоз не могу. А дабы в дальнейшем избежать дальнейших инцидентов, таможенники будут проверять все выходящие из Новороссии купеческие суда, без исключения. Давайте играть честно. Мы неукоснительно выполняем свою часть договора, вы не нарушаете наших правил.

— Господин фон Штирлиц — беспокойно заерзал почтенный купец — спешу вас уверить, что ничего не знал об этом прискорбном случае и не имею к нему никакого отношения.

— Я верю вам, герр Кугель — поспешил успокоить торговца Леха — а посему не предъявляю никаких претензий.

— Ты, правда ему веришь? — шепотом поинтересовался сидящий рядом и внимательно прислушивающийся к беседе Корнев.

— Разумеется, нет, у меня совсем другая информация, но так надо — так же тихо буркнул Алексей, и продолжил — и чтобы убедить вас в своем хорошем расположении предлагаю вам доленое участие в одном своем весьма выгодном, как я думаю начинании.

— О, я весь внимание — подался вперед негоциант, ведь, несмотря на все свои жалобы, прибыли от торговли с поселенцами он все-таки имел, и немалые.

— Видите ли, я намерен открыть небольшой стекольный заводик — начал Емелин — увы, не имею для этого достаточных средств. Государь отказывается вкладывать казенные деньги в это производство, а я несколько поиздержался при расширении бумажной мануфактуры. У вас же, насколько мне известно, есть свободные средства. Вот мне бы и хотелось предложить вам поучаствовать в этом деле с тем условием, что половина произведенного продукта будет принадлежать вашей компании.

— К сожалению, идея хороша, но ее невозможно осуществить — огорченно покачал головой ганзеец — венецианцы строго хранят секрет изготовления стекла, а шансы заполучить в свое распоряжение мастера — стеклодува вообще минимальны.

— В этом нет необходимости, уважаемый — ухмыльнулся его собеседник — секрет

изготовления стекла мне прекрасно известен. Так, что готовые деньги для строительства мануфактуры.

— Вы полны сюрпризов герр Фон Штирлиц — заулыбался купец — раз так не будем терять времени, пойдемте, нам надо решить массу вопросов. Да кстати, господин Мак Клауд вы разрешите мне поговорить с вашей супругой фрау Светланой? Видите ли, дело касается моего старшего внука Ганса, его отец по делам компании, постоянно находится в Гамбурге, а воспитание своего чада доверил мне. Я бы очень хотел, чтобы его зачислили в ее школу.

— Надеюсь вам известно, что преподавание в ней идет на русском языке? — удивленно поднял глаза, молчавший до сих пор Щебенкин.

— Конечно. Научить его читать, писать, а уж тем более считать на немецком, я могу и сам — согласился торговец — но хотелось бы, чтобы он мог постигать науки на языке государства, в котором живет. За этой страной большое будущее, поверьте мне старику. И мой внук должен занимать здесь не последнее место.

— Это похвальное и мудрое решение — согласился Костя — завтра на ужине мы с женой будем рады видеть вас с внуком своими гостями. Там и решим этот вопрос.

— Благодарю вас — церемонно поклонился Кугель — но пойдемте господин фон Штирлиц. Нас ждут великие свершения.

Когда, оживленно беседуя компаньоны удалились, Корнев удивленно присвистнул и толкнул друга в бок:

— ты это видел. Вот Вжик, бизнесмен хренов. Я не удивлюсь, если он скоро станет главным здешним олигархом. Ну да ладно, каждому свое, пойду гвардейцев погоняю. У меня их теперь две сотни оболтусов, если их не муштровать каждый день до упаду, совсем расслабятся. Да и к походу готовится надо. А ты чего делать будешь?

— Как всегда на верфи пойду. Светка скоро из дома выгонит, — махнул рукой Костя — как новый корабль заложили, так я там днюю и ночую. А то чуть не доглядишь, и опять Сухарев с голландскими мастерами подерется. Привез их Кугель на мою голову. Видите ли у них разногласия. Однако, стоит мне только там появиться как они дружно в один голос начинают вопить, что так никто не строит, и корабль обязательно потонет как только его спустят на воду. Привыкли пузатые «бочонки» ляпать, а когда я им начертил обводы клипера они вой подняли, мол такая посудина на воде держаться не будет и перевернется непременно. Ничего, вот будем парусное вооружение устанавливать, я им кливера нарисую. Послушаем, что они тогда запоют.

— Мда — хмыкнул Сергей — мы то в Ливонии думали, что у нас дел много. Да в сравнении с теперешними нашими заботами, жизнь там, вообще курортом кажется.

— Точно — кивнул Щебенкин — слушай я в последнее время ловлю себя на мысли, что та прошлая жизнь, это не со мной было. Самое страшное, даже лица родных забывать начал.

— А Костян, не трави душу, думаешь один ты такой. Одно хорошо, пока делами занимаешься, ни о чем другом думать некогда. Не так тяжело.

Пока в обеденном зале княжеского дворца развивались вышеописанные события в своем кабинете Ляшков пригласил ученого к письменному столу, заваленному различными рисунками и чертежами.

— Итак господин Коперник — начал он — вы ознакомились с чертежом парового котла, который я дал вам три дня назад?

— Да ваше величество, изобретение без сомнения вызывает некоторый интерес, но простите, я не могу представить чем оно может быть полезно на практике.

— А если соединить поршень приводимый в движение силой пара — системой шестерен и передач с приводом сверлильного станка или колесами экипажа? Вы представляете себе корабль, способный идти без весел и парусов, влекомый вперед давлением пара на подвижный поршень и связанный с гребным валом?

— Но достаточно ли будет велика эта сила, чтобы тянуть тяжелый корабль или крутить колеса экипажа?

— Должна быть достаточной — задумчиво потер подбородок Егор — неужели вы ничего не слышали о паровых пушках древних? Только за счет силы пара они могли бросать каменные и свинцовые ядра на расстояние до трехсот метров. Вот, что господин Коперник, по вот этому чертежу, поручаю вам построить модель паровой машины и провести ее испытания. Необходимые для вашей лаборатории денежные средства получите в казначействе.

— Ваше величество — замялся ученый — прошу дать мне письменное распоряжение на получение денег. Дело в том, что синьора Елена чрезвычайно строга, я бы даже сказал сурова. Она никому не верит, и постоянно требует бумагу с вашей подписью и печатью. Осмелюсь заметить это очень смелый шаг назначить даму на столь важный пост, ни в одной европейской державе, о таком даже не слышали.

— Вот блин развела бюрократию — буркнул Ляшков, и уже громче добавил — сейчас выпишу требование, ничего не поделаешь, деньги счет любят. А лучшего специалиста по денежным вопросам чем «синьора Елена» не найти во всем Новом свете, да может быть и в старом тоже. Да, кстати, как продвигаются дела со строительством университета?

— Уже заканчиваем закладку фундамента, монсиньор. Очень не хватает рабочих рук. Нанятые мной каменщики работают от зари до зари, но их мало и работы идут крайне медленно.

— Увы, больше людей у меня нет, и денег тоже много дать не могу, казна не бездонная. Какие ни будь просьбы, пожелания у вас есть?

— Нет монсиньор. Я могу идти?

— Пожалуйста, если возникнут затруднения, незамедлительно обращайтесь ко мне. Результаты ваших трудов очень важны для нас. И еще, надеюсь мне не надо вам напоминать, что цели и тем более результаты вашей деятельности должны оставаться в тайне.

— Да ваше величество — поклонился ученый — не беспокойтесь, об этом я хорошо помню. Кроме того, лаборатория и мое скромное жилище так тщательно охраняется людьми господина фон Штирлица, что является едва ли не самым безопасным местом в княжестве.

После ухода поляка Егор еще некоторое время разглядывал лежащие на столе рисунки и чертежи, являвшиеся плодом совместных трудов пришельцев из будущего, постаравшихся на бумаге воспроизвести те, более или менее доступные технологии, о которых они имели хоть какое-то представление. Часть их замыслов, как могли убедиться читатели уже начали претворяться в жизнь, остальные еще ждали своего часа.

На причале царила полная неразбериха, десятки грузчиков сустились, перетаскивая на борт стоявших у пристани шитика и ушкуя тюки и бочки с продовольствием, порох, оружие, меновой товар для торговли с индейцами. Наблюдая за всем этим хаосом, Ляшков отдавал последние наставления товарищам, уходящим в экспедицию.

Перед отрядом Саввы насчитывающим шестьдесят человек стояла задача: пройти на север вдоль американского побережья и в заливе реки, которая в наше время именуется Святым Лаврентием поставить острог, преграждающий вход в реку чужим кораблям. Для коей цели в трюме ушкуя помимо прочих грузов находились стволы трех новеньких шестифунтовых орудий предназначенных для установки в крепости. Оставив там четыре десятка поселенцев атаман должен был подняться вверх по реке и достигнув озера Онтарио двигаться вдоль его южного побережья пока не встретится с отрядом Корнева, на этом первоначальный этап экспедиции завершался. Главной целью ее было достичь Великих озер, и закрепившись там начать постепенное освоение края. Попутно судно должно было завезти товар в довольно крупную укрепленную факторию в устье речушки Пеннакук торгующую с индейцами племен пеннакуков, абенаков, покумтуков, пекотов, масачусетов и вапаноагов.

— Серега смотри, будь осторожен, на рожон не лезь — в который раз инструктировал друга Егор — за мохоками приглядывай, они вроде как замиренные, но бог знает, что у них на уме. Открыто не выступят, но в спину могут ударить. С вами пойдет Сат, страшим проводником. В деревушке мохоков, которую алгонкины называют Навакамиг, найдете Бегущего Оленя, это младший военный вождь он поможет собрать необходимое количество воинов. Этому человеку согласно информации «Вжика» стоит доверять. Ты все понял?

— Да понял я, понял Егор — нетерпеливо отмахивался Сергей, оглядываясь по сторонам и пытаясь кого-то разглядеть в толпе отплывающих и провожающих. Физиономия его расплылась в широкой, глуповатой улыбке.

— Ладно, хрен с тобой золотая рыбка — Ляшков хлопнул товарища по плечу — иди, прощайся.

Довольный Корнев, пожав другу руку, опрометью метнулся к одиноко стоящей у складской стены стройной девичьей фигурке.

— Уезжаешь? — подняв на парня заплаканные глаза, безжизненным голосом спросила Алена.

— Надо ехать — пожал плечами Сергей — служба ничего не поделаешь. Кроме меня некому.

— А я как же? Почему с собой взять не хочешь?

— Ну вот, опять двадцать пять. Я же говорю тебе нельзя со мной, опасно это. Ты здесь подождешь. Мы же решили все с батюшкой твоим, когда сватался. Как вернусь сразу под венец.

— Ты же сказывал, ничего страшного нет — вскинулась девушка, стукнув кулачком по железу кольчуги — а сейчас говоришь, что опасно.

— Ну не шибко то опасно — замялся Сергей, проклиная себя за неосторожно вырвавшееся слово — но тебе все равно нельзя. Не женское это дело. Тебя же отец с матерью не отпустят.

— А и не пустят — упрямо тряхнула косой красавица — все одно убегу. С тобой не страшно.

Ты чего это удумала-то вертихвостка? — громом среди ясного неба раздался бас оружейника, подошедшего к молодым и случайно услышавшего последнюю фразу дочери — вот я тебе ужо сбегу. Так сбегу, седмицу на лавку не сядешь. Много воли взяла. А ну марш домой к матери, и из дома, чтоб ни шагу. Мартынка проводи ее, да смотри, головой отвечаешь.

Девушка сердито зыркнула на грозного родителя, однако послушаться не посмела, и быстро поцеловав жениха, гордо выпрямившись, направилась к дому сопровождаемая старшим братом.

— Ты Илларион Филипыч уж не казни ее строго — попросил Сергей — сам видишь, серьезно все.

— Ишь ты, серьезно у них — покачал головой Титов, и добродушно усмехнулся в бороду — да знаю я, иначе не обручились бы. Да и сами, нешто молодыми не были. Не бойсь, не обижу ладушку твою, младшенькая ведь она у меня, любимица. Я с ней и строжится то долго не могу. Но для острастки надо. Ну, давай зятек попросаемся. Все ладно будет. О худом не думай, знай себе дело государево сполняй. И железо, железо смотрите, а то немец уж больно дорого просит за него. Да и со своим то оно надежнее.

У переброшенных с борта шитика сходен, Корнева уже поджидал Ди Вартема.

— Все готово синьор — весело доложил он — трюмы загрузили, люди тоже на борту. Даже месье лекарь почти не опоздал. Да и второй корабль уже отчалил, скоро и нам пора.

Еще раз, окинув взглядом берег и группку машущих руками друзей, Сергей обернулся и быстро поднялся на борт. Двое дюжих молодцев убрали сходни, гребцы дружно налегли на весло и суденышко двинулось вверх по реке.

Чернышовки достигли быстро, ладья причалила к берегу, где ее ожидала уже целая толпа поселенцев и туземцев. Некогда сожженная дотла деревня махгикан отстроилась заново, обзавелась частоколом и представляла собой солидных размеров городище окруженное со всех сторон пашнями и огородами. В самом центре поселения на манер кремля возвышался рубленый из бревен прямоугольник Чернышовского острога, в котором находились фактория, гарнизон, и дома воеводы и первых поселенцев. Те европейцы, что прибыли сюда второй волной в остроге не поместились и поэтому селились вперемешку с аборигенами, отчего селение приобретало своеобразный, неповторимый колорит. Здесь смешивалось множество различных культур, активно перенимающие друг у друга уклад жизни, обычаи и традиции. Именно Чернышовка по планам Егора и его соратников должна была стать пробной моделью нового общества. В самом центре среди изб и вигвамов заканчивалось строительство здания школы, в которой должны были, вместе учиться, не только дети поселенцев и индейцев, но и те их отцы и старшие братья которые проявят к этому интерес. Причем если учеба для взрослых была делом сугубо добровольным, то образование для юной поросли было обязательным. Воеводе и начальнику местного отделения полиции, были даны четкие и весьма недвусмысленные инструкции по обеспечению явки на уроки всего детского населения в возрасте от семи и до четырнадцати лет включительно.

Вместе с отрядом Корнева прибыли, двое наиболее толковых учеников Арсеньевой. Худосочный юнец из ливонских сервов с иконописным именем Феофан и живая, подвижная полька Кристина в ходе трехгодичного «прогрызания гранита науки» в школе Форта Росс

проявили особое прилежание, и быстрее своих сверстников прошли предложенную Светкой ускоренную программу обучения. Помимо чтения, счета и письма, они получили некоторые первичные знания по физике, химии и биологии, после чего в целях преодоления жесточайшего кадрового голода вынуждены были прервать дальнейшую учебу, и направлены на самостоятельную преподавательскую деятельность.

Высадив новоявленных педагогов и выгрузив на причал, привезенный для них груз учебников и тетрадей, экспедиция приняла на борт проводников и направилась дальше.

Разместив в проходе между скамьями гребцов крошечное каноэ, и бросив в него нехитрые пожитки, Сатэ Ок подошел к стоявшему рядом с кормщиком Сергею.

— Приветствую тебя Маквагабо. Белое перо и Гижияш Нигиг поведут тебя к большой пресной воде.

— Привет Сат — поднял в ответ ладонь Корнев, который уже знал, что за свой рост и телосложение получил от туземцев имя Стоящий Медведь — идем прямо в Навакамиг. Дорогу знаешь?

— Белое Перо хороший воин и знает все пути в земли мохоков. Он сделает, так как сказал Вабогима Егор и проведет его воинов.

В Срединной Земле отряд уже дожидались. К шитику подошло каноэ, с которого на борт поднялся невысокий гибкий и жилистый туземец.

Окинув быстрым взглядом палубу, он направился к Сергею, безошибочно определив в нем командира.

— Бегущий Олень — ткнув рукой в сторону нового гостя, коротко пояснил махгиканин.

— Он то нам как раз и нужен — заметил Корнев.

— Мисковагош сказал Бегущему Оленю, что когда придут воины белого вождя, он должен помочь им — после обмена приветствиями заявил новоприбывший — я пришел.

— Ты привел с собой людей как договаривались?

— Лучшие воины мохоков ждут недалеко. Только вести их будет Красная Птица, так решили старейшие матери и военные вожди.

— А ты тоже пойдешь с нами? — спросил Сергей, памятуя последние наставления друга.

— Я обещал Красному Лису — гордо заявил индеец — Бегущий Олень всегда держит слово, данное другу.

С молодым мохоком, попавшим в плен после памятной битвы под Чернышовкой Емелин, прозванный индейцами Красным Лисом, познакомился в Форте Росс. Выделявшегося, среди своих братьев повышенной любознательностью туземца Алексей заметил сразу и постарался наладить с ним контакт. Попытка увенчалась успехом и между молодыми людьми даже завязались вполне искренние приятельские отношения. Поэтому, когда встал вопрос о наборе отряда мохоков для экспедиции, на роль его командира у «Вжика» была готова кандидатура. Однако как уже, наверное, поняли читатели «местные власти» распорядились по-своему, назначив военным вождем другого человека.

Так или иначе, но четыре каноэ и сорок воинов присоединились к экспедиции в условленном месте. Получив столь солидное подкрепление, отряд продолжил путь.

В тихой, укромной заводи, в небольшом челне негромко беседовали двое краснокожих.

— Мой брат Большое Облако уже знает о бледнолицых пришедших на его землю? — поинтересовался индеец, красивое породистое лицо которого с орлиным «римским» профилем портил огромный шрам.

— Я знаю также, что мохоки пришли вместе с ними — недовольно возразил ему собеседник, пожилой, грузный, абориген — не знаю только зачем. Воины онейдов давно следят за вами.

— Белые люди обманом победили мохоков, убили много охотников и забрали себе их скво. Теперь они заставляют нас идти и убивать своих братьев, угрожая, что сожгут наши вигвамы и убьют наших детей. Мы не будем слушать злых бледнолицых и воевать с онейдами. Когда все мохоки потихоньку уйдут, пусть мои братья нападут на белых, убьют их всех и заберут много хороших вещей, которые они везут с собой. Вещи врагов мы честно поделим пополам. Белый Вождь никогда не узнает, куда делись его воины.

— Но разве белые люди враги онейдов? Пока они не сделали ничего плохого.

— Конечно враги. Они друзья махгикан и ленапов, а эти трусливые жигаги всегда воевали с твоим народом. Даже сейчас Белое Перо и Быстро Плывающая Выдра ведут их к вашим селениям.

— Ты убедил меня, но я хочу, чтобы твои воины напали на злых людей вместе с нами. Пусть мои братья докажут, что они не предавали нас.

— Большая часть воинов, ушла от бледнолицых этой ночью, а самые храбрые и надежные из них останутся со мной. На следующую ночь когда, когда люди Стоящего Медведя будут спать, онейды нападут на них, и мы поможем им. Ударим врагу в спину.

— Ты великий воин — немного поразмыслив, согласился с планом собеседника Большое Облако — пусть будет так, как ты сказал.

Вечером этого же дня, несколькими километрами ниже по течению, у ярко разгорающегося костра собрался другой совет.

— Что то не нравится мне все это синьор — недовольно бурчал, обычно оптимистично настроенный Ди Вартема, полируя тряпицей клинок шпаги — куда сбежали наши союзники? Их было четыре десятка, а после сегодняшней ночи едва ли осталось дюжина. Оба вождя тоже ушли и неизвестно, вернутся ли. Может быть, разоружить оставшихся?

— Мохокам нельзя доверять — поддержал итальянца Белое Перо — их языки лживы, а в груди сердце трусливого вабозо.

За спиной Сергея раздался легкий шорох, и среди раздвинувшихся ветвей появилась фигура индейца.

— Бегущий Олень будет говорить с тобой Стоящий Медведь — тихо заявил он — пусть Белое Перо поможет тебе понять мои слова. Другие белые должны уйти.

— Синьор Лодовико, проверьте посты и дайте команду людям держать оружие наготове. Брони никому не снимать — начал распоряжаться Корнев, на которого загадочное поведение проводника произвело впечатление — мсье Лекье пройдите на борт и приготовьте все необходимое для оказания помощи раненым. Что-то у меня сегодня плохие предчувствия.

— Мохоки ушли — коротко поведал туземец, когда «лишние уши» разошлись.

— Это и без тебя известно — усмехнулся Сергей — а вот почему они ушли, хотелось бы знать.

— Красная Птица сказал воинам идти домой, остаться должны только его родичи, так он сказал.

— Во как — удивился Корнев — все страньше и страньше. Что задумал вождь?

— Бегущий Олень не послушал Красную Птицу и тоже остался, теперь вождь не верит ему.

— А ты, почему не сбежал?

— Бегущий Олень поклялся Красному Лису, что поможет воинам белого вождя. Он не может уйти.

— Бегущий Олень честный человек, он нашел онейдов?

— Я видел их следы. Много следов. Онейды идут за нами. Красная Птица говорил с ними.

— О чем? Ты слышал?

— Я не слышал, видел следы. По следам нельзя узнать, о чем они говорили.

— Ну да, ну да — задумчиво потер подбородок Сергей — вот, что пусть Бегущий Олень и Быстрая Выдра внимательно следят и дадут мне знать, если увидят онейдов. Сат пойдем со мной, будем говорить с мохоками.

Через десять минут Корнев вместе с проводником, Ди Вартема, и группой из пяти бойцов подошел к кострам ирокезов. Остальные члены отряда, разделившись небольшими группами, окружали стоянку индейцев.

Надо сказать, что маневры бледнолицых не прошли незамеченными. Когда Сергей и его люди приблизились, индейцы собрались вокруг одного из костров, и хотя на их бесстрастных лицах никаких эмоций не отражалось, во взглядах и поведении чувствовалась некоторая настороженность. Напряженная тишина буквально повисла в воздухе. Наконец от толпы краснокожих отделился уже знакомый читателям воин со шрамом на лице.

— Приветствую тебя Стоящий Медведь.

— Здравствуй и ты Красная Птица, что-то я давно тебя не видел. Да и воинов у тебя смотрю поубавилось.

— Ты сам велел мне идти искать онейдов. А воины ушли на охоту, чтобы добыть свежего мяса.

— Ну а онейдов то нашел? Неужели нет никаких следов, мы уже столько времени идем по их земле.

Глаза вождя настороженно сверкнули, но лицо оставалось непроницаемым.

— Онейды ушли, наверное они боятся встречи с твоими грозными воинами. Я не видел ни одного их охотника.

— Ай, ай, ай, вот беда-то — покачал головой Корнев — и чего это они испугались? Мы ведь ничего плохого никому не сделали.

— Красная Птица не знает мыслей онейдов — безразлично пожал плечами индеец.

— Зато я знаю мысли Красной Птицы — возразил Сергей — по-моему, оружие очень мешает мохокам. Пусть они отдадут его мне. Обещаю, я буду хорошо его хранить и ничего не потеряю.

— Мохоки сами привыкли заботиться о своем оружии — криво усмехнулся вождь.

Его усмешка стала похожа на оскал волка, загнанного в капкан. Бросив беглый взгляд по сторонам, он что-то сказал своим соплеменникам и вдруг, прежде чем кто-либо успел, что-нибудь предпринять, в его руке блеснул нож. Ирокез ударил им в грудь стоявшего на расстоянии вытянутой руки Сергея, и воспользовавшись секундным замешательством, бросился в густой кустарник. Навстречу ему метнулся Сатэ Ок, но путь ему преградил один из мохоков. Воины, сцепившись, покатались по земле. Остальные туземцы, рассыпавшись, предприняли отчаянную попытку скрыться в лесу. В нескольких местах, там, где путь им преградили колонисты, возникли отчаянные схватки, которые впрочем, быстро угасли. Прорваться удалось немногим. Семь мертвых тел остались лежать на поляне. Поселенцы

потеряли двоих бойцов убитыми и один отделался легким ранением.

— Вот тебе и разоружили — растерянно заметил Корнев, ощупывая место, куда был нанесен удар — здорово он меня шарахнул, если бы не кольчужка, все абзац был бы. Черт возьми, что же они такое задумали?

— Пленных взять не удалось — доложил Ди Вартема, вытирая и пряча в ножны клинок — краснокожие дрались как дьяволы. Так, что нам остается только гадать об их планах.

— Сат, возьми несколько ребят, приведите ко мне Бегущего Оленя. Остальным сворачивать лагерь и грузиться на шитик. Думаю эту ночь нам лучше провести на середине реки.

Через несколько минут, махгиканин в сопровождении нескольких конвоиров привел Бегущего Оленя. Лицо ирокеза как обычно было невозмутимо спокойным.

— Красная Птица и твои соплеменники предали нас — без обидняков заявил ему Сергей — ты знал о том, что они хотят сделать?

— Красная Птица не любит бледнолицых. Но я не знал, что Маниту настолько лишил его разума, чтобы он мог напасть на них — невозмутимо ответил индеец — теперь воины белого вождя будут мстить мохокам. Из-за его глупости погибнет мой народ.

— Почему я должен верить тебе?

— Ты можешь не верить, ведь мои братья обманули тебя. Можешь даже убить меня — пожал плечами ирокез — но мой язык не произнес ни слова лжи.

— Хорошо — немного поразмыслив, кивнул головой Корнев — мои воины возьмут твоё оружие и отведут тебя на ладью. Пока посидишь под охраной, а потом решим, что с тобой делать.

Пока шла эта беседа, поселенцы поспешно сворачивали лагерь и грузились на суденышко, после чего оно отошло от берега и бросило якорь на середине реки.

Как выяснилось, эта мера безопасности была предпринята не напрасно. Время уже близилось к рассвету, когда часовой сидевший на корме шитика слышал в тумане тихий плеск и заметил какое-то неясное движение. Изрядно напуганный событиями вчерашнего вечера, он, не теряя времени, поднял тревогу и когда белесая дымка слегка рассеялась все бойцы корневского отряда уже находились на местах совершенно готовые к бою. Картина, открывшаяся их взорам, была безрадостной. Снизу по реке к шитику шло около полутора десятков каноэ в которых сидели готовые к драке индейские воины в боевой раскраске. Еще около десятка челнов спускалось сверху по течению. Кустарник по обоим берегам буквально кишел туземцами. Град стрел обрушился на лодью, они стучали по дереву бортов, звякая отскакивали от доспехов воинов, которые их каменные и медные наконечники не могли пробить. В ответ загрохотали пищали поселенцев. Воздух наполнился боевыми кличами краснокожих, свистом стрел и треском пищальной пальбы. Гулко рявкнул фальконет, установленный на вертлюге в носовой части суденышка. Небольшое ядро в щепки разбило одну из хрупких индейских лодчонок и теперь несколько уцелевших ее гребцов пытались вплавь добраться до берега. Между тем массированный обстрел со стороны индейцев также стал давать свои результаты. Поселенцы тоже стали нести потери. Одного из них стрела поразила в незащищенное лицо. Другому пробила горло. Еще несколько человек получили ранения в основном не прикрытых доспехами рук и ног. Однако потери атакующих были неизмеримо больше. Жребий и арбалетные болты буквально выкашивали их ряды, не давая приблизиться к шитику. Прошло несколько минут, и атака ирокезов захлебнулась. Бой закончился также внезапно, как и начался. На реку обрушилась тишина. О произошедшей

здесь драме напоминали только тела убитых индейцев и обломки их каноэ проплывающие по затянутой сизым пороховым дымом воде. На судне, бойцы спешно заряжали свои пищали, внимательно вглядываясь в заросли. Легче метался по лодье, оказывая помощь серьезно раненным, их оказалось трое. Многие получили царапины, которые требовалось также осмотреть, поскольку стрелы индейцев могли быть отравлены.

К Сергею подошел обвязывающий руку чистой тряпичей Ди Вартема, и сообщил, что сидящий по арестом в трюме проводник хочет говорить с ним.

— Я слушаю тебя — начал Корнев, пытливо глядя в глаза стоящему напротив него индейцу — ты хотел видеть меня?

— Бегущий Олень сожалеет о крови, которая здесь пролилась. Этого не должно было случиться. Теперь я знаю, это Красная Птица обманул онейдов. Если Стоящий Медведь отпустит меня, я пойду к ним, и буду говорить. Я скажу, что белые не хотели им зла, и белый вождь простит их ошибку, если ирокезы зароют топор войны, и будут мирно торговать с его людьми. Ты должен верить мне. Надо остановить войну, иначе онейды будут нападать снова и снова, они не позволят белым пройти к большой пресной воде. Кровь твоих воинов будет пролита зря.

— Мне надо подумать, а пока тебя отведут вниз.

Когда индейца увели Сергей собрал на совет Ди Вартема и Сатэ Ока. Первый тут же выразил полное недоверие к заявлению мохока.

— С его нельзя отпускать — горячо возражал итальянец — все его соплеменники зарекомендовали себя подлыми и лживыми негодяями. Почему этот должен быть лучше. махгиканин был прав, когда говорил, что им нельзя доверять.

— Бегущий Олень не будет лгать — внезапно встал на сторону мохока Белое Перо — он не предаст нас.

— Да откуда тебе знать?

— Я тоже склонен ему верить — вмешался в спор соратников Корнев — к тому же у нас нет иного выхода. Онейды будут ждать, когда мы высадимся на берег, чтобы снова напасть. Это будет продолжаться до тех пор, пока они не перебьют нас всех или не вынудят повернуть обратно. И то и другое меня не устраивает. Надо говорить с ними и лучше кандидатуры, чем Бегущий Олень нам не найти. В любом случае стоит рискнуть.

— Как хотите синьор — махнул рукой Ди Вартема — но я не стал бы полагаться на обещания этого туземца.

Прошло два дня с момента, когда Бегущий Олень был направлен на переговоры с онейдами. С тех пор о нем, не было ни слуху, ни духу. Правда и повторных нападений, тоже не случалось. Наконец на утро третьего дня, года раздосадованный за свою доверчивость Корнев, уже собиравшийся отдать приказ двигаться дальше, на берегу появилась небольшая процессия. Десятка полтора индейцев во главе с грузным довольно пожилым вождем подошли к кромке воды и положили оружие в знак своих мирных намерений. Шедшие позади колонны четверо краснокожих плавно опустили на землю некоторое подобие носилок, на которых лежало нечто прикрытое звериными шкурами.

Некоторое время Сергей разглядывал с борта шитика стоящих на берегу аборигенов, а затем приняв решение взял с собой махгиканина и направился на переговоры.

— Приветствую тебя вождь бледнолицых — важно кивнул головой толстяк — я Большое Облако вождь онейдов. Бегущий Олень приходил в наши вигвамы, он сказал, Красная Птица обманул онейдов, белые не хотят войны.

— Мы шли сюда с миром, везли много хороших вещей, чтобы торговать с ирокезами. Твои люди напали на нас, они убили моих воинов. Я не знаю, как теперь разговаривать с онейдами.

— Лживый язык того, кого мы считали своим другом и братом, сказал слова, помутившие наш разум. Мы заплатим тебе за убитых и раненых воинов, что бы между нашими народами не было вражды. Бегущий Олень сказал, чтобы я верил Стоящему Медведю, он хочет закопать топор войны.

— Хорошо, я поверю тебе. А где сам Бегущий Олень?

— Здесь — коротко ответил Большое Облако подводя его к импровизированным носилкам — он ушел сказать своим белым друзьям слова мира. Мы нашли тело недалеко отсюда. Следы сказали: Красная Птица убил его. Теперь он мой враг.

Ошеломленный известием Корнев некоторое время молча стоял у тела своего проводника отдавшего свою жизнь для того, чтобы предотвратить кровопролитие между двумя чужими для него народами. Так или иначе, ему это удалось.

Дальнейшие переговоры с обязательной пирушкой и последующей процедурой выкуривания трубки мира прошли, что называется в теплой и дружеской атмосфере. Они закончились заключением торгового договора с туземцами, согласно которому поселенцы могли занять для своей крепости любой участок принадлежащего онейдам побережья озера Онтарио. После чего экспедиция продолжила свой путь уже в сопровождении их проводников, и через несколько дней пути, перед взором европейцев открылись бескрайние просторы огромного пресного моря.

Конец первой книги.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Сидор —армейский вещмешок.

Алебарда —(франц. — hallebarde, helberd, итал. — alabarda) колющее и рубящее древковое холодное оружие в виде длинного копья с насаженным топором. Топор располагается между тульей и пером и часто бывает двусторонним. Иногда на обухе топора имеются крючья для стаскивания противника с седла. Лезвие насаживалось на длинное древко (или топорище) и часто украшалось позолотой или чеканкой. Излюбленное оружие пехоты с XIV в.

Моргенштерн— в переводе с немецкого языка означает утренняя звезда, холодное оружие дробящего действия в виде шипастого металлического шара, как правило, прикрепленного цепочкой к деревянной рукояти.

Колет —средневековая мужская одежда.

Реконструкторы —здесь члены клуба исторической реконструкции.

Жмурик— (жарг.) труп.

Их фирште нихт —(нем.) я не понимаю.

Фогт —правитель фогтии, территориальной единицы Ливонского ордена. Назначался на эту должность главой Ордена.

Начетник —человек, ведающий в замке по мимо прочего, сбором податей с принадлежащего господину населения и распределением повинностей.

Донжон— главная, жилая башня в замке.

Морион —тип шлема, представлял собой железную шапку с расположенными вдоль высоким металлическим гребнем, и полями, вытягивающимися вперед и назад и слегка заостряющимися. Защита лица и шеи сзади не предусматривалась.

Клеймор —разновидность двуручного меча.

Данке —(нем.) благодарю.

Вас —(нем.) что.

Замок —здесь заместитель командира взвода.

Целибат —обет безбрачия, даваемый рыцарем крестоносцем.

Чекан —холодное оружие дробящего действия, разновидность боевого молота.

Кафа —город в Крыму, один из крупнейших рынков рабов.

Фрязин —так на Руси называли итальянцев.

На нас с Костиком в любом случае ни один из них не налезет —в описываемые времена средний рост человека едва достигал 165 см.

Совня —колюще-рубящее древковое холодное оружие видоизменение рогатины, имела кривую полосу клинка с одним лезвием и скосом обуха, насаженного на длинное древко. **Лэнс** —здесь рыцарское копье, могло быть боевым либо турнирным.

Великий Князь Московский, объявит войну Ливонскому ордену —имеется в виду Русско-ливонская война 1500–1503 годов. В ответ на нападение ливонцев на Изборск и Остров великий князь московский Иван III послал против них рать во главе с воеводой Д.В. Щеней. Тот вторгся в Ливонию, но рыцари избегали открытого боя и укрылись в крепостях.

Магистр Плеттенберг —Вальтер фон Плеттенберг (Wolter von Plettenberg) магистр (правитель) Ливонского ордена в 1494–1535 гг.

Ливы, лэты —прибалтийские племена предки нынешних латышей.

Серв —раб, крепостной крестьянин.

Панцирь —здесь кольчуга особого плетения, в которой часть колец лежала плашмя, а половина стояла вертикально, образуя толстую металлическую подушку.

Бацинет —(bascinet) горшок из толстого железа, реже стали, сваренный из двух половин — внутри был подшлемник из толстого войлока или стеганки, а по нижнему краю, через кожаную полосу был пришнурован кольчатый полог. Бацинеты были разной формы — от сферических, до заостренных вверху.

Наруч— металлическая пластина защищающая запястье и предплечье.

Шапель— пехотный шлем с широкими полями в виде перевернутого таза.

Налядвенник— часть доспеха, закрывающая бедро вместе с наколенником.

Батарлыг— (бутурлыг) доспех, защищающий ногу от колена до щиколотки.

Шишак— островерхий шлем конической формы.

Кирха —католический храм.

Кавалер— рыцарь

Собачья вахта— смена часового выпадающая на предутренние часы

Барбют —пехотный (иногда носился кавалеристами) шлем конструктивно почти не отличается от бацинетов, разве что полог на него не крепится. Так что носили их на кольчатые капюшоны, или без оных, при наличии подшлемника. Барбюты делались в форме колокола с вырезом для лица. Вырезы были различных форм — от Т-образного для глаз и носа, до полностью открытого лица. Для усиления на барбютах часто делался минимальный гребень, или скорее ребро жесткости.

Гизарда— (гвизарма или гизарма) (франц. — guisarme) — холодное оружие, вид алебарды с длинным узким, слегка изогнутым лезвием, снабженное длинным шиловидным лезвием направленным вверх. Использовалась для того, чтобы рубить, колоть и стаскивать с седла.

Кнехт —воин в отряде средневекового рыцаря, как правило, человек подневольный, набирались «по призыву» из крепостных, в отличие от наемников служили безвозмездно (то есть даром).

Марка— средневековая немецкая серебряная монета.

Ганза— (нем. Hanse, древн. — верхн. — нем. Hansa, буквально «группа», «союз») — военно-торговый союз купеческих гильдий, который установил и поддерживал торговую монополию на Балтийском море, частично на Северном море и в большей части Северной Европы в период между XIII и XVII веками. Также называют Ганзейским союзом.

Когг —(когга) 200–300 тонные-парусные корабли которые стали строиться в середине 13 века. Они не несли косых парусов. Возможности ходить под углом к ветру ганзейские мореходы добились за счет снабжения корабля килем и замены рулевых весел рулевой лопастью. Кроме того, на рубеже 14–15 веков выше главного паруса (грота) стал ставиться парус меньшего размера — марсель.

Джуббоне —в конце 15 — начале 16 веков верхняя мужская одежда с большим количеством сборок, придававшая фигуре мощный, громоздкий вид.

Московский князь, Иван взялся чинить препоны торговле Ганзы с Новгородом —закрытие ганзейского двора в Новгороде Иваном III в 1494 г., по мнению ряда историков произошло по трем основным причинам:

1) оно явилось одной из акций в цепи антиновгородской политики Ивана III;

2) оно было произведено в исполнение обязательства, данного Иваном III датскому королю Хансу при заключении русско-датского договора 1493 г.;

3) оно было обусловлено стремлением русского правительства к ликвидации монополии Ганзы на посредническую торговлю между Русью и Западной Европой и к установлению с последней непосредственных экономических контактов.

Непосредственным же толчком к суровым репрессиям против ганзейского купечества в Новгороде послужила казнь русских в Ревеле осенью 1494 г.

Витальеры —(в переводе с немецкого Vitalienbruder — братство кормильцев), называвшие себя «друзьями Бога и врагами мира». Главная база витальеров находилась на острове Готланд. После многочисленных тяжелых морских боев, в 1401 году силами Ганзы с помощью рыцарей — крестоносцев удалось разгромить основные базы пиратов. Руководители витальеров в том числе знаменитый Клаус Штертебекер были захвачены в плен и обезглавлены. С этого момента как организация витальеры прекратили свое существование, но пиратство на Балтике не прекратилось, а название прочно закрепилось за всеми балтийскими пиратами.

Аэгн —остров в Балтийском море недалеко от Риги, был известен как прибежище пиратов.

Который продают венецианцы —в описываемые времена торговля тростниковым сахаром была монополизирована венецианскими купцами, которые скупали этот дефицитный продукт в Турции и Египте и перепродавали в Европе втридорога.

Произошла битва на долгое время решившая судьбу новгородской вольницы— имеется в виду сражение, произошедшее 14 июля 1471 г. на реке Шелони. Несмотря на восьмикратное превосходство в силах новгородцы были разбиты московским войском

Если Перуну жертву не принесешь, в озеро лучше не ходить, буря будет —старинное поверье, однако если верить современным путешественникам действует до сих пор.

Поршни —мягкие кожаные сапоги.

Порты —штаны.

Густо нарумяненной, нарядно одетой красотки —в те времена русские женщины предпочитали накладывать на лицо толстый слой косметики (мода, ничего не поделаешь), что очень удивляло и шокировало иностранцев.

Немчура не мытая —немцами называли на Руси любого западного европейца.

Байстрюк —бранное слово дословно обозначающее — незаконнорожденный.

Приятно удивила чистота и опрятность —до правления Ивана 4, распитие спиртных напитков и прием пищи вне дома на Руси, мягко говоря, не приветствовалось. В тех немногих заведениях, которые все-таки открывались для купцов и путешественников, поддерживался строжайший порядок.

Пряженцы —жаренные пироги.

Убоина —говядина.

Басурманин— (бесермен) так называли любого иноверца.

Ушкуй —одномачтовая новгородская ладья около 20 м, ширина 4,5–5,5 м, осадка 2 м. На съемной мачте поднимался один прямой парус площадью 70–80 квадратных метров. В случае безветрия использовались весла. Судно вмещало 25–30 человек экипажа и 15–20

воинов и от 100 до 200 тонн груза.

По кругу пустили братину — древний русский обычай, собравшиеся отпивали по очереди из большой круглой чаши (братины) вино, мед или пиво и становились побратимами.

На Волгу не ходи, купцов бусурманских не трогай, татар не тревожь, негде молодцам и разгуляться — любимым развлечением новгородских ушкуйников (читай речных пиратов) стало ходить на Волгу и северные реки и грабить (шарпать) тамошнее население и купцов. Отсюда выражение погулять в низовьях — поразбойничать в устье Волги. Эти безбашенные ребята в самый разгар монголо-татарского ига умудрялись несколько раз сжечь ордынскую столицу, не говоря уже о более мелких городках и становищах. Естественно, захватив власть в Новгороде московские правители стали прижимать эту вольницу, либо давать ей «зеленый свет» в зависимости от текущей политики в отношении Орды.

Поруб — тюрьма.

Студеное море — Белое море.

Кормщик — человек управляющий ладьей (кормило — рулевое весло).

Я людьми не торгую, чай не басурманин какой — на Руси в отличие от западных стран в те времена рабства не было, любой человек изначально считался свободным, если конечно он не продал себя в холопы сам.

Пищаль — старинное, фитильное дульнозарядное ружье; один из первоначальных образцов ручного огнестрельного оружия с 1-й трети 15 в. Заряжалась с дула каменными, а затем свинцовыми пулями. Пороховой заряд поджигался от руки через затравочное отверстие в стволе.

Кнарр — боевой корабль, отличался от гражданского башнями на носу и корме (форкастлем и ахтеркастлем) и громадным «вороньим гнездом» на мачте. С внешней стороны борта приколачивался закрытый балкон для гребцов — кринолин.

Аркебуза — франц. (arquebuse) см. пищаль.

Сerpентинный замок — фитильный замок для аркебуз и пищалей в виде буквы S. При нажатии на скобу, тлеющий фитиль опускался к затравочному отверстию и поджигал порох.

Кулеврина — здесь артиллерийское орудие отличалось от бомбарды меньшим размером и калибром.

Одна из привезенных Кугелем бомбард, установленная на деревянный лафет — в те времена крепостные орудия укладывались в деревянные ящики, а полевые перевозились на телегах. Непосредственно перед стрельбой ствол орудия казенной частью укладывался в выкопанную заранее яму, от глубины которой зависел угол возвышения при стрельбе.

Канонир — артиллерист.

Дублет — средневековая мужская одежда.

Герман фон Бригеней — Герман фон Брюггеноэ (Hermann von BrЭggenei) магистр Ливонского ордена с 1535–1549 гг.

Барбакан — как правило, вынесенное вперед укрепление, предназначенное для защиты подступов к воротам.

Бабу ягу со стороны не брать, а воспитать в своем коллективе — здесь имеется в виду расхожая фраза из известного к\ф «Карнавальная ночь».

Лэнс — (нем. копье) в данном случае личная дружина феодала.

Жмудь— прибалтийская народность, предки нынешних литовцев.

Комтур —правитель комтурии, территориальной единицы Ливонского ордена. Назначался на эту должность главой Ордена.

Литва сейчас с Москвой воюет —здесь имеется в виду второй поход на Литву предпринятый Иваном III в 1500 г. под предлогом защиты права Елены, жены Александра, исповедовать православную веру. Ливонский орден являлся союзником Великого Княжества Литовского но в войне активного участия не принимал.

Теглев Евфстафий Юрьевич— помещик, возможно род происходит от Тегля Юрия, правнука Одра, пасынка Батыя, вышедшего из Орды к Великому князю Василию Васильевичу (Тёмному) в 1425 году. Фамилия происходит от тюркского Тегли «родовитый». После захвата Великого Новгорода московскими войсками Ивана III дворянский род Теглевых получил земельный надел в новгородчине в р-не нынешнего г. Рыбинска.

Перевязь с 12 патронами, деревянная пороховница, кожаный подсумок для мерного стаканчика, пуль и пыжей— в данном случае главными героями взято за образец стандартное снаряжение мушкетера или стрельца второй половины 16- начала 18 вв.

Бердыш —(польск. berysz — топор, bardiche, berdishe) восточноевропейское рубящее древковое оружие в виде топора с широким лезвием (железко) в форме полумесяца на длинном древке, которое на нижнем конце имело железную оковку, или вток. Бердыши употреблялись только пехотинцами.

Стрига — Оболенский— князь Иван Васильевич Стрига — Оболенский представитель древней княжеской фамилии. Основатель рода младший сын князя Черниговского Михаила Всволодовича, принявшего мученическую смерть и причисленного к лику святых, — Юрий, князь Тарусский и Оболенский. Его сын Константин Юрьевич унаследовал от отца город Оболенск и передал прозвание Оболенский в виде фамилии своим потомкам. И.В. Стрига — Оболенский принимал участие в походе на Новгород командовал полком. После захвата города и ликвидации самоуправления Новгородской республики вместе с братом Ярославом был назначен наместником Великого Князя Московского на Софийской стороне.

Инсургент —повстанец.

Топхельм —а по-русски ведра или горшки. Это и правда были ведра и горшки из железа с узкими смотровыми щелями и решеткой для дыхания. Толстые войлочные или стеганные подшлемники обеспечивали целостность головы при ударах. Форма у топхельмов была разнообразная — и цилиндрическая, и покатая. К описываемому времени безнадежно устарели, но еще использовались небогатыми рыцарями.

Алый меч и крест— эмблема Ливонского Ордена.

Протазан— колющее древковое холодное оружие, состоящее из пера, тулей, лезвия в виде полумесяца, помочей и длинного до 250 см. древка.

Жребий— так на Руси называли крупнокалиберную дробь, забиваемую в пищаль.

Каракка —крупнейшее грузовое судно. Имела несколько продольных креплений, высокий бак, а на квартердеке — две палубы или более; по водоизмещению превосходила ранее существовавшие суда. Наибольшие из каракк, очевидно, достигали 2000 т. Они были хорошо вооружены: имели 30-40пушек. Суда несли три мачты: в середине грот-мачту с большим реем и прямым парусом, состоящим из двух половин, в носу — фок-мачту тоже с прямым парусом, в корме — бизань-мачту с латинским парусом и на баке — бушприт. Имела длину 30 м. ширину 10 м., высоту борта 6,5 м., грузоподъемность более 600 т. Экипаж

в зависимости от размеров судна мог достигать 100 человек.

Жутко вонючим улочкам древнего Гамбурга — в европейских городах того времени царил полнейшая антисанитария. Помои, отбросы и отходы жизнедеятельности жители не задумываясь выбрасывали прямо на улицу (причем не интересуясь есть там кто-нибудь или нет). Отсюда обилие инфекционных заболеваний и прочие «прелести».

У Колумба ушло два месяца и неделя — Христофор Колумб (лат. Christophorus Columbus, итал. Cristoforo Colombo, исп. Cristóbal Colón; 29 октября 1451 г. на острове Корсика, тогдашнем владении Генуи, Италия (по одной из версий) — 20 мая 1506 г. Вальядолид, Испания) — испанский мореплаватель и открыватель новых земель, всемирно известен своим открытием Америки (1492). Первое путешествие 3 августа 1492 — 15 марта 1493 гг. 13 октября 1492 г. — Колумб высадился на берег, водрузил на нём кастильское знамя, формально вступил во владение островом и составил об этом нотариальный акт.

Остров назван Сан-Сальвадором.

Нок рея — это свободный (/верхний/меньший по диаметру) конец стоячего рангоута. Ну и по совместительству самое удобное место для повешения на корабле.

Чингачгук — Большой (Великий) Змей, герой книг Фенимора Купера.

Бак — (голл. bak) — надстройка в носовой части палубы, доходящая до форштевня. Баком раньше называли носовую часть верхней палубы (спереди фок — мачты). Служит для защиты верхней палубы от заливания встречной волной, повышения непотопляемости, размещения служебных помещений и т. д.

Такелаж — общее наименование всех снастей, составляющее вообще вооружение судна или вооружение рангоутного дерева. Такелаж, служащий для удержания рангоута в надлежащем положении, называется стоячим, весь же остальной — бегучим.

Гишпанского — испанского.

Джеймс Фенимор Купер — знаменитый американский писатель, автор большого количества приключенческих книг, в том числе и о жизни американских индейцев.

Пуд — мера веса равняется 16 кг.

Собранный из гибких прутьев, обтянутых тщательно выделанной кожей — такова была технология изготовления индейского лука, гибкие прутья обтягивались мокрой кожей, которая при высыхании намертво стягивала их. Такие луки превосходили хваленые английские представлявшие собой длинную (до 2х метров) тисовую палку, но уступали клееным из нескольких сортов древесины турецким, татарским и русским лукам.

Каное — берестяная лодка американских индейцев.

Кита — кита земляная — стена составленная из бревенчатых срубов, заваленных камнями, а поверх присыпанная землей. Иногда часть таких срубов не заполнялась камнями, а оставлялась свободными, использовалась для установки артиллерийских орудий, размещения стрелков или под хозяйственные помещения.

Блокгауз — деревянное рубленое отдельно стоящее укрепление одно или двух этажное.

Делавары — (самоназвание — ленапэ) североамериканское индейское племя принадлежащее к алгонкинской языковой семье.

Онандаги — (самоназвание — онундагаоно) североамериканское индейское племя, входящее в племенной союз ирокезов.

Мордуша — рыболовная снасть в виде плетеной корзины с крышкой.

Бредень — одна из разновидностей рыболовной сети. Пройтись с бреднем означает, что два человека берутся за край сети и держа ее натянутой чуть под углом идут по дну реки (конечно там где это возможно), собирая таким образом рыбу.

Могикане — (самоназвание — махикане, махгикане) североамериканское индейское племя, принадлежащее к алгонкинской языковой семье.

Грубовато сработанный медный клинок — вообще-то алгонкинские племена не умели обрабатывать медь. Оружие и орудия труда делали из дерева, камня или кости. Медное оружие получали в виде военных трофеев от своих соседей ирокезов, с которыми регулярно воевали, и которые с этим металлом были знакомы.

Сатэ-ок — (алгонк.) Белое Перо.

Поддоспешник — толстая кожаная, или ватная куртка, одеваемая под доспех.

Юшман — кольчужная рубашка с вплетенным на груди и спине набором горизонтальных пластин, монтировавшихся с небольшим припуском друг на друга. Имел полный разрез от шеи до подола, надевался в рукава как кафтан, застегиваясь застегжками — кюрками. Весил 12–15 кг.

Еловец — яловец, шлем шишак, состоящий из венца, тульи и шиша с навершием в виде длинного шпиля, к которому крепился кусок красной ткани или кожи.

Личина — защитная пластина в виде маски крепящаяся к шлему и защищающая лицо.

Бармица — кольчужная сетка, крепящаяся к шлему предназначенная для защиты шеи.

Пума — горный лев, крупное хищное животное из отряда кошачьих, в те времена водилось практически повсеместно на территории Северной Америки.

Они ему нарочно девку ладную подкладывают — такой обычай существовал (говорят кое-где и до сих пор существует) у коренных народов Северной Америки, Сибири и Дальнего Востока. Причем считается, что это не гостю оказывают услугу, а гость в благодарность за теплый прием, должен оказать услугу хозяевам. По-видимому, обычай бреет начало с тех времен, когда племена жили изолированно друг от друга и дабы избежать вырождения, неминуемого возникающего при браках между родственниками, использовали любую возможность добавить «свежую кровь».

Мохоки — (мохауки, могавки) североамериканское индейское племя, входящее в состав племенного союза ирокезов.

Скво — женщина.

Кенигсберг — (нем.) королевская (княжеская) гора.

Куяк — пластинчатый доспех. Изготавливался путем нашивания прямоугольных или круглых металлических пластин на кожаную или суконную основу.

Ют — кормовая часть верхней палубы судна или кормовая надстройка на судне.

Косой острог — частокол, бревна которого наклонены внутрь.

Мусульманские пираты — пиратство было любимым занятием средневековых жителей Алжира и Мавритании, сотни их галер наводили ужас на торговых путях Средиземноморья.

Неф — средиземноморское парусно — гребное судно водоизмещением от 200 и более тонн, в основном генуэзской или венецианской постройки, способное нести как прямые так и косые паруса.

Шканцы — самый верхний помост или палуба в кормовой части парусного судна, где находились вахтенные офицеры и устанавливались компасы. Позднее шканцами называли

часть верхней палубы военного корабля между грот — и бизань-мачтами. Шканцы считались почетным местом на корабле: там зачитывались перед строем манифесты, приказы, приговоры. На шканцах запрещалось садиться и курить всем, кроме командира (капитана) корабля и флагмана.

Стеньга —(голл. — steng) — продолжение верхнего конца судовой мачты, служащее для крепления сигнальных реев, судовых огней, гафелей, парусов.

Планшир— самый верхний брус на фальшборте палубных судов.

Фальшборт —продолжение борта выше открытой верхней палубы.

Гайтан —шелковый шнурок для ладанки, образка или нательного креста.

Братство Морозини —торговое общество венецианских купцов специализировавшееся на меховой торговле с Ганзой.

Солдат удачи —наемник.

Лодовико ди Вартема— (Ludovico Di Varthema, 1470–1517), В 1502 году он покинул Рим. В Египте и Сирии он изучил арабский язык, стал вести образ жизни мусульманина. Это позволило ему беспрепятственно путешествовать по всем странам мусульманской сферы влияния — его будто бы даже занесло в Индокитай и на Молуккские острова. Его описания Мекки, Медины и районов Южной Аравии — первое письменное свидетельство европейца о тех областях мира. В Индии 16 марта 1506 года он помогает португальцам, предупреждает о готовящемся со стороны турок нападении на их флот.

Заслуги Вартемы были оценены высоко, его посвятил рыцари король Португалии Мануэль I (1508 год). В Европе издал книгу о своих путешествиях, бывшую длительное время очень популярной. Считается, что сочинение Вартемы «Itinerario de Ludouico de Varthema Bolognese» было впервые опубликовано в 1510 г. в Риме. Считается, что наряду с явными вымыслами в ней содержатся и правдивые сведения о географии, нравах и быте народов Индии и Ближнего Востока.

Огнем и мечом прошли солдаты Чезаре Борджиа, и только вмешательство французского короля спасло Флоренцию —ситуация в северной Италии значительно обострилась с формированием в Романье сильного государства Чезаре Борджиа. В 1501 г. Чезаре атаковал Флоренцию. Это вызвало восстания в Ареццо, Монтепульчано и Пистойе. Республика была не в силах оказать эффективного сопротивления. Лишь вмешательство Франции заставило Чезаре Борджиа вывести войска из долины Арно.

Чезаре Борджиа, Цезарь— (итал. Cesare Borgia; 18 сентября 1475, Рим -12 марта 1507, Виана) политический деятель, герцог валансский и романьольский, принц Андрии и Венафра, граф дийосский, правитель Пьомбино, Камерино и Урбино, гонфалоньер и генерал-капитан Святой церкви. Сын Родриго Борджиа, будущего папы Александра VI, и Ваноццы де Каттани. Талантливый военачальник и жестокий правитель. Макиавелли считал его образцом правителя. Отличался крайней мстительностью и злопамятностью. Погиб 12 марта 1507 года в Наварре при осаде замка Бьюмонт.

Макиавелли— Никколо Макиавелли 3 мая 1469 г.- 21 июня 1527 г. Родился во Флоренции. Получил прекрасное для своего времени гуманистическое образование.

В июне 1498 г. Макиавелли был избран Большим Советом на важный государственный пост — второго канцлера. Месяц спустя он был назначен секретарем Военного совета десяти — комитета, ведавшего международной и военной политикой Флоренции.

В октябре 1502 года Макиавелли был направлен для переговоров с герцогом Романьи

Чезаре Борджиа, который начал военную кампанию на границе с Флоренцией.

В ноябре этого года Макиавелли был смещен с государственной должности. Тремя месяцами спустя он был ложно обвинен в заговоре. Арестованный и заключенный в тюрьму на 22 дня, он подвергался во время допроса пытке. Был освобожден в марте.

После освобождения Макиавелли удалился на семейную ферму в Сант-Андреа, в 7 милях к Югу от Флоренции. Там в декабре 1513 года он написал: книгу «О княжествах». Этой книге суждено было завоевать исключительную известность под названием «Государь». В 1514 году Макиавелли начинает присутствовать на собраниях группы опальных республиканцев. Они проводились за пределами Флоренции, в садах — Orti Oricellary — принадлежавших одному из них. Все эти дискуссии, проходившие в Orti Oricellary, заставили Макиавелли написать новую книгу, над которой он работал пять лет, — «Рассуждения по поводу первой декады Тита Ливия» — основанную на первых десяти книгах истории древнего Рима Тита Ливия (59 до н. э — 17 н. э.).

В следующем 1516 году он работал над небольшим трактатом под названием «Военное искусство». В ноябре 1520 года Макиавелли получил официальное поручение от Джулио де Медичи написать историю Флоренции.

Леонардо да Винчи —Леона?рдо ди сер Пье?ро да Ви?нчи (итал. Leonardo di ser Piero da Vinci, 15 апреля 1452, село Анкиано, около городка Винчи, близ Флоренции — 2 мая 1519, замок Кло-Люсэ, близ Амбуаза, Турень, Франция) великий итальянский художник (живописец, скульптор, архитектор) и учёный (анатом, математик, физик, естествоиспытатель), яркий представитель типа «универсального человека» (лат. homo universale) — идеала итальянского Ренессанса. Живописец, инженер, механик, плотник, музыкант, математик, патологоанатом, изобретатель.

Захват португальцами колоний в Индии и падение торгового могущества Венецианской республики —одним из столпов торгового могущества Венеции была торговля индийскими товарами, покупаемыми у турецких и арабских купцов. Захват португальцами колонии в Индии привел к тому, что поток пряностей и иных экзотических товаров пошел через португальских купцов, минуя венецианских, что и повлекло утрату значительной части, как сейчас говорят сверхприбылей.

Светило астрономии, господина Коперника —Коперник (Kopernik, Copernicus) Николай (1473–1543), польский астроном, богослов, медик, математик, естествоиспытатель, талантливый администратор, создатель гелиоцентрической системы мира. Совершил переворот в естествознании, отказавшись от принятого в течение многих веков учения о центральном положении Земли. Объяснил видимые движения небесных светил вращением Земли вокруг оси и обращением планет (в т. ч. Земли) вокруг Солнца. Свое учение изложил в сочинении «Об обращениях небесных сфер» (1543), запрещенном католической церковью с 1616 по 1828 гг.

Работать в котором ему все равно никто бы не дал —в описываемые времена практически все западноевропейские ремесленники были объединены в цеха. Цех указывал мастеру, сколько и какого продукта он должен производить, по какой цене продавать, сколько работников и подмастерьев содержать и т. д. Участь бедолаги, повздорившего со своим цехом, и изгнанного из него была незавидна. Спокойно жить работать в этом городе ему бы никто не позволил.

Артиллерийские картузы —полотняные мешки с зарядом пороха. Иногда картузы изготавливали из крепкого картона.

Абенаки —(самоназв. алнанбалы) североамериканское индейское племя, принадлежащее к алгонкинской языковой семье.

Летом 1501 года их прибрежное поселение подверглись нападению белых —здесь имеется в виду, вторая экспедиция Гашпара Кортириала который в январе 1501 года с тремя кораблями отправился на северо-запад, но взял курс несколько южнее, чем в 1500 году. Прodelав, как ему казалось, гораздо больший путь, чем в предыдущем году, он открыл на севере землю, названную им Терра Верди («Зеленая Земля»). В октябре того же года два судна экспедиции вернулись на родину и доставили в Лиссабон несколько странных людей. Третий же корабль, на котором находился сам Гашпар, пропал без вести. На следующий год на его поиски к берегам Америки отправились еще три каравеллы под командованием Мигеля Кортриала, корабль Мигеля так же пропал, остальные два вернулись ни с чем (в нашей истории не вернулся ни один).

Гичи Маниту —Великий Дух, верховное божество североамериканских индейцев.

Возьми чуть о шуйцу —(старорус.) здесь, взять чуть левее. Шуйца — левая рука, соответственно десница — правая.

Ранкона —разновидность протазана отличалась более коротким от 1.5 метра древком.

Томагавк, изогнутая деревянная палица с шарообразным утолщением на боевом конце —именно так и выглядели томагавки до знакомства индейцев с железом. Иногда правда на боевой конец томагавка крепился увесистый булыжник.

Онейды— (онайды) североамериканское индейское племя входившее в ирокезский племенной союз.

Калильные печи —на береговых батареях строились специальные печи, в которых разогревали (калили) ядра, для того, чтобы при попадании в деревянный корабль вызвать на нем пожар. В реальной истории были изобретены значительно позднее.

Кокор— деревянная или металлическая коробка для хранения артиллерийских картузов, цилиндрической формы.

Он понимал, что большого вреда защитникам крепости это не принесет —дальность, точность и мощность огня тогдашней артиллерии была крайне отвратительной.

Озеро Онтарио —самое восточное из североамериканских Великих озер.

Кайюгисевероамериканское индейское племя входившее в ирокезский племенной союз.

Оджибвеи —(оджибве) североамериканское индейское племя, относящееся к алгонкинской языковой семье.

Рудознавец— человек владеющий навыками обнаружения руд. Практически «предок» нынешнего геолога.

Полакр —средиземноморское трехмачтовое торговое судно большого водоизмещения, способное нести как прямые так и косые (латинские) паруса.

Удалось построить сверлильный станок, приводящийся в движение огромным водяным колесом —в реальности подобные технологии появились только в конце 16 — начале 17 веков.

Кремневые замки —ружейные замки, в которых воспламенение пороха производилось от искры возникающей при ударе кремня о железо.

Шпиндель —вращающаяся часть станка, в которой крепится сверло.

Ворвань —китовый жир.

Прибыли эта операция принесет небольшие —здесь купец несколько покривил душой, в действительности перечисленный товар достаточно редкий, и следовательно дорогой.

Пеннакуков, покумтуков, пекотов, масачусетов и вапаноагов —североамериканские индейские племена, относящиеся к алгонкинской языковой семье.

Навакамиг —(алгонк.) срединная земля.

Маквагабо —(алгонк.) Стоящий Медведь.

Гижияш Нигиг —(алгонк.) Быстро Плавающая Выдра.

Вабогима —(алгонк) Белый Вождь.

Мисковагош —(ирук.) Красный Лис.

Жигаги —(ирук.) скунсы.

Вабозо —(алгонк.) кролик.

Фальконет— мелкокалиберная (примерно около 30 мм) медная или бронзовая пушка.